

ПО СѢВЕРНОЙ РОССІИ.

Дневникъ воспитанниковъ Самарской Духовной Семинаріи за время лѣтней поѣздки 1903 года.

(Продолженіе).

17 іюня. Послѣ утренней молитвы и чая экскурсанты собрались въ вестибюль семинарскаго зданія и, въ сопровожденіи о. Сергія, двинулись кратчайшимъ путемъ, чрезъ Академію и Лавру, къ Калашниковской набережной — пристани Валаамскихъ пароходовъ. Шли пѣшкомъ. О. Сергій распорядился, чтобы его экипажъ былъ отданъ для перевозки багажа воспитанниковъ. Другой былъ нанятъ самими воспитанниками и на немъ, вмѣстѣ съ узлами, помѣстился А. Е—чъ.

Въ одушевленной бесѣдѣ путь прошелъ незамѣтно. О. Сергій знакомилъ насъ съ мѣстностью и давалъ указанія относительно предстоящаго путешествія. Мирная бесѣда, впрочемъ, на одинъ моментъ была нарушена какимъ-то, не то пьянымъ, не то сумасшедшимъ рабочимъ, который предъ нами снялъ фуражку и зароралъ во все горло — „Спаси, Господи, люди твоя“... Миновавъ церковь Бориса и Глѣба, спустились по набережной къ конторкѣ монастырской пристани и перешли на пароходъ. Согласно условію, здѣсь насъ ожидалъ помощникъ инспектора Самарской семинаріи К. И. Смагинъ, пріѣхавшій нарочито съ утреннимъ поѣздомъ для того, чтобы сопровождать насъ до Валаама и раздѣлить съ нами все остальное путешествіе. Наша компанія, такимъ образомъ, увеличилась еще однимъ путникомъ.

Обмѣнявшись привѣтствіемъ и переложивъ багажъ съ семинарскаго экипажа на пароходъ „Валаамъ“, путешественники остановились въ ожиданіи, пока пріѣдетъ другой извозчикъ. Но из-

возчикъ не показывался. По мѣрѣ приближенія часа отъѣзда, ожиданіе становилось все болѣе и болѣе напряженнымъ: съ пристани поднимались на берегъ посмотрѣть, не видно-ли вдали гдѣ-нибудь знакомой фигуры; дѣлали предположенія о томъ, что А. Е., по незнанію столицы, проѣхалъ не на ту пристань. Вновь прибывшій помощникъ инспектора шутилъ, что „А. Е. — ча вмѣстѣ съ узлами въ часть забрали“.

Наконецъ уже второй звонокъ. Отслуживши напутственный молебенъ, пароходская команда готовится къ отплытію. Занимаемъ и мы свои мѣста. О. Сергій, тревожно посмотрѣвъ еще разъ съ берега по тому направленію, откуда долженъ пріѣхать запоздавшій преподаватель, даетъ намъ обѣщаніе направить его слѣдомъ за нами по Финляндской желѣзной дорогѣ. Затѣмъ — прощаемся и, среди многого множества богомольцевъ, съ послѣднимъ свисткомъ выстраиваемся около борта монастырскаго парохода. Одновременно съ нами ѣдетъ группа студентовъ Петербургской Академіи подъ руководствомъ своего инспектора о. Теофана. Вмѣстѣ съ ними и богомольцами составляемъ общій хоръ и при отходѣ отъ пристани поемъ тропарь преподобнымъ Валаамскимъ чудотворцамъ.

Едва успѣли кончить пѣніе, какъ одинъ изъ насъ, вооруженный биноклемъ, торжественно доложилъ:

— Смотрите, А. Е. ѣдетъ.

Пароходъ отошелъ уже сажень на двѣсти и шель близко къ берегу. Хорошимъ глазомъ можно было рассмотреть фигуру запоздашаго путника, окруженную со всѣхъ сторонъ узлами. Мы ѣхали другъ другу на встрѣчу: А. Е. на западъ, мы — на востокъ. Оставалось раскланяться и пожелать счастливаго пути. Но на этотъ разъ было не до смѣху: всѣ мы оказались „на погорѣломъ положеніи“: у одного пальто нѣтъ, у другого — одѣяла и подушки, у третьяго — калошъ, у четвертаго — „чайникъ остался“. По счастью наша провизія — въ цѣлости и даже съ избыткомъ: въ Петербургской семинаріи намъ испекли пироги на дорогу.

— Чисто мамаша хорошая, замѣчаетъ по этому поводу одинъ изъ воспитанниковъ: и въ дорогу-то напекла подорожниковъ...

Наша компанія группируется на носовой части палубы. Десятокъ воспитанниковъ готовятся къ обзорѣнію достопримѣчательностей Валаамскаго монастыря,—сидятъ и читаютъ книги „Путешествіе на Валаамъ“ и „Валаамскіе подвижники“. Другая группа, вооружившись очками и биноклями, разсматриваетъ окрестности. Большинство собралось около якоря и, смотря на заводы и фабрики, расположенные по берегамъ Невы, слушаетъ рассказъ о. ректора о дѣятельности здѣшняго общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія.

Это общество захватило своею дѣятельностью всю столицу. Во всякой церкви Петербурга и почти во всякомъ мѣстѣ значительнаго скопленія народа слышится теперь живое проповѣдническое слово членовъ-просвѣтителей; на средства общества устраиваются новые храмы (въ настоящее время общество строить уже пятую церковь); ведутся чтенія, учреждаются воскресныя школы, братства трезвости и благотворительности. Во главѣ дѣла стоитъ Петербургское духовенство; ему помогаютъ студенты — проповѣдники. Разъ въ годъ члены общества собираются въ общемъ собраніи; нѣсколько разъ устраиваются частныя собранія, на которыхъ обсуждаются темы проповѣдей и чтеній и всѣ недоумѣнные вопросы просвѣтительнаго дѣла.

Главное вниманіе членовъ общества обращено на центры заводской и фабричной дѣятельности. Почти на каждой фабрикѣ и заводѣ отъ имени общества ведутся чтенія и внѣбогослужебныя бесѣды. Бесѣда обыкновенно пріурочивается къ окончанію занятій рабочими: или ведется въ праздникъ, или въ будни — въ вечерніе часы. Начинается богослуженіемъ — вечерней или молебномъ, иногда смѣняется пѣніемъ хора и оканчивается общей молитвой. Предметомъ чтенія въ большинствѣ случаевъ служатъ недостатки и пороки наиболѣе распространенные въ средѣ рабочихъ. Иногда лекторъ производитъ такое сильное впечатлѣніе, что тутъ же находятся слушатели, которые выражаютъ желаніе измѣнить свою жизнь. Такимъ образомъ полагается начало братству трезвости, которое потомъ, постепенно разрастаясь, захватываетъ собою все большій и большій кругъ послѣдователей. Къ рабочимъ присоеди-

няются мелкіе торговцы, извозчики, ремесленники и жители загородныхъ слободъ Петербурга. Есть общества, насчитывающія до четырехъ и болѣе тысячъ членовъ. Почти каждое общество имѣетъ свой капиталъ, составившійся изъ мелкихъ, часто 25 копѣчныхъ членскихъ взносовъ. Въ воскресные дни, послѣ окончанія богослуженія, съ общаго согласія выдается изъ общественнаго капитала пособіе бѣднѣйшимъ членамъ: иногда пять, иногда семь или десять рублей. Въ минувшіе годы такая помощь назначалась преимущественно больнымъ, оставшимся безъ работы, женамъ, потерявшимъ мужей и отправляющимся на родину вмѣстѣ съ дѣтьми. Общества трезвенниковъ имѣютъ свой хоръ; устраиваютъ крестные ходы и общественныя богослуженія. Иногда даже предпринимаютъ экскурсіи на Валаамъ или въ Сергіеву пустынь. У нѣкоторыхъ, наиболѣе правильно организованныхъ обществъ есть свои библіотеки, при которыхъ продаются книги религіозно-нравственнаго содержанія...

На половинѣ рѣчного пути собираются пѣвчіе вмѣстѣ, приглашаютъ регента и, раздобывши гдѣ-то ноты, поютъ „лаврскій гимнъ“:

О, дивный островъ Валаамъ!

Рука Божественной судьбы

Воздвигла здѣсь обитель рая,

Обитель вышней чистоты,

Обитель чудную, святую,

Жилище избранныхъ людей,

Обитель сердцу дорогую,

Обитель мира отъ страстей.

Богоизбранная обитель!

Пречудный островъ Валаамъ!

Тебя дерзнулъ воспѣть твой житель,

Прими его ничтожный даръ!

Не знаю, какъ воспѣть съумѣю

Твои долины и поля,

Твои лѣса, твои заливы,

Твои священныя мѣста.

Я о тебѣ сказать не смѣю:
Ты такъ величіемъ полна!
Сложить я пѣсни не умѣю:
Передъ тобой она блѣдна.

Одно скажу лишь я: безъ мѣры
Ты въ жертву Богу принесла
Всю чистоту святыхъ вѣры
И плодъ священнаго труда.

Какое мѣсто ты избрала!
Какой воздвигнула алтарь,
И какъ прилежно воспѣвала
Въ немъ Бога истиннаго тварь.

Но было здѣсь иное время:
Стояло капище боговъ,
И жизнь грѣховная кипѣла
Подъ окомъ бдительныхъ жрецовъ.

Не знаю я, какъ долго длилась
Та служба мерзостнымъ богамъ;
Но милость Божія явилась
На сей гранитный Валаамъ:

Андрей Апостоль, — есть преданье, —
Крестомъ разсѣялъ мракъ грѣха,
Предрекши вѣры процвѣтанье,
Поста, молитвы и труда.

Сбылося Божье слово вѣрно:
Тотъ крестъ прогналъ враговъ Христа,
И нынѣ зримъ, — какъ ты священна,
Обитель вышняго царя.

Тебя подвижники святые
Сергій и Германъ основали,
Здѣсь же и мощи ихъ честныя
Своимъ нетлѣньемъ просіяли;

А души ихъ тамъ въ небесахъ,
Въ чертогахъ Божіихъ витають.

На всѣхъ насъ грѣшныхъ — въ чудесахъ
Щедроты Божіи являютъ.

Хвала тебѣ, обитель славы!
Ты блещешь въ юной чистотѣ,
Храня всѣ строгіе уставы
Въ своемъ монашескомъ житьѣ.

Мнѣ перечестъ не хватитъ силы
Святыхъ подвижниковъ твоихъ,
Но ихъ поросшія могилы
Легко наполнить могутъ стихъ.

Одно, одно лишь знаю вѣрно:
Ты много вынесла скорбей,
Терпѣла много искушеній
Отъ злыхъ, завистливыхъ людей.

Тебя не разъ опустошала
Толпа неистовыхъ враговъ;
Но ты лишь мужество являла
Средь всѣхъ лишеній и тревогъ.

И послѣ долгихъ испытаній,
Опустошеній и борьбы,
Какъ властелинъ своихъ желаній,
Во всей красѣ явилась ты.

Смиренныхъ иноковъ обитель!
Пріютъ трудящихся рабовъ,
Въ духовный міръ путеводитель,
Отъ силы вражіей покровъ!

Могу-ли я узрѣть твердыню,
На коей выстроилась ты?
Могу-ль воспѣть твою святыню
И понести твои труды...

Свое бессилье сознавая,
Чтобъ величать тебя въ стихахъ,
Я дальше продолжать не стану
Сама обитель на глазахъ!

Одной желаю лишь отрады,—
О семъ съ надеждой я молюсь,—
Прожить въ стѣнахъ твоей ограды,
Пока за гробъ переселюсь!..

Взыграйте, горы Валаама,
Подъ сѣнью милости Творца,
Отъ насъ хвала Ему и слава
Да будетъ вѣчно безъ конца!

„Посредѣ ученикъ“ сидитъ о. ректоръ на лапахъ якоря и, смотря вдаль, на рѣчные пороги и красивые берега Невы, внимательно слушаетъ аскетическій заунывный мотивъ. Притихли и остальные: отшельническая музыка производитъ на всѣхъ, видимо, сильное впечатлѣніе.

Лаврскій гимнъ смѣняется пѣніемъ знакомыхъ церковныхъ пѣснопѣній. Поемъ „Къ Богородицѣ прилежно“, „Милосердія двери отверзи намъ“ и „Волною морскою“.

Между паломниками немало алкоголиковъ. Вмѣстѣ съ родными они ѣдутъ помолиться о своемъ исцѣленіи. Но пока еще не дѣлаютъ никакихъ усилій для того, чтобы освободиться отъ пагубной привычки. Въ самую середину хора врывается одинъ изъ такихъ „страждущихъ“ и, рекомендуясь „первымъ пьяницей“, пытается принять участіе въ общемъ пѣніи. Вслѣдъ за нимъ подходитъ къ нашей группѣ солидный господинъ, съ бакенбардами и папирсой въ зубахъ (папирса едва во рту держится) и тоже начинаетъ пѣть, но тоже неудачно. Лучше ихъ пристаётъ къ общему хору старуха—богомолка. Она наслаждается нашимъ пѣніемъ: поетъ на высокихъ нотахъ и заливается горячими слезами.

Частые свистки мѣшаютъ пѣнію. Съ берега дачники аплодируютъ пѣвцамъ и машутъ платками. Широко разсѣвая волны, проходитъ и обгоняетъ насъ винтовой пароходъ „Шлиссельбургъ“, на которомъ могъ бы насъ догнать А. Е. Съ правой стороны Невы высятся три историческихъ сосны, и тѣмъ когда-то мужикъ спасъ Петра Великаго и, въ награду себѣ, выпросилъ позволеніе безданно — безпошлинно пить во всѣхъ кабакахъ. Гранитный

памятникъ съ рѣшеткой отмѣчаетъ это мѣсто, а три сосны уже значительно состарѣлись и мѣстами посохли. Ближе къ Ладожскому озеру вниманіе паломниковъ привлечено большимъ пожаромъ на лѣсопилкѣ.

Въ два часа дня пароходъ подходитъ къ Шлиссельбургу. При входѣ къ пристани, въ виду храма Казанской Божіей Матери, паломники встаютъ у борта и молятся, при пѣніи воспитанниками тропаря „Заступнице усердная“. Вдали, за Шлиссельбургской крѣпостью, разстилается синяя даль Ладожскаго озера.

Наступаетъ время обѣда. На этотъ разъ семинарская столовая перенесена въ помѣщеніе перваго класса парохода „Валаамъ“. Собираемся здѣсь въ тѣсной общей залѣ, занимаемъ всѣ столы и, обратившись на востокъ, поемъ молитву предъ обѣдомъ. Предсѣдательское мѣсто за столомъ принадлежит о. ректору. Обѣдъ скудный: щи съ ладожскими снѣтками и каша. Недостатокъ питанія въ значительной степени восполняется игривыми воспоминаніями о сегодняшнемъ безпокойномъ утрѣ.

Послѣ обѣда — чай на палубѣ, въ виду безбрежной дали озера — моря. Небо ясное и море спокойное, какъ рѣдко бываетъ. Воспитанники очень жалѣютъ, что не придется испытать увольствія морской качки.

Квечеру новая спѣвка. Съ трудомъ собираются усталые пѣвцы, спорятъ, совѣтуются, держатъ ноты, разсуждаютъ о томъ, „кому и какъ сидѣть“. Наконецъ, когда солнце уже начинаетъ клониться къ закату, всѣ оживляются вечерней прохладой и надъ водами Ладожскаго озера раздается стройный гимнъ: — „Благослови душе моя Господа“.

Легкій вѣтеръ шелеститъ одеждой пассажировъ. Мѣрно разсѣкаетъ волны монастырскій пароходъ. Регентъ стоитъ безъ шапки, съ нотами въ рукахъ, на носу корабля, басы сидятъ на цѣпи и на лапахъ якоря, тенора держатся рукой за веревку мачты. Нѣсколько пѣвцовъ стоятъ позади регента и смотрятъ въ направленіи заходящаго солнца. вмѣсто аналоя имъ служитъ пароходскій мѣдный колоколь. Задумавшись надъ волнами, смотрятъ вдаль авва и отецъ Теофанъ...

Пѣвчіе продолжаютъ пѣть:

„Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя“...

Сильно звучать отвѣтнымъ, аккордомъ молодые голоса: „Услыши мя, Го-спо-ди“. „Изведи изъ темницы душу мою“... И кажется невольно на этотъ разъ, что далеко мірская темница, что мы, одинокіе, затерявшіеся среди этого безбрежнаго моря, дѣйствительно на свободѣ служенія Господу.

Одинъ за другимъ все больше и больше тѣсняются около пѣвчихъ паломники. Маленькая дѣвочка съ большой шалью встала на лавку, чтобы лучше можно было слышать пѣніе. Пригорюнились и погрузились въ созерцаніе двѣ старушки. Набожно стоитъ и крестится крестьянинъ, снявши шапку. Наконецъ, народу набирается столько, что нѣтъ возможности пройти дальше.

— „Свѣте тихій святыхъ славы— поютъ юноши при свѣтѣ заходящаго солнца.. Видѣвше свѣтъ вечерній“ — звучитъ, выдѣляясь изъ общаго хора, серебряный теноръ одного изъ воспитанниковъ. Вѣтеръ слегка растрепалъ его волосы, яркіе лучи солнца заставляютъ немного щуриться...

Всенощная идетъ далѣе обычнымъ порядкомъ.

— „Ублажаемъ васъ, преподобніи отцы наши Сергіе и Германе, и чтемъ святую память вашу“ — съ одушевленіемъ поютъ путники въ честь и память первыхъ подвигоположниковъ здѣшняго дикаго края...

Хорошо бы вспомнить эту службу послѣ, черезъ десять — двадцать лѣтъ. Изломанные жизнью одушевятся-ли тогда теперешніе путники при воспоминаніи объ этой молитвѣ среди дикой сѣверной природы, при холодномъ дыханіи сѣвернаго вечера. Вспомнятъ-ли они о своей юности, объ идеалахъ, которые тогда уже растеряны будутъ на стогнахъ жизни, о святыхъ намѣреніяхъ...

Вдали, на восточной сторонѣ озера, виднѣется покрытый густымъ лѣсомъ островъ и на немъ бѣлѣетъ группа храмовъ. Это — Коневецъ. Въ виду монастыря, кончаемъ спѣвку гимномъ Божіей Матери: „Взбранной воеводѣ“.

Около восьми часовъ пароходъ остановился у пристани Ко-

невца, на разстояніи 180 верстъ отъ Петербурга. Здѣсь предполагается ночлегъ. Выйдя на конторку, обращаемся къ иконѣ преподобнаго Арсенія Коневскаго и испрашиваемъ себѣ въ молитвенномъ пѣніи благословеніе Святого Хозяина этого острова. Своеобразную картину представляетъ собою, въ виду окруженнаго дѣвственнымъ лѣсомъ монастыря, хоръ юношей, съ узлами въ рукахъ... Помолившись предъ св. иконою, всей толпой поднимаемся въ гору и мимо цвѣтника, устроеннаго на камняхъ, идемъ въ монастырскую гостиницу, а затѣмъ, размѣстившись по номерамъ, отправляемся на поклоненіе святынямъ.

Главная святыня монастыря—св. мощи преподобнаго Арсенія Коневскаго переносятъ нашу мысль ко временамъ Вольнаго Новгорода. Въ 1393 году, по благословенію архіепископа Новгородскаго Іоанна отыскивавшій на Ладожскомъ озерѣ мѣсто уединенія преподобный Арсеній былъ прибитъ волнами къ этому острову и, видя въ томъ указаніе Божіе, построилъ здѣсь во имя Пречистой Богородицы деревянную церковь, а затѣмъ основалъ монастырь. Тяжелые дни въ первое время переживала св. обитель: голодъ немногочисленной братіи временами доводилъ ее до рѣшенія покинуть насиженное мѣсто, но заступленіемъ Пресвятой Богородицы и попеченіями Святителя Новгородскаго Евфимія (постриженника одного монастыря со св. Арсеніемъ) эти трудные дни миновали, и обитель благополучно просуществовала до 1610 года. Въ этотъ годъ, послѣ передачи Корельской области шведамъ, Коневскій монастырь былъ упраздненъ, а оставшіеся монахи переселились въ Новгородскій Деревяницкій монастырь. Въ 1718 году Коневская обитель вновь была возобновлена: построена въ ней церковь и возвращена изъ Деревяницкаго монастыря чудотворная икона Коневской Божіей Матери. Съ тѣхъ поръ монастырь существуетъ непрерывно до настоящаго времени.

Послѣ молебна предъ иконою Божіей Матери и поклоненія мощамъ преподобнаго Арсенія, почивающимъ въ нижнемъ соборномъ храмѣ, выходимъ за ограду и, послѣ непродолжительнаго пребыванія въ часовнѣ, гдѣ сохранилось сказаніе о явленіи Божіей Матери ученику Арсеніеву Іоанну,— идемъ со-

сновымъ лѣсомъ въ направленіи Конь-Камня. Благодатный вечеръ, въ полномъ смыслѣ весенній расцвѣтъ и ароматный, пропитанный запахомъ сосны, воздухъ, повышаютъ настроеніе и дѣлаютъ незамѣтнымъ пѣшій путь. Пройдя довольно приличное разстояніе, спускаемся, среди дремучихъ сосенъ, нѣсколько подъ гору, и предъ нашимъ взоромъ открывается, въ виду просвѣчивающей чрезъ вѣтви сосенъ озерной дали, часовня, построенная на громадномъ камнѣ. Когда то на этомъ мѣстѣ прибрежные язычники Корельской земли, поклонявшіеся свѣтиламъ небеснымъ, приносили въ жертву одного коня, чтобы духи охраняли ихъ скоть, оставленный здѣсь на цѣлое лѣто. Для входа въ часовню устроена лѣстница съ двадцатью пятью ступенями. Несмотря на поздній часъ, въ ожиданіи богомольцевъ, часовня освѣщена огнями. Поднимаемся въ лѣстницу и входимъ въ часовню. Очередной монахъ продаетъ здѣсь свѣчи и картины. Помолившись, часть воспитанниковъ остается въ часовнѣ; одинъ изъ нихъ съ восковой свѣчей въ рукахъ читаетъ народу священныя сказанія, вывѣшенныя на стѣнахъ; остальные—спускаются подъ гору и среди вѣковыхъ деревьевъ и громадныхъ береговыхъ камней устраиваютъ купанье.

Взору открывается достойная кисти художника картина лѣтняго вечера на Ладожскомъ озерѣ. Необъятная даль, сливающаяся на горизонтѣ съ розовымъ отсвѣтомъ заката. Въ ту и другую сторону—берегъ, покрытый дремучимъ лѣсомъ. По мѣстамъ одна какая-нибудь громадная старая сосна выставляется впередъ на гранитномъ утесѣ. Слышится тихій, ласковый всплескъ морского прибоя. А сверху серпикъ луны свѣтитъ яркимъ серебристымъ свѣтомъ среди бѣлой ночи. Но лучше всего сочетаніе цвѣтовъ озерной дали и горизонта: такихъ нѣжныхъ тоновъ не передастъ, намъ кажется, и кисть художника.

Уставшіе путники не нахвалятся купаньемъ: нигдѣ доселѣ не приходилось имъ встрѣчать такой чистой, прозрачной воды, какъ въ Ладожскомъ озерѣ. Только слишкомъ низка температура, да берегъ каменистый, надо быть очень осторожнымъ, чтобы не испортить ноги.

По возвращеніи изъ обозрѣнія окрестностей монастыря, по-

слушники угощали насъ ужиномъ. На каждый номеръ была принесена большая миска щей и блюдо каши. Послѣ ужина въ одномъ изъ номеровъ поднялась оживленная бесѣда. Вошелъ авва. Посидѣлъ, помолчалъ, пока утихли собесѣдники, потомъ незамѣтно вышелъ.

Всѣ остальные путники спали крѣпкимъ сномъ. Послѣ утомительной дороги отдыхъ въ чистыхъ и уютныхъ монастырскихъ помѣщеніяхъ казался блаженствомъ.

18 іюня звонокъ разбудилъ насъ въ пятомъ часу утра. Надо было успѣть до отхода парохода отслужить литургію и молебенъ. О. ректоръ всталъ еще раньше насъ, въ три часа, и служилъ утреню въ верхнемъ храмѣ монастырскаго собора. На прокомидіи іеродіаконъ читалъ нашъ помянникъ, литургію пѣлъ хоръ воспитанниковъ. На литургіи и молебнѣ молились о здравіи уже пятаго архіерея—Преосвященнѣйшаго Николая, Архіепископа Финляндскаго и Выборгскаго. Послѣ обѣдни о. ректоръ, въ сослуженіи настоятеля и іеромонаховъ монастыря, служилъ молебенъ предъ иконой Коневской Божіей Матери. По окончаніи молебна собрались въ покояхъ о. настоятеля. Недолго заставилъ насъ ждать смиренный игумень. Выйдя изъ сосѣдней комнаты, онъ въ простыхъ, теплыхъ и задушевныхъ выраженіяхъ благодарилъ насъ за то, что вспомнили о его пустынномъ монастырѣ и желалъ намъ, какъ могъ и умѣлъ, всякихъ милостей отъ Господа Бога. Благочестивый старецъ, видимо, живетъ одной духовной жизнью. О немъ рассказывали, что недавно на предложеніе выстроить въ Петербургѣ доходное подворье, онъ отвѣтилъ отказомъ: „подворье построить—надо тамъ людей содержать, а въ столицѣ соблазновъ много: пойдеть туда инокъ и погибнетъ изъ-за нашего монастыря, а мы за него должны будемъ Богу отвѣтъ дать“... Отецъ казначей провожалъ насъ до пароходской пристани.

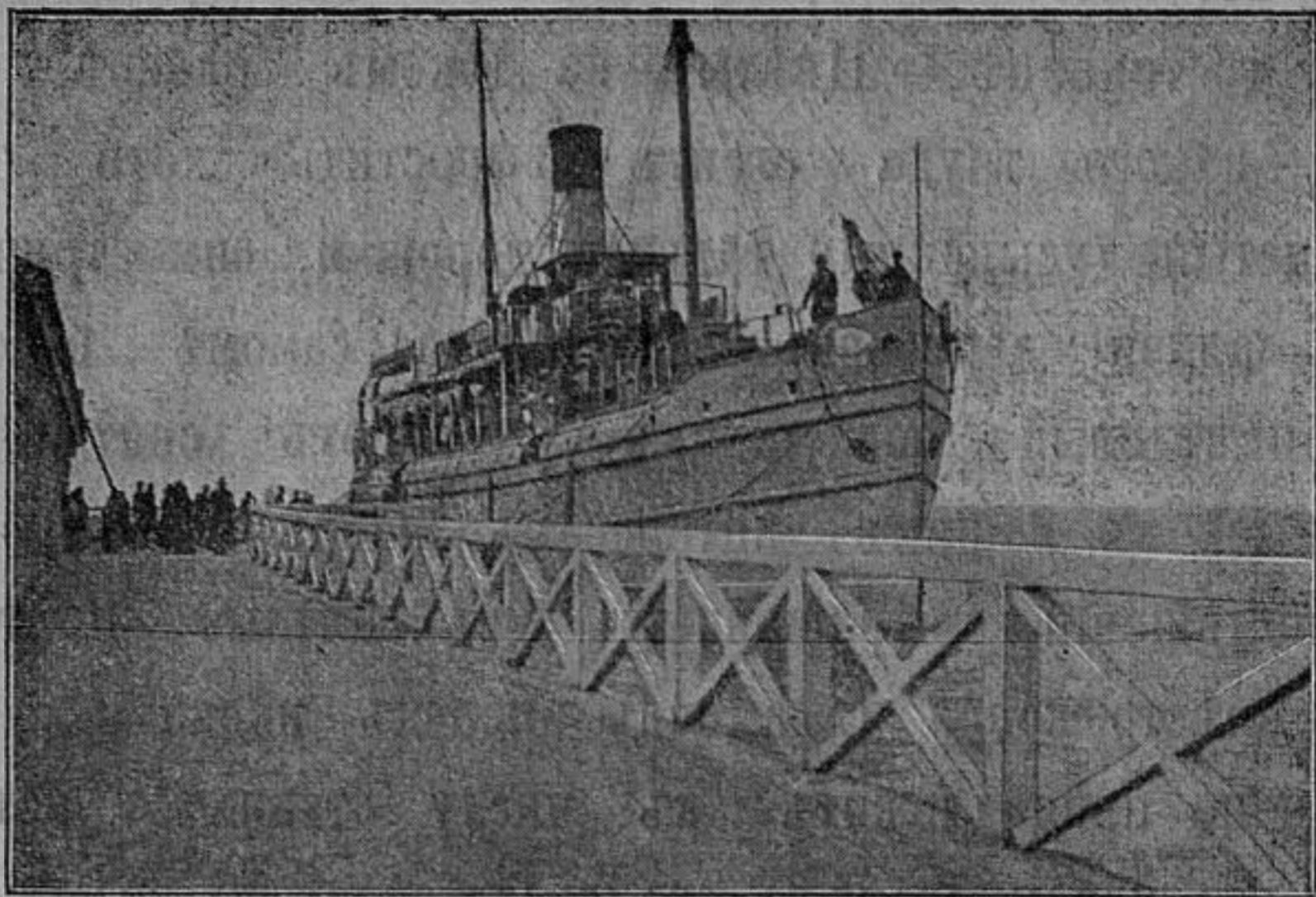
Тихое, умиротворяющее впечатлѣніе оставила въ насъ Коневская обитель. Уже самый внѣшній видъ окруженныхъ зелеными соснами бѣлыхъ храмовъ среди моря невольно привлекаетъ вниманіе утомленнаго путника. Еще болѣе усиливается впечатлѣніе тогда, когда, сопровождаемый шелестомъ прибрежной

волны, вы вступаете на берег и, мимо монастырскаго цвѣтника, идете къ гостинницѣ. Цвѣты на дикомъ сѣверѣ, почти на камняхъ —какого труда стоитъ выростить хотя одинъ изъ нихъ!.. Чистыя, усыпанныя галькой дорожки, симметрично расположенныя аллеи деревьевъ почти на самомъ берегу озера; далѣе —привѣтливый послушникъ у воротъ святой обители, внимательные къ вашимъ интересамъ монахи, безукоризненная чистота помѣщеній, окрашенныхъ въ свѣтлые цвѣта, вѣтви деревьевъ вмѣсто ковра и лампы передъ иконами... Коневскій монастырь не принадлежитъ къ числу такихъ, которые „не нуждаются въ паломникахъ“; его средства очень ограничены. Но здѣсь нѣтъ ухаживанія за богатыми и невниманія къ бѣднымъ. Простота, сердечность обращенія, родственное радушіе замѣняетъ всякую расчетливость и предварительныя соображенія. Монахи встрѣчаютъ васъ съ такимъ настроеніемъ, какъ будто вы пріѣхали съ далекой родной стороны и провожаютъ съ сожалѣніемъ, что „мало побыли“, мало интереснаго рассказали. Будто каждый изъ нихъ, провожая паломника, уже остается одинъ, теряетъ своего близкаго знакомаго. Это впечатлѣніе безыскусственно устанавливаемой родственной связи мірянина и монаха, среди обычныхъ холодныхъ настроеній и оффиціальной вѣжливости вполне соответствуетъ привлекательному мѣстоположенію обители: условія внѣшняго быта отражаются, очевидно, и на внутренней жизни.

Еще не ушелъ провожавшій насъ о. казначей, а пароходъ уже далъ послѣдній свистокъ и началъ отчаливать. Мы собрались у борта и пѣли тропарь Преподобному Арсенію. Монастырскій послушникъ, пришедшій на пристань съ аппаратомъ, сдѣлалъ фотографическій снимокъ.

Было восемь часовъ утра. Мы снова размѣстились на канатахъ, на якорѣ, на сундукахъ и лавочкахъ палубы.

Населеніе парохода стихло: вчерашній „первый пьяница“ ходитъ унылый и уже не вступаетъ съ нами въ бесѣду. На палубѣ лежатъ мужики „крестами“: одинъ служитъ изголовьемъ для другого. На цѣлой горѣ узловъ около трубы, въ нѣсколько этажей наши юноши спятъ мертвымъ сномъ; одинъ держится за

трубу, другой лежит свѣсивши голову внизъ, третій весь закрытъ подушками. Вблизи „гробницъ почившихъ“ и потѣшаясь надъ ними, другая группа въ обществѣ помощника инспектора и какой-то старухи — богомолки пьютъ чай и, забывши чины, одушевленно бесѣдуютъ. „Карпычъ“ исполняетъ обязанности „хозяйки“. Бережливая старуха, напившись, половину куска сахару возвращаетъ владѣльцу: „Спаси тебя Богъ“.

— Не мое, бабушка, Божье, отвѣчаетъ помощникъ инспектора. Послѣ чаю надо отыскать какой-то узелъ. Разрываютъ гору багажа, смотрятъ — человекъ.

— Ты какъ сюда попалъ?

Тотъ, вмѣсто отвѣта, таращитъ удивленные глаза, поворачивается на другой бокъ и продолжаетъ спать: „еще Валаамъ далеко“.

О. ректоръ, въ сторонѣ, сидитъ на желѣзной тумбѣ и, опираясь на своего „монаха“, *) читаетъ книгу. Пароходскій послушникъ очень озабоченъ тѣмъ, что аввѣ почти не пришлось спать сегодняшнюю ночь:

— Отецъ Архимандритъ, не угодно-ли отдохнуть вамъ, для васъ приготовлено мѣсто въ каютѣ.

Авва благодаритъ и снова углубляется въ книгу.

*) Трость съ изображеніемъ монаха. Принадлежала когда-то С. Петербургскому Митрополиту Исидору, имъ подарена Преосвященному Арсенію, бывшему Рижскому, отъ него перешла къ духовнику Геромонаху Іонѣ, а отъ о. Іоны — къ о. Веніамину.

Подходятъ воспитанники и съ своей стороны начинаютъ убѣждать: „О. ректоръ, у насъ на лавочкѣ мѣсто есть“!

— Бодрствовать надо!—отвѣчаетъ имъ задумчиво авва.

Отецъ духовникъ занять „въ канцеляріи“: разноситъ по графамъ истраченныя суммы. Его беспокоитъ, что ученики издержали больше денегъ въ предыдущій день, чѣмъ слѣдовало.

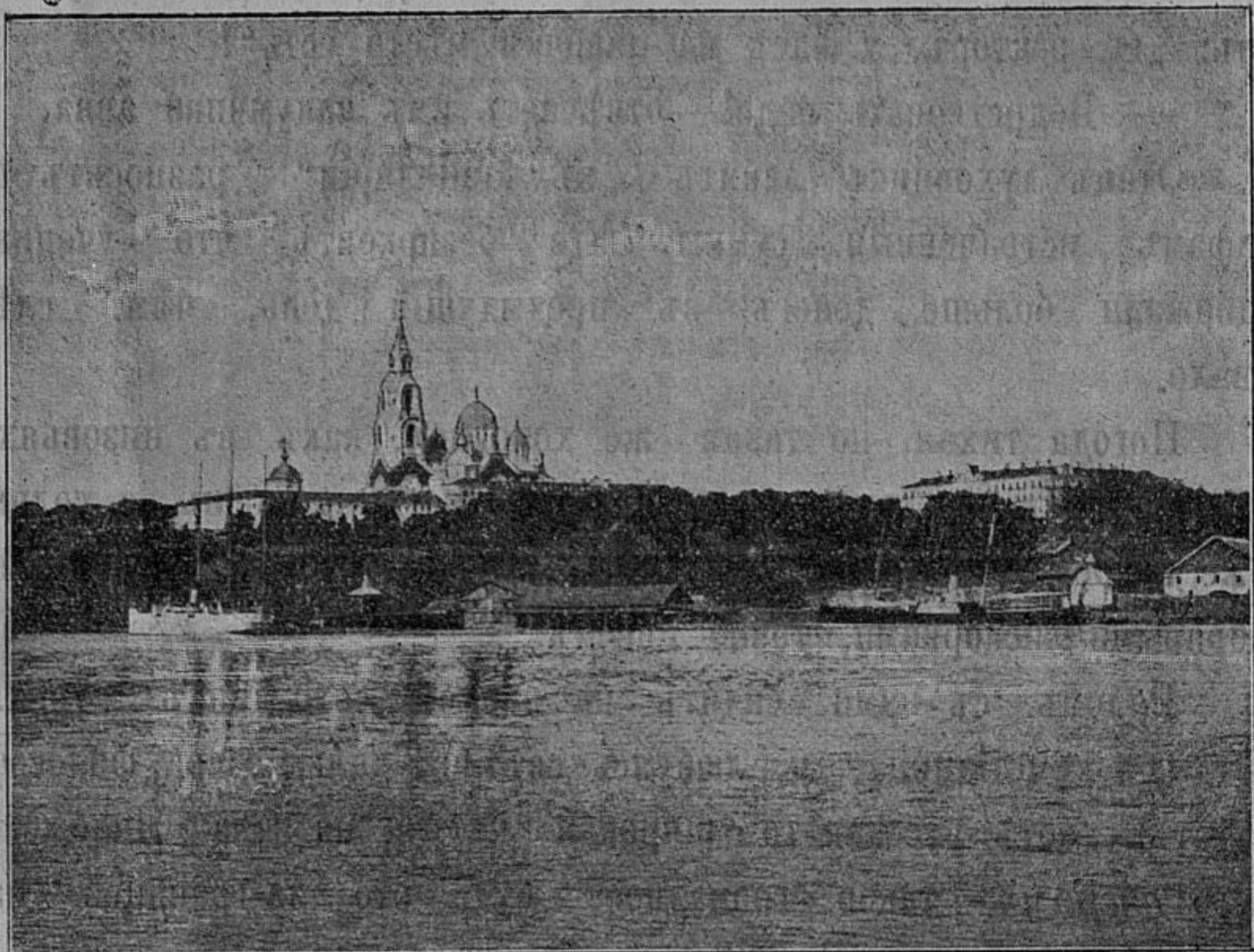
Погода тихая, но такая же холодная, какъ въ низовьяхъ Волги бываетъ осенью; паръ замѣтно, когда дышешь, и солнце тоже какое-то холодное. Восточная сторона озера блеститъ серебряными искорками, точно инеемъ.

Рядомъ съ нами сидитъ на палубѣ сотрудникъ журнала „Отдыхъ христіанина“ и, любуясь свѣтлой далью озера, философствуетъ: „вотъ русская-то широкая натура назвала Ладожское озеро *озеромъ*, такое громадное,—будь это за-границей—назвали бы океаномъ“.

Около двѣнадцати часовъ дня показался маякъ и за нимъ — покрытыя лѣсомъ берега Валаамскихъ острововъ. Это вторые Жигули, только еще причудливѣе. Высокія конусообразныя возвышенія надъ озеромъ, покрытыя хвойнымъ лѣсомъ, по мѣстамъ, кончаются отвѣсными скалами. На каждомъ почти островѣ часовня или церковь. Пароходъ входитъ въ заливъ. Изъ-за зелени горъ показываются уже совсѣмъ близко отъ насъ монастырскіе храмы и зданія,—очень высоко надъ палубой парохода. Бѣдемъ какимъ-то корридормъ. Нашъ большой пароходъ кажется совершенно маленькимъ по сравненію съ тѣми громадами, которыя его окружаютъ.

Сдѣлавъ поворотъ, пароходъ останавливается у пристани. Выходимъ съ парохода и у подножья горы, гдѣ стоитъ „Лавра“, передъ часовней поемъ тропарь св. Валаамскимъ чудотворцамъ. За нами устремляется въ молитвѣ все населеніе парохода. Затѣмъ, съ узлами и корзинами въ рукахъ, поднимаемся въ гору къ монастырской гостинницѣ.

Здѣсь уже знаютъ о нашемъ прибытіи. О. ректоръ, отправляясь изъ Самары, писалъ настоятелю Валаамскаго подворья въ

Петербургъ, чтобы 18 іюня намъ оставили мѣсто на пароходѣ. Получивъ это письмо, о. настоятель не только распорядился, чтобы намъ отведено было мѣсто на пароходѣ, но и далъ знать въ монастырь.

— Господа, послѣ разложитесь, встрѣчаетъ насъ на крыльцѣ гостинницы послушникъ, оставляйте узлы у входа и идите обѣдать.

Охваченные внезапно монастырской обстановкой, мы не разсуждая, повинуемся приказанію и черезъ пять минутъ собираемся въ общей столовой. Насъ такъ много, что всю столовую, съ двумя рядами столовъ, занимаемъ сполна. Въ переднемъ углу, предъ иконой, садится о. ректоръ и старшіе преподаватели; остальное мѣсто занимаютъ воспитанники. Передъ обѣдомъ поемъ общимъ хоромъ молитву. Послѣ молитвы послушники, ставя деревянныя чашки на столъ, говорятъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“. Передъ образомъ, на аналоѣ, лежитъ Четь-Минея, но почему-то сегодня обѣдъ идетъ безъ назидательнаго чтенія.

Послѣ обѣда размѣщаемся въ верхнемъ этажѣ монастырской гостинницы. Занимаемъ четырнадцать номеровъ, по пяти чело-

вѣкъ въ каждомъ номерѣ. Преподаватели и ректоръ находятъ себѣ мѣсто въ однихъ комнатахъ съ учениками. Помѣщенія, въ общемъ, очень напоминаютъ семинарію: такой-же длинный корридоръ съ окнами на концѣ, только больше чистоты и уютности и меньше простора. Въ номерахъ нѣтъ ничего лишняго: три—четыре кровати, столъ и нѣсколько стульевъ. Видъ изъ оконъ на окрестности восхитительный.

Не успѣли мы обосноваться на своихъ мѣстахъ и „отдохнуть послѣ обѣда“, какъ вдругъ, слышимъ, сзываетъ всѣхъ звонокъ ѣхать въ окрестности монастыря для осмотра достопримѣчательностей. Выходимъ изъ гостиницы, спускаемся къ пристани и занимаемъ громадную, на пятьдесятъ пять человѣкъ, шлюпку, которую сейчасъ же прицѣпляютъ къ маленькому пароходу, вмѣстѣ съ другой лодкой, занятой также паломниками. Образуется такимъ образомъ цѣлый флотъ, подъ командой монаховъ, размѣстившихся на пароходѣ. Въ нашей лодкѣ кормчимъ — послушникъ. Ёдемъ къ устью бухты. Нашъ „Валаамъ“ по сосѣдству стоитъ на отдыхѣ. Надъ нимъ высятся зеленые берега и гранитныя скалы обрывовъ. Надъ заливомъ возвышаются храмы св. обители и, среди зелени деревьевъ, монастырскія зданія. День хмурый, осенній. Слегка накрапаетъ дождь. Волна тихо плещетъ въ края шлюпки. Монахи начали свой путь молитвой: отъѣзжая отъ берега, запѣли „Достойно“ входную. Наши воспитанники, при помощи регента, взяли тотъ-же тонъ и силою пятидесяти пяти могучихъ голосовъ грянули надъ морскимъ заливомъ „До-стой-но есть я-ко во-истину“. Лодка мѣрно покачивалась, слегка шумѣлъ, аккомпанируя, окрестный лѣсъ и мягко стучалъ по водѣ винтъ парохода.

Окончивъ „входное,“ воспитанники взяли ноты. Регентъ занялъ средину лодки и всѣ дружнымъ хоромъ начали лаврскій гимнъ: „О дивный островъ Валаамъ“. Особенно удался нашимъ юношамъ этотъ мотивъ: безъ труда они его разучили, быстро усвоили технику монастырскаго пѣнія и поютъ какъ настоящіе монахи.

Итакъ, наша семинарія опять на новосельи. Въ Самарѣ

каменные стѣны замѣнили вагономъ, теперь — отдѣльной лодкой. Едва-ли сколько нибудь пострадала отъ этого дисциплина и едва-ли хуже, при этой новой обстановкѣ, идетъ урокъ пѣнія и вмѣстѣ съ нимъ, другіе уроки, которые молчаливо преподаются и окружающей природой, и монастырской жизнью. Стоитъ-ли жалѣть о „старыхъ зданіяхъ“? Не цѣлесообразнѣе-ли для дѣла пастырства, если семинарія будетъ „не на горѣ или въ Гаризинѣ, а въ духѣ и истинѣ“!

„Флотъ“ приближается къ Никольскому скиту, въ которомъ недавно жилъ на покоѣ Преосвященный Павелъ, епископъ бывшій Старицкій. Въ виду скита, обратившись къ храму, всѣмъ хоромъ паломниковъ поемъ тропарь св. Николаю Чудотворцу. Эхо гранитныхъ скалъ отвѣчаетъ отзвукомъ на наше церковное привѣтствіе.

Пароходикъ вмѣстѣ съ лодками причалилъ къ берегу, и толпа паломниковъ двинулась въ гору. Наша партія при подъемѣ очень похожа на роту солдатъ: снизу видно только, какъ движутся шапки и плечи. Въ скитской церкви, по установившемся обычаю, служили молебенъ св. Николаю Чудотворцу и затѣмъ гуляли по острову.

Съ маяка, утвержденного на западномъ берегу бухты, открывается прелестнѣйшій видъ на водную даль Ладожскаго озера. Невольно кажется, что это море — живое, что оно живетъ и чувствуетъ, „только не говоритъ“. По временамъ оно очаровываетъ зрителя переливами всѣхъ цвѣтовъ радуги, по временамъ страшно сердится, и тогда боятся корабли къ нему подходить близко. Точь въ точь старо-русскій богатырь — витязь:

— Взглянетъ — искрами точно обмечетъ...

Теперь оно спитъ спокойно: не видно впереди грядущей бури. Чуткій слухъ, правда, можетъ различить вдали глухой шумъ волнъ, но это „море дышетъ“.

Ласкающій прибой волны и тихій шелестъ ея о прибрежные камни располагаетъ къ мечтательности. Жутко смотрѣть съ маяка внизъ: такъ и кажется, что сейчасъ повиснешь въ воздухѣ. Но зато вдаль — далеко, далеко видно... Такъ тѣмъ, кто служитъ въ

великомъ морѣ жизни, тоже трудно смотрѣть съ высоты духовнаго созерцанія. Трудно было преподобному Сергію сознавать гнетъ татарщины; трудно митрополиту Никону идти съ крестнымъ ходомъ въ ряды бунтовщиковъ; трудно пастырю во время эпидеміи смотрѣть въ глаза смерти. Но... далеко видна имъ заря освобожденія и далеко виднѣнь ихъ подвигъ потомству. Какъ бы вторя моей мысли, забравшійся на маякъ маленькій мальчикъ говоритъ:

— А во время тревоги на этомъ мѣстѣ человекъ десять сидитъ.

...А во время тревоги душевной, въ смутное время *мысли и жизни*, тоже много свѣточей надо.

Мой спутникъ, математикъ по природѣ, чуждый всякихъ созерцательныхъ настроеній, тоже загнипнотизированъ окрестными видами:

— Эхъ, на какихъ мы мѣстахъ съ тобой бываемъ!...

И намъ обоимъ на моментъ понятнымъ становится душевное настроеніе святыхъ подвижниковъ, оставившихъ *все* и промѣнявшихъ славу міра на удовольствіе этого безмолвнаго созерцанія.

Внизу, подъ ногами слышенъ суетный, праздный говоръ. Болтаютъ о стоимости пути, о необходимости полиціи, объ убійствахъ. Непріятно дѣйствуетъ мірская молва въ этотъ моментъ. Не хочется уходить съ этого очаровательнаго мѣста.

Но у насъ есть тоже свой подвигъ и свое „послушаніе“: мы связаны росписаніемъ и звонками. Первый свистокъ парохода—и мы должны идти въ путь, хотя бы безконечно долго хотѣлось быть здѣсь; за нимъ—второй—еще настойчивѣе, и наконецъ—третій, когда мы уже должны садиться въ лодки.

Бѣдемъ дальше. Плавно идетъ нашъ „корабль“. Не слышно въ немъ ни стука машины, ни всплеска веселъ. Окрестные виды еще красивѣе. По обѣимъ сторонамъ — зеленая стѣна, точно зимній садъ. Очарованіе дополняютъ букеты сирени, взятые юношествомъ съ перваго острова: здѣсь весна въ полномъ расцвѣтѣ.

Быстро подъѣхали къ слѣдующему скиту „Всѣхъ Святыхъ“ и, по монастырскому обычаю, предъ вратами храмовъ пѣли тро-

парь „Иже во всемъ мірѣ мученикъ твоихъ“, а въ самомъ храмѣ — краткое молебствіе. Изъ церкви прошли по двору. Братія трудятся въ тишинѣ; никакой жизни не видно, несмотря на то, что въ скиту живетъ до сорока иноковъ. Но и во внѣшней обстановкѣ, и въ окружающей природѣ видна заботливая хозяйственная рука: симметрично расположенная аллея елокъ предъ часовней, водоемъ, фруктовый садъ съ вишнями въ цвѣту, гряды клубники и скоть на пастбищѣ сдѣлали бы честь любой помѣщичьей усадьбѣ.

Въ обратный путь плывемъ съ пѣніемъ „Кто Тебе не ублажить, Пресвятая Дѣво“. Уже значительно устали, ибо былъ часъ дня четвертый, а встали мы „съ пѣтухами“; многіе спали въ эту ночь всего два — три часа. Управляемся своими силами. „Митя“ сѣлъ въ руль, смѣнивъ послушника; владѣть рулемъ умѣло. Духовникъ занялъ сторожевой постъ, о. ректоръ предсѣдательствуетъ на кормѣ. Хорошо ѣхать въ лодкѣ. Теперь мы понимаемъ, почему послы древлянъ желали, чтобы ихъ „несли въ лодкахъ“. Глубина здѣсь страшная: противъ пристани восемьдесятъ сажень, не смотря на то, что бухта чрезвычайно узкая.

По возвращеніи изъ скитовъ воспользовались первымъ свободнымъ часомъ для того, чтобы благословиться у о. Намѣстника и получить его разрѣшеніе на дальнѣйшее обозрѣніе обители. Настоятельскія келліи удивили насъ своею скромностью. Войдя въ гостинную, мы заняли ее всю, и до такой степени стѣснились, что уже нельзя стало больше никого тутъ помѣстить. Спросивъ, откуда мы пріѣхали, сколько насъ и долго ли мы находились въ пути, о. настоятель благословилъ всѣхъ. Отецъ ректоръ, оставшись дольше другихъ, просилъ позволенія отправлять службы въ особой церкви и своимъ служеніемъ, при пѣніи семинарскаго хора. Настоятель не только предоставилъ въ наше распоряженіе церковь, но для благолѣпія службы, далъ и монастырскаго іеродіакона. Затѣмъ указалъ проводника по монастырю и, благословляя „помолиться во св. обители“, просилъ заходить на прощанье.

Третій разъ переступаемъ порогъ гостинницы и теперь имѣемъ

въ своемъ распоряженіи нѣсколько минутъ для того, чтобы ориентироваться въ окружающей насъ обстановкѣ. На стѣнѣ, у входа, висятъ правила, опредѣляющія *modus vivendi* богомольцевъ.

1) Безъ особаго благословенія въ лѣсъ, пустыни, скиты и въ монастырскія келліи не ходить; никого изъ живущихъ въ монастырѣ къ себѣ въ гостинную келлію не принимать и ни подъ какимъ предлогомъ отъ нихъ ничего не брать и имъ ничего не давать.

2) Частныхъ благотвореній никому здѣсь не оказывать, а доброхотное свое приношеніе полагать въ общую кружку, на пользу св. обители, такъ какъ, по святому закону общежитія, никто изъ живущихъ въ монастырѣ ^{не}стяжавать отдѣльную собственность не имѣетъ права.

3) Привозимыя въ монастырь письма и посылки на имя проживающихъ въ обители, для передачи по принадлежности, отдавать монастырскому начальству.

4) По острову изъ огнестрѣльнаго оружія не стрѣлять, звѣрей и птицъ не бить, рыбъ не ловить, лѣсу не портить и табаку не курить.

5) На стѣнахъ и стеклахъ гостиннаго дома ничего не писать и на удобосгораемыя вещи огня не бросать и

6) По окончаніи вечерняго правила внѣ гостинной не прогуливаться, такъ какъ двери гостинницы въ десять часовъ запираются.

Въ дополненіе къ четвертому правилу, кромѣ того, во второмъ этажѣ виситъ особая доска, на которой написано на четырехъ языкахъ—русскомъ, финскомъ, шведскомъ и нѣмецкомъ: *табакъ курить воспрещается.*

И такъ, все доброе съ благословенія настоятеля и... ничего дурного.

Послѣ вечерняго чая въ общей столовой гостинницы мы, подъ руководствомъ о. Григорія, предприняли осмотръ монастырскихъ рабочихъ помѣщеній. Прежде всего посѣтили иконописную мастерскую; видѣли здѣсь, какъ десятокъ послушниковъ копируютъ иконы съ готовыхъ уже оригиналовъ. Длиннымъ темнымъ корридоромъ затѣмъ прошли въ кузницу, литейную, слесарную и сто-

лярную мастерскую и рассматривали сработанную руками братіи водопроводную машину. При этомъ старшимъ преподавателемъ математики было дано объясненіе устройства водопровода. Многіе воспитанники даже влѣзали кверху для того, чтобы подробнѣе рассмотреть цистерны, наполненные водой. Болѣе привѣтливо и радушно насъ встрѣтили иноки, работавшіе въ столярной. Они показывали намъ всѣ виды и рисунки тонкой столярной работы и матеріаль, изъ котораго дѣлается художественная рѣзьба: дерево лимонное, кипарисовое, «баккаутъ». Объясняя качества cadaго дерева, добрый столяръ раздавалъ намъ его по кусочку на память. Всѣхъ одѣлилъ, а о. Архимандриту далъ всѣхъ больше, „самый лучший кусокъ такого дерева, изъ котораго печатки дѣлаютъ“.

Прощаясь съ нами, рабочіе жалѣли, что послушаніе не позволяетъ имъ послушать, какъ мы будемъ пѣть всенощную въ пустынской церкви.

Уже мы начали спускаться съ лѣстницы, а столяръ, все время предъ тѣмъ соображавшій, что-бы еще отдать? догоняетъ меня, кладетъ въ руку еще кусочекъ кипарисоваго дерева и проситъ передать „если кому не досталось“.

Чрезвычайно милая вышла эта сценка. Жаль мнѣ стало простого русскаго человѣка, которому хочется все отдать, а только отдать-то нечего. По монастырскому уставу онъ самъ бѣднѣе нищаго нищій имѣетъ и одежду, и копѣйку про запасъ, а этотъ—ничего не имѣетъ; даже то, что родственники пришлютъ, у него отбираютъ въ общую монастырскую сокровищницу.

Не намъ, конечно, указывать назначеніе послушанія иноку, но думается, что этотъ столяръ былъ бы нужнѣе въ какомънибудь благотворительномъ монастырскомъ предпріятіи: онъ съумѣлъ бы и „алчущаго напитать, и жаждущаго напоить, и нагого одѣть“, а еще бы нужнѣе онъ былъ на мірскомъ торжищѣ, гдѣ идетъ непрерывная война „за блага бранныя“...

Далѣе, на монастырскомъ дворѣ, мы осматривали гранить, предназначенный для полировки, и посѣтили библіотеку. Библіотека монастырская древняя; большая часть книгъ напечатана въ началѣ прошлаго столѣтія и теперь утратила всякое значеніе. Въ заклю-

ченіе осмотра монахъ показывалъ громадныя восковыя свѣчи, найденныя въ землѣ, на мѣстѣ языческихъ мольбищъ. Знатоки насчитываютъ этимъ свѣчамъ больше двухъ съ половиной столѣтій.

Вечеромъ слушали въ верхнемъ соборномъ храмѣ вечерню. Древнее столповое пѣніе монастырскаго хора такъ понравилось воспитанникамъ и руководителямъ, что нѣкоторые въ тотъ же вечеръ приобрѣли себѣ въ монастырской лавочкѣ полный обиходъ.

Вечерня окончилась уже по захожденіи солнца. Собрались въ столовой въ ожиданіи ректора. Долго ждали. Наконецъ, когда уже начало темнѣть, съ его появленіемъ въ дверяхъ, всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ и встрѣтили его стройнымъ пѣніемъ „Отче нашъ“. Лампада предъ иконою, сіяющій архимандритскій крестъ и клобукъ о. ректора и торжественное настроеніе паломниковъ почему-то очень напоминало предпраздничный вечеръ. На трапезѣ послушникъ читалъ отрывокъ изъ сочиненія Св. Димитрія Ростовскаго „Береги время“, а мы вкушали пищу въ молчаніи.

На этотъ разъ не надо было предупрежденія монастырскаго устава, запрещающаго отлучки послѣ десяти часовъ вечера. Такъ всѣ устали, что, послѣ вечерней молитвы, поспѣшили сразу же занять свои койки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПО СЪВЕРНОЙ РОССИИ.

Дневникъ воспитанниковъ Самарской Духовной Семинаріи за время лѣтней поѣздки 1903 года.

(Продолженіе).

19 іюня утро начали молитвой предъ гробницами св. Сергія и Германа, Валаамскихъ чудотворцевъ и ознакомленіемъ съ прошлымъ св. обители.

Слишкомъ скудны и неопредѣленны свѣдѣнія о жизни подвигоположниковъ Валаама. Достоверно неизвѣстно даже, когда они жили. По мнѣнію однихъ гораздо раньше основанія русскаго государства, по мнѣнію другихъ — въ періодъ сѣверной колонизаціи, въ XIV вѣкѣ. Еще неопредѣленнѣе и спутаннѣе свѣдѣнія о первыхъ поселенцахъ этого пустыннаго острова. Одно лишь изъ нихъ совершенно достоверно, что Валаамъ (по-ижорски Волаа-мо) — земля Волоса и что, слѣдовательно, здѣсь первоначально обитали язычники. Устное преданіе расширяетъ это извѣстіе сообщеніемъ, что на Валаамѣ когда-то было языческое капище и что въ пещерахъ, теперь на-половину засыпанныхъ, въ доисторическое время жили кочевники.

Монастырь, несомнѣнно, существуетъ давно. Думаютъ, что онъ основанъ прежде крещенія Руси и называютъ постриженникомъ его св. Авраамія Ростовскаго. Но болѣе извѣстнымъ монастырь становится въ позднѣйшее время. Въ XV вѣкѣ, въ послѣдній періодъ жизни вольнаго Новгорода, онъ славится не только какъ училище благочестія, но и какъ разсадникъ книжнаго знанія. Его иноки — не только подвижники, но, по тому времени, и люди науки. Здѣсь жилъ и трудился, до вступленія на кафедру, Архіепископъ Геннадій Новгородскій. Здѣшними иноками списаны священныя книги сохранившіяся въ монастырскихъ бібліотекахъ Сѣверной Руси. За благоустроенность и вліяніе монастыря въ ту пору, его величаютъ „честною и великою Лаврою“, берутъ оттуда монаховъ для основанія новыхъ монастырей, а нѣкоторые и сами уходятъ изъ Валаамской обители и насаждаютъ монашество въ другихъ мѣстахъ. Извѣстно напр., что св. Савватій Соловецкій, прежде чѣмъ осно-

вать монастырь на Соловкахъ, подвизался на Валаамѣ. Это былъ, кажется, самый цвѣтущій періодъ жизни Валаамской обители. Позднѣе она уже не была такъ знаменита, а въ началѣ XVII вѣка и совсѣмъ была разрушена шведами и въ теченіе слѣдующаго столѣтія находилась въ совершенномъ запустѣніи. Въ началѣ XVIII вѣка Валаамскій монастырь былъ возстановленъ и, постепенно восходя изъ силы въ силу, дошелъ, наконецъ, до такого совершенства внутренней организаціи, что въ настоящее время среди всѣхъ остальныхъ монастырей, можетъ быть названъ самымъ благоустроеннымъ и самымъ строгимъ по своему иноческому уставу.

Послѣ молебна Божіей Матери и святымъ Валаамскимъ Чудотворцамъ, мы снова въ распоряженіи проводника. На этотъ разъ нами руководить бывшій воспитанникъ Екатеринбургскаго реального училища, окончившій тамъ полный курсъ и четыре года тому назадъ „поступившій въ *Валаамскій институтъ* безъ конкурснаго экзамена“. Юноша чрезвычайно красивой наружности, съ преобладаніемъ въ выраженіи лица созерцательной духовной жизни. Въ обители имѣеть послушаніе за трапезой. Настолько начитанъ и развитъ, что во время пути даетъ намъ объясненія изъ естественныхъ наукъ, но и настолько скромнѣе, что въ обычномъ обращеніи, повидимому, всѣми силами старается скрыть и замаскировать и свой умъ, и свою принадлежность къ интеллигентному классу. При осмотрѣ онъ обыкновенно стоитъ въ сторонѣ отъ насъ, сложивши на груди руки, въ нѣсколько наклоненной позѣ. Подъ его руководствомъ мы осмотрѣли свѣчной заводъ, пекарню, аптеку. Въ свѣчномъ заводѣ мастера показывали намъ выдѣлку большихъ и малыхъ свѣчей, въ пекарнѣ при насъ сажали въ печку хлѣбы. На пути въ аптеку мы имѣли время остановиться на нѣсколько минутъ около келлій схимниковъ и прочитавъ правило, написанное на двери келлій: „Прежде прихода къ старцу сначала собери въ умѣ своемъ вся помышленія... Старецъ, цѣлуя взаимно десное плечо ученика, глаголетъ: Христосъ посреда насъ“. Такъ ужъ, очевидно, расположена монастырская жизнь, что каждый шагъ въ ней побуждаетъ къ внутреннему самоуглубленію и отысканію Христа въ своемъ сердцѣ.

Надо замѣтить, что при осмотрѣ Валаамскаго монастыря такъ же, какъ и другихъ достопримѣчательностей, у насъ сначала не было исторической системы и послѣдовательности. Послѣ молебна около гробницы, которая напоминала намъ о трудахъ св. подвигоположниковъ знаменитаго острова, намъ слѣдовало бы перейти прямо къ ознакомленію съ трудами ихъ преемниковъ, но, въ цѣляхъ сбереженія времени, мы по пути зашли и на монастырскія службы. Теперь возстановляется прерванная нить: мы идемъ въ пустыньку, гдѣ похоронены современные труженики св. обители. Путь очень интересный. По обѣ стороны дороги аллея деревьевъ, вблизи зеленѣющаго хлѣбнаго поля, на которомъ колосится рожь. Самая пустынька — въ роскошномъ зеленомъ саду, нѣсколько въ сторонѣ отъ главнаго пути.

Свертываемъ съ большой дороги и идемъ по направленію кладбищенской церкви. На пути, направо, останавливаетъ вниманіе большой каменный крестъ, поставленный на могилѣ духовнаго организатора Валаамскаго монастыря игумена Назарія. „Сей святой крестъ — написано на немъ — усердіемъ настоятеля Валаамской обители игумена Дамаскина сооруженъ въ незабвенную память бывшаго настоятелемъ этого же монастыря великаго старца игумена Назарія и поставленъ при его каменной пустынной келліи, въ которой онъ во время своего настоятельства часто уединялся для духовнаго безмолвія, а послѣ постоянно жилъ нѣсколько лѣтъ. Октября 14 дня 1854 года“. Вспомнивъ о подвижническомъ житіи и прозорливости старца труженика, мы подъ сѣнью величественныхъ деревьевъ, помянули его молитвой, спѣли надъ его могилой „со святыми упокой“ и „вѣчную память“.

Миновавъ, затѣмъ, пустынскую церковь, въ которой будемъ сегодня молиться, пришли къ могилѣ внѣшняго строителя св. обители, игумена Дамаскина. Чудный уголокъ для безмолвія: аллеи точно стѣны, зеленые, холеные деревья со всѣхъ сторонъ, цвѣты кругомъ и полная тишина, нарушаемая только пѣніемъ птицъ. На памятникѣ написано: „не отидеть память его, и имя его поживетъ въ роды родовъ“.

Отсюда путь подъ гору, на монастырское кладбище. Здѣсь, подъ тѣнью вѣковыхъ елокъ спять вѣчнымъ сномъ монахи и міряне. Большая часть памятниковъ безъ всякихъ надписей: почившіе безвѣстны и по смерти такъ же какъ были безвѣстны при жизни. Но есть памятники, на которыхъ замѣтны еще невысохшія слезы: отецъ пишетъ о своемъ горѣ при разлукѣ съ маленькимъ сыномъ, послушникъ проситъ молитвъ своихъ братьевъ, вдова утѣшаетъ себя словами, вложенными въ безмолвныя уста умершаго мужа.

По пути съ кладбища посѣтили старинную келью схимника Николая и могилу его съ памятникомъ на подобіе гроба. Памятникъ весь испещренъ надписями, большая часть ихъ уже стерта временемъ; но на нѣкоторыхъ еще сохранились слѣды незажившихъ ранъ. Напримѣръ, вчерашняя надпись гласитъ: „помолись, преподобный старецъ, за грѣшнаго раба Василія и болящей Александры. 18-го іюня 1903 г.“ Гробница со всѣхъ сторонъ изѣдена зубами недугующихъ; часть земли съ могилы унесена многочисленными паломниками въ разныя села и деревни Сѣверной Россіи.

Въ обычный часъ мы вернулись въ монастырь на трапезу. Невидимая благодѣющая рука на этотъ разъ устроила столъ болѣе обильный, чѣмъ обыкновеннымъ паломникамъ. Ея же усердіемъ въ тотъ-же день нѣкоторымъ изъ насъ была бесплатно исправлена обувь, поизносившаяся за время дороги. На трапезѣ послушникъ читалъ „слово умилительное о покаяніи“ святого Ефрема Сирина въ похвалу подвижникамъ. Пищу вкушали въ молчаніи.

Послѣ обѣда въ помѣщеніе о ректора приходилъ іеродіаконъ условиться относительно часа вечерней службы, а затѣмъ предлагалъ воспитанникамъ посмотреть, какъ въ бухтѣ ловятъ рыбу и общалъ, въ случаѣ, если бы было желаніе принять участіе въ ловлѣ, достать фартукъ и большіе сапоги.

Разговоръ прерванъ былъ звонкомъ, призывающимъ насъ къ обозрѣнію достопримѣчательностей. Маленькій пароходъ „Николай“ уже давно стоялъ подъ парами, когда мы сошли къ

бухтѣ и стали размѣщаться въ „семинарской лодкѣ“. На колокольнѣ играли куранты. Послѣ третьяго свистка отчалили отъ берега при пѣніи „Достойно“ монастырскимъ хоромъ, помѣстившимся на пароходѣ. Въ общей мелодіи монаховъ были слышны серебряные голоса маленькихъ послушниковъ, а въ самомъ напѣвѣ, давно знакомомъ, была замѣтна какая-то неуловимая особенность валаамскаго пѣнія. Надъ нами высились скалы, покрытыя лѣсомъ. Съ высоты неба свѣтилось ясное солнце, при легкомъ движеніи вѣтра съ горы доносился ароматъ цвѣтовъ. Пѣніе входнаго „Достойно“ и величественная обстановка напоминали архіерейскую службу „на всякомъ мѣстѣ владычества Божія“.

На смѣну монахамъ, лишь только они кончили пѣть, выступилъ хоръ богомольцевъ, стройно и одушевленно, съ участіемъ женскихъ голосовъ, исполнившій „Воскресеніе Христово видѣвшее“.

Проѣхавъ подъ мостомъ, перекинутымъ черезъ бухту, флотъ остановился около часовни во имя Смоленской Божіей Матери. Очередной іеромонахъ всталъ предъ столомъ и, помолившись, сказалъ возгласъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова молебенъ на лонѣ природы: столъ стоялъ въ травѣ; надъ нимъ свѣшивались три рябины, направо разстилалась лужайка, ожидавшая сѣнокоса, нѣсколько позади — группа деревьевъ, и со всѣхъ четырехъ сторонъ вдали — лѣсъ и горы. Молившіеся усердно стояли въ травѣ на колѣняхъ; поодаль, вправо двѣ — три фигуры стояли въ травѣ едва не до пояса. Картина была настолько интересна, что наши фотографы, не дождавшись конца молебна, отошли на разстояніе перспективы и обогатили свою коллекцію новымъ снимкомъ. Быть можетъ, съ теченіемъ времени, кто нибудь изъ будущихъ художниковъ передастъ его на полотно...

Ѣдемъ дальше. На пароходѣ и первыхъ лодкахъ поютъ „Спаси, Господи, люди Твоя“. Мы молчимъ и занимаемся созерцаніемъ окрестныхъ видовъ. Чѣмъ глубже въ островъ, тѣмъ интереснѣе и привлекательнѣе горные обрывы и скалы надъ бухтой, тѣмъ причудливѣе зеленая роци по обѣимъ сторонамъ „малаго воднаго пути“. Остановившись у плота, вблизи скалы, по-

крытой зеленымъ мхомъ и горныхъ возвышеній, на которыхъ растутъ вѣсковыя сосны, идемъ лѣсной дорожкой къ Коневскому скиту и на нѣкоторое время, пока монахи собираются служить молебенъ, останавливаемся на маленькомъ мосту, перекинутомъ черезъ бухту. Здѣсь такая масса рыбы, и такъ мало она боится человѣка, что, безъ всякаго преувеличенія, можно ловить ее пригоршнями. Стоитъ бросить въ воду крошку хлѣба и сейчасъ же за ней устремляется цѣлое стадо. При всеобщемъ оскудѣніи, при многочисленныхъ жалобахъ, что „лѣса вырублены“, а „рыба выловлена“, это быть можетъ единственное мѣсто, гдѣ тысяча людей кормится на пространствѣ десятиверстнаго разстоянія острова, да не только сама кормится, а и дѣлится съ богомольцами, и не оскудѣваетъ отъ этого островъ. Не было бы неурожаевъ, обмелѣнія рѣкъ и недостатка жизненныхъ припасовъ и на всемъ остальномъ пространствѣ нашей обширной русской земли, если бы также, во имя Божіе, запрещалось хищническое уничтоженіе всякой твари, растеній и животныхъ, а бралъ бы себѣ человѣкъ только то, что необходимо для пропитанія, а не для корысти и роскоши. Долго еще, думаемъ, проживетъ святая обитель, и останутся нетронутыми выросшіе на горахъ острова лѣсныя чащи, и долго еще будутъ питаться монахи и богомольцы монастырской рыбой и неизмѣнится благосостояніе великой обители: „не умалится елей въ чванцѣ“.

Отъ Коневского скита, по подгорью, въ тѣни деревъ, идемъ къ малой кельѣ игумена Дамаскина. Здѣсь его тѣсная молельня, его портретъ, книги, по которымъ онъ молился, гробъ, гдѣ онъ спалъ... Но и при всей аскетической обстановкѣ, у подножья скалы, окруженная тѣнью деревьевъ и обращенная входомъ къ горѣ, келья бывшаго строителя монастыря производитъ на мірскаго путника впечатлѣніе привѣтливой уютности, „тихой пристани“. Искушая подвижника, можно бы было сказать, что скудное питаніе и трудъ въ значительной степени восполняется тѣми красотами дѣвственной природы, которыя окружаютъ убогую келью. Сколько здѣсь безмолвной жизни! Сколько природнаго богатства! Какъ-то невольно замедляется остановка въ этомъ мѣстѣ.

Всѣмъ не хочется такъ скоро покидать красивый уголокъ. Большинство воспитанниковъ забираются на скалу, которая свѣсилась надъ кельей, располагаются почти въ висячихъ позахъ и о. духовникъ дѣлаетъ фотографическій снимокъ.

Идемъ въ обратный путь. О. духовникъ помѣщается на соседней лодкѣ и снимаетъ „Самарскую духовную семинарію въ лодкѣ“ Валаамскаго монастыря. Монастырскіе швѣчїе, попеременно съ нашимъ хоромъ, поютъ „О чудивный островъ Валаамъ“.

Обратный путь прошелъ очень скоро. Черезъ четверть часа мы уже были въ виду монастырской пристани. Въ гавани стояли какія-то шхуны, привезшія товарища Министра путейскій пароходъ „Озерной“ и пришедшій изъ Сердоболя пароходъ „Александръ“.

На берегу насъ ожидала интересная новость: около пристани стоялъ въ ожиданіи нашей группы А. Е. Живѣйшій интересъ событію придадо неожиданное извѣстіе объ этомъ, когда мы причаливали лодку. Кто-то обмолвился: „А. Е. прїѣхаль!“ Стоило сказать эту магическую фразу, какъ всѣ, вспомнивъ тревоженія послѣдней минуты отъѣзда изъ Петербурга, сразу же повыскакали на берегъ и, другъ къ другу перегоняя, бросились въ гору бѣгомъ встрѣчать А. Е.: жмутъ руки, аплодируютъ. Едва успѣвая отвѣчать на привѣтствія, А. Е. стоитъ и улыбается:

„Оставили меня среди Чуди бѣлоглазой!“

Нервнымъ настроеніемъ юношества заражаются и остальные паломники: остановились, улыбаются:

— Смотрите, какъ рады!

А. Е. разсказалъ свою „Одиссею“. Опоздавъ на пароходъ, онъ проѣхалъ отъ Петербурга на Сердоболь. Тамъ, по указанію о. Сергія, былъ радушно принятъ о. протоіереемъ Окуловымъ, переночевалъ у него ночью и на утро прибылъ на Валаамъ съ Сердобольскимъ пароходомъ. Запоздалъ потому, что извозчикъ доставилъ его не на ту пристань: вмѣсто Калашниковской набережной, провезъ къ стеклянному заводу, откуда пароходы отправляются въ Шлиссельбургъ, она не на Валаамъ. А. Е. сразу уви-

дѣль ошибку и навелъ въ извозчику ѣхать въ Валаамскому пароходу, но и конь лѣнивый, и багажу много, и времени мало.

Въ четвертомъ часу небольшая партія воспитанниковъ ѣздила на рыбную ловлю. Флотъ состоялъ изъ трехъ лодокъ: двѣ съ семинаристами и одна съ послушниками. Вмѣстѣ забрасывали неводъ, но „не яша ничего“.

Въ шесть часовъ вечера тихій, мелодичный благовѣсть колокола прогласилъ дремучій пустынской лѣсъ. Мы уже были въ сборѣ и ожидали начала всенощной. Кромѣ насъ въ пустынской церковкѣ были и нѣкоторые послушники и посторонніе богомольцы, пришедшіе послушать семинарскихъ пѣвчихъ. Размѣстились такъ же, какъ и въ семинаріи, рядами, по правую и лѣвую сторону входа.

Служилъ ректоръ съ іеродіакономъ Маркіаномъ. На слитію и величаніе выходили духовникъ и спутникъ его по Ладожскому пароходу, священникъ изъ Уссурійской области Владиміръ Давыдовъ. Обязанности чтецовъ исполняли воспитанники: Е. Самуиловъ, С. Вершинскій и Н. Богородицкій.

На лѣвомъ клиросѣ монастырскій духовникъ исповѣдывалъ воспитанниковъ и руководителей. Уже давно кончилась всенощная, а исповѣдь все еще продолжалась. Предъ образомъ Богоматери привѣтливо, въ полусвѣтѣ лѣтняго вечера, теплилась лампада, а со стороны клироса слышенъ былъ глухой шопоть духовника и кающагося. Въ храмѣ стояла какая то особенная, благоговѣйная тишина. Невольно казалось, что „Господь близъ“.

Позднимъ уже вечеромъ, со спокойнымъ сердцемъ и чистою совѣстію „единъ по единому“ мы возвращались во святую обитель. Наслажденіе возстановленной душевной гармоніи дополнялъ благодатный лѣтній вечеръ, напоенный ароматомъ колосающейся ржи, дикой фіалки и сосноваго лѣса.

Въ одиннадцатомъ часу ночи, когда уже всѣ были въ гостинницѣ, проходитъ по корридорамъ послушникъ и дѣлаетъ напоминаніе:

— Братіе, наблюдайте тишину! По кельямъ расходитесь!

20 іюня, возставъ отъ сна, снова идемъ въ семинарскую

церковь“. Слушаемъ здѣсь утреннее правило и литургію, которую служитъ о. ректоръ въ сослуженіи тѣхъ же духовныхъ лицъ, что и на всенощной. Часы и апостоль читали воспитанники. На литургіи молились за всѣхъ, кто оказалъ намъ пріютъ во время пути. Нарочито же молились, по случаю тезоименитства, за архипастыря, благословившаго наше путешествіе. Въ обычное время, предъ пріобщеніемъ св. Таинъ, о. ректоръ, примѣнительно къ настроенію юношей, сказалъ поученіе:

„Черезъ нѣсколько минутъ, возлюбленные братія, вы приступите къ св. Чашѣ, вкусите Тѣла и Крови Христовой. Черезъ это вы тѣснѣйшимъ образомъ соединитесь со Христомъ. Онъ Самъ засвидѣтельствовалъ: „ядущій Мою плоть и піющій Мою кровь пребываетъ во Мнѣ и Я въ немъ... Я живу Отцомъ: такъ и ядущій Меня жить будетъ Мною“ (Іоан. VI гл., 56—57 ст.). Это единеніе со Спасителемъ въ данное время и въ настоящемъ мѣстѣ весьма знаменательно и должно быть памятно для васъ. Мы находимся въ такихъ мѣстахъ, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаемъ напоминанія, что люди совершили и могутъ совершить со Христомъ и во имя Христова. Сколько разъ мы были поражены и приходили въ изумленіе предъ тѣмъ, что сдѣлано и дѣлаетъ братія обители Валаамской! Они преобѣдили самую природу, имѣя въ суровомъ, холодномъ климатѣ богатые фруктовые сады и на бесплодныхъ скалахъ искусственно выращивая цѣлыя рощи деревьевъ. Они сумѣли справиться сами съ собою, оставивши тѣ взгляды, которые прочно укоренились среди людей. Начальствующіе среди нихъ не пользуются никакими удобствами жизни по сравненію съ подчиненными: та же одежда, та же пища и то же жилище у тѣхъ и другихъ; только на первыхъ лежитъ больше обязанностей, больше отвѣтственности примѣнительно къ ихъ силамъ, слѣдовательно больше и трудовъ. Забота о себѣ, своихъ выгодахъ и удобствахъ изгнана изъ ихъ обихода. Никто не работаетъ для себя и не ищетъ своихъ удобствъ, а всѣ работаютъ на братство и стараются объ удобствахъ другихъ даже чужихъ для нихъ людей, какими являются паломники, во множествѣ посѣщающіе ихъ обитель. Община этихъ удивительныхъ по истинѣ

самоотверженныхъ тружениковъ, не распадается и не уничтожается, какъ было съ колоніями толстовскими — общинами опростившихся интеллигентовъ, а живетъ и процвѣтаетъ. Количество тружениковъ не уменьшается, и выбывшіе за смертію замѣщаются вновь приходящими. Главныхъ дѣятелей по устроению этой общины нѣтъ уже въ живыхъ. Подлѣ св. храма, въ которомъ мы сейчасъ присутствуемъ, находятся памятники блаженному старцу Назарію (Саровскому постриженнику) и игумену Дамаскину. Первый былъ строителемъ внутренней духовной жизни; онъ научилъ братію, какъ съ своими страстями, чувствами, желаньями и мыслями справляться и къ Богу ихъ направлять, однимъ словомъ, какъ духомъ Господу служить. Второй былъ организаторомъ внѣшней стороны монастырской жизни, по скольку она способствуетъ процвѣтанію внутренней; онъ ввелъ уставъ общежитія, устраивалъ церкви, часовни, скиты, много сдѣлалъ по огражденію монастыря отъ всякаго рода соблазновъ, заносимыхъ изъ міра, и выработалъ правила поведенія для посѣтителей монастыря и т. п. На смѣну Назарія и Дамаскина явились другіе руководители, но они устрояютъ жизнь обители на тѣхъ же самыхъ началахъ, которыя положены въ основу ея ими. Устойчивость общины, какою является Валаамская обитель, и успѣхъ дѣланія ея тружениковъ зависятъ отъ того, что они все дѣлаютъ со Христомъ и во имя Христово. Сила ихъ Христосъ. Безъ Него они не совершаютъ ни одного дѣла, большое или малое оно — все равно. Подавая блюдо съ пищей, они творятъ молитву Іисусову: „Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ“; выражая благодарность за малую услугу, даже за ласковое слово, произносятъ: „спаси тебя, Христосъ“. При помощи Христа и непреодолимая препятствія являются преодолимыми и непосильные труды — исполнимыми.

Братья мои возлюбленные. Не одно изумленіе должны вызывать въ насъ подвиги этихъ тружениковъ, но и подражаніе. Вѣдь и намъ сила то ихъ — Христосъ не чужой, мы Его и Онъ нашъ; Онъ можетъ быть въ насъ и мы въ Немъ. Поэтому и хотѣлось мнѣ и предлагалъ я вамъ, чтобы вы сознание нашего единенія со Христомъ запечатлѣли именно здѣсь, гдѣ вы видѣли очевидныя

доказательства всей силы и значенія его, реальнымъ объединеніемъ съ Нимъ въ таинствѣ приобщенія Тѣла и Крови Его. Да не смущается сердце ваше тѣмъ, что вы на этотъ разъ не могли попоститься и поговѣть такъ, какъ вы привыкли обычно дѣлать. Всѣ вы знаете, что не любочестивъ нашъ Владыка. Онъ принимаетъ пришедшаго и въ одиннадцатый часъ такъ же, какъ дѣлавшаго и отъ перваго часа. Постившагося и не постившагося — всѣхъ приглашаетъ св. Отецъ войти въ радость Господа своего. Войдемъ и мы по этому приглашенію не дерзновенно, а смиренно. Восполнимъ, насколько можемъ, недостатокъ поста и говѣнія сознаниемъ своего убожества и искреннѣйшимъ желаніемъ соединиться со Христомъ. Вѣруемъ, что Господь, Который блудницу, со слезами пришедшую къ Нему, не отогналъ, мытаря покаившагося не отвергъ, даже разбойника, познавшаго царство Его, не отогналъ и гонителя не оставилъ и насъ всѣхъ, отъ покаенія къ Нему пришедшихъ, въ ликѣ друзей своихъ вчинить и съ обычнымъ человѣколюбіемъ внидетъ въ душу каждаго изъ насъ и просвѣтитъ помраченный помыслъ ея.

Друзи мои, дорогіе слушатели, придетъ время, когда вы разойдетесь по разнымъ путямъ жизни. На нихъ встрѣтятся вамъ много препятствій, много всякаго рода трудностей, которыя вамъ нужно преодолѣть. Главная изъ нихъ та, чтобы сумѣть справиться съ самимъ собою, заставить себя забыть про себя и жить не ради себя, а ради блага кому служишь и ради пользы дѣла, которое ты долженъ исполнять. Трудно будетъ, тяжело... невыносимо. Вспомни, что есть сила, которая можетъ и помочь и подкрѣпить и утѣшить—это Христосъ. Перенесись мыслию въ этотъ пустынный храмъ, возстанови въ своемъ воображеніи совершившееся въ немъ приобщеніе св. Таинъ, объединеніе со Христомъ, которое всегда должно напоминать тебѣ, что никакіе труды, препятствія и лишенія не страшны и не невозможны для человѣка, если онъ со Христомъ, и всякое дѣло исполняетъ во имя Его. Приступите же, братія, со страхомъ Божиимъ и вѣрою къ св. Чашѣ и да исполнится на васъ неложное слово Спасово: „ядущій Мою плоть и піющій Мою кровь пребываетъ

во Мнѣ и Я въ немъ... Я живу Отцомъ: такъ и ядущій Меня жить будетъ Мною“ и да на самомъ дѣлѣ вы познате всю силу и значеніе въ жизни и дѣятельности этого единенія со Христомъ“.

Послѣ приобщенія о. ректоръ самъ читалъ благодарственныя молитвы.

По окончаніи литургіи, въ трапезной насъ ожидалъ утренній чай. Дружно, по-семейному, собрались всѣ вмѣстѣ и при входѣ ректора, вставъ съ мѣстъ, встрѣтили его одушевленнымъ пѣніемъ тропаря св. Валаамскимъ чудотворцамъ: „Евангелія Христова истинніи послушницы явистесея преподобніи“... Помолившись передъ образомъ Богоматери и обратившись къ намъ съ привѣтствіемъ и благожеланіями, о. ректоръ поздравилъ насъ „съ именинникомъ“.

Въ тотъ-же день послѣ обѣда предприняли самую интересную на Валаамѣ экскурсію къ Никоновскому скиту. На этотъ разъ насъ ѣдетъ цѣлый флотъ. Къ обычной флотиліи, состоящей изъ маленькаго парохода и двухъ лодокъ съ паломниками и семинаристами, прицѣпляются еще двѣ маленькихъ лодки, гдѣ размѣстились, подъ предсѣдательствомъ о. Теофана, пріѣхавшіе вмѣстѣ съ нами студенты Петербургской Академіи. Большая часть юношества группируется вблизи „помощника инспектора“, который въ юмористической формѣ ведетъ разговоръ о финнахъ и Финляндіи. Вскорѣ бесѣда смѣняется чтеніемъ: воспитатель читаетъ интересную статью, а юношество вокругъ него, кто сидя, кто лежа другъ на другѣ, слушаютъ, „наостривши уши“. Другая группа сосредоточилась около А. Е., все еще не можетъ забыть его „Одиссеи“... Выѣхали изъ бухты въ открытое озеро. Погода ясная и тихая; лодки идутъ совершенно спокойно. На кормѣ жалѣютъ, что качки нѣтъ и мало-по-малу начинаютъ сами качать лодку, но переходить туда и въ молчаніи садится авва, и всѣ успокаиваются.

Около скита Іоанна Предтечи вострепенувшійся, дружный хоръ громогласно поетъ „Память праведнаго съ похвалами“. Здѣсь, въ скиту, на самой вершинѣ горы, строится церковь во имя св.

апостола Андрея Первозваннаго. Около пристани разложены кирпичи, только что привезенные изъ монастыря, и на благочестивой обязанности каждаго паломника лежитъ внести по кирпичу, а кто можетъ и больше—въ гору. Первыми выходятъ на берегъ населеніе нашей лодки. Дружно осаждаютъ юноши кирпичную кладку и почти всѣ кирпичи уносятъ вверхъ. Къ другой кладкѣ, съ тѣми же благочестивыми цѣлями, подходитъ партія паломниковъ. Барыни, барышни, дѣвочки, студенты, нищенки—одни съ стремительностью, другіе—лѣнливо и неохотно берутъ по охапкѣ кирпичей и несутъ на построеніе Божьяго храма. Въ пол-горѣ барыня устала и бросила на дорогѣ свои кирпичи: „Богъ съ ними!“ Достала изъ кармана платокъ и начинаетъ вытирать руки и отряхиваться отъ кирпичной пыли. Солидныхъ лѣтъ господинъ, очевидно, попавшій сюда по недоразумѣнію, пронизиваетъ надъ благочестивыми людьми: „гора крутая, безъ кирпичей-то не влѣзешь“. Мальчикъ едва тащитъ свою ношу: усталъ, покраснѣлъ весь,—не влѣзти. Къ нему сбѣгаетъ съ горы семинаристъ и помогаетъ поднять ношу.

Вверху, рядомъ съ строящимся новымъ храмомъ, поютъ молебень. Служить іеромонахъ Мелетій, школьный товарищъ двоихъ изъ нашихъ руководителей.

Съ успѣхомъ окончившій семинарію и образцовый учитель, онъ по какимъ-то внутреннимъ побужденіямъ, совершенно неожиданно оставилъ свою школу и, почти никому не сказавшись, ушелъ въ Валаамскій монастырь. Такъ же, какъ и нашъ вчерашній путеvodитель, принятый сюда безъ конкурснаго экзамена, сначала прошелъ здѣсь подготовительный къ пастырству курсъ „высшей науки“, а потомъ, по настоянію начальствующихъ, былъ посвященъ во іеродіакона и іеромонаха.

— Гдѣ Богъ привелъ свидѣться!.. Въ дѣтскіе годы, когда вмѣстѣ играли въ родномъ селѣ,—думали-ли, что когда нибудь будетъ такая встрѣча...

Въ обратный путь раздѣляемся на двѣ партіи: любители морского плаванія отправляются для обозрѣнія дальнѣйшихъ скитовъ на лодкахъ, а меньшинство, вмѣстѣ съ о. ректоромъ, идетъ прямо въ

монастырь, вдоль острова, лѣсомъ. О. Мелетій взялъ на себя трудъ провести насъ кратчайшимъ путемъ. На пути вели бесѣду о значеніи Валаамскаго монастыря для окрестныхъ селеній. Оказывается, и здѣсь, такъ-же, какъ въ Соловкахъ, есть обычай приходить въ монастырь на послушаніе и работать „Господа — для“, — полгода, годъ, а иногда и больше. Нѣтъ сомнѣній, что обычай этотъ имѣетъ громадное воспитывающее значеніе для всей окрестности: пробывшій на послушаніи, съумѣвшій подчиниться строгому монастырскому режиму, пройдя здѣсь школу труда и терпѣнія, — уже непременно воротится въ семью трезвымъ работникомъ. Съ этой точки зрѣнія Валаамскій монастырь не только „педагогическій институтъ“, но и „врачебница“ для больныхъ слабоволиемъ. Объ этомъ назначеніи монастыря прекрасно знаютъ не только въ побережьи Ладожскаго озера, но и въ Петербургѣ. Многія благочестивыя матери отправляютъ сюда сбившихся съ пути дѣтей на жительство и получаютъ обратно уже исцѣленными.

Во время бесѣды старшихъ, воспитанники разбрелись по лѣсу за цвѣтами и ягодами, — собираютъ незабудки и дикую фіалку. Въ одномъ мѣстѣ вспугнули двухъ зайцевъ. Но зайцы здѣсь совсѣмъ не трусливые: бѣжать не торопятся. На нашъ вопросъ, отчего это такъ? — спутникъ отвѣтилъ, что они не боятся людей: ихъ здѣсь не бьютъ, — и рассказалъ намъ о томъ, какъ на островѣ приходитъ къ схимонаху лисица и получаетъ изъ рукъ его пищу.

Это уже совершенно новая черта монастырской жизни. Если бы сильнѣе и дальше было его вліяніе на окрестныхъ жителей, — кто знаетъ, быть можетъ гораздо скорѣе наступило бы давно ожидаемое время, когда люди перекуютъ „мечи на плуги и копья на серпы“.

На дальнѣйшей остановкѣ вблизи часовни, среди роскошнаго луга цвѣтовъ, были свидѣтелями еще одной особенности монастырской жизни: здѣсь нѣтъ ни замковъ, ни рѣшетокъ въ окнахъ; нѣтъ собакъ, которыя стерегутъ „хозяйское добро“.

Для новой Руси, которая строится на Востокѣ, и которая краеугольнымъ камнемъ своимъ кладетъ рубль, было бы чрезвы-

чайно поучительно вліявіе Валаамскихъ иноковъ. И надо жалѣть, что уже достаточно искусившійся въ духовномъ подвигѣ монахъ, все еще продолжаетъ жить въ обители, среди тысячи братій, до самой смерти. Если Валаамскій монастырь — духовная школа для подготовки къ пастырскому подвигу, къ безропотному несенію иноческаго креста, — то зачѣмъ же оставлять здѣсь „окончившихъ курсъ“, когда они могутъ въ другомъ мѣстѣ учить и лечить: и основывать новыя обители, и имѣть нарочитое пастырское душепопеченіе о ближнихъ. *Шедше въ міръ весь, проповѣдуйте Евангеліе всей твари*, сказалъ Спаситель. И этотъ вѣчный глаголь Христовъ особенно приложимъ къ нашему времени, когда такъ много христіанъ стало только по имени, когда язычество, замаскированное гуманными идеями, все больше и больше находитъ себѣ послѣдователей. Идите съ проповѣдью по Россіи, Валаамскіе отцы, оздоравливайте немощныхъ, укрѣпляйте колѣна разслабленныхъ, тихо дѣлайте свое дѣло въ новой промышленной Россіи; идите со знаменемъ креста на заводы и фабрики, устраивайте общества трезвости, лечите, приучайте другихъ къ строгой жизни, къ которой себя приучили.

Съ этими мыслями входимъ съ суши въ Валаамскую обитель по дорогѣ изъ дремучаго лѣса. Видъ храмовъ и монастырскихъ зданій отсюда еще привлекательнѣе.

Ранній вечеръ предъ вечерней и сразу послѣ вечерни одними былъ посвященъ на покупку иконъ, крестиковъ и книгъ въ церковной лавочкѣ, другими — на болѣе подробный обзоръ окрестностей обители и, наконецъ, третьими — на посѣщеніе монастырской колокольни. Колокольня въ вышину — тридцать три сажени, — немного менѣе Ивана Великаго. Но за-то подъемъ гораздо благоустроеннѣе: лѣстницы шикокія и начисто вымыты, пролеты свѣтлые. Получается впечатлѣніе, будто поднимаешься въ верхній этажъ какого нибудь зданія. Небольшой группой мы забрались подъ самый барабанъ. Подъ ногами стучать монастырскіе часы громадныхъ размѣровъ: почти саженный циферблатъ, пудовой маятникъ, отъ пятнадцати до тридцати пудовъ гири. Отсюда открывается видъ „на весь міръ“: „Сиди здѣсь, говоритъ мой старшій спутникъ, смотри въ четыре страны

и наблюдай, что гдѣ люди дѣлаютъ“. Къ нашимъ услугамъ— пара биноклей и громадная зрительная труба, а для удобства — подъ окошечкомъ столикъ и табуретка. При нѣкоторыхъ уси- ліяхъ можно разсмотрѣть восточный берегъ озера: селеніе и двѣ церкви на самомъ берегу. До нихъ версть тридцать пять. Сер- добольскій берегъ видно еще лучше, не только въ бинокль, но даже простымъ глазомъ. Въ зрительную трубу можно хорошо разсмотрѣть парусныя суда, которыя плывутъ на приблизительномъ разстояніи десяти версть.

Колокольня для Валаамскаго монастыря служитъ observa- ціоннымъ пунктомъ. Дежурный послушникъ зиму и лѣто въ те- ченіе сутокъ сидитъ на вышкѣ, подъ часами, слѣдитъ за при- ближеніемъ береговыхъ лодокъ, и о каждомъ пріѣздѣ незнакомыхъ людей немедленно даетъ знать монастырю. Это также одно изъ очень трудныхъ послушаній— день и ночь быть на сторожѣ, одному, на половинѣ пути отъ земли къ звѣздамъ, въ морозъ и непогодѣ. Есть время размыслить о смыслѣ жизни и своемъ назначеніи на этой землѣ.

Послѣ вечерни, въ ожиданіи ужина, почти всѣ воспитанники собрались на крыльцѣ гостиницы и опять разговорились. По слову скажутъ, пятьдесятъ пять словъ, а по два—будетъ сто десять... Снова подходитъ вчерашній послушникъ: — Братія, наблюдайте тишину!..

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПО СЪВЕРНОЙ РОССИИ.

Дневникъ воспитанниковъ Самарской Духовной Семинаріи за
время лѣтней поѣздки 1903 года.

(Продолженіе).

21 іюня. Раннимъ утромъ, по обычаю, ходилъ по номерамъ отецъ духовникъ и расталкивалъ спящихъ. Въ нѣкоторыхъ — стучалъ въ дверь и стукъ его былъ подобенъ стуку морской лебедки, которая поднимаетъ ящикъ съ товаромъ. Ему замѣчаютъ, что очень ужъ энергично будить.

— А то какъ-же? Не молитву же читать по-монастырски: хоть сто разъ прочитай — не услышите.

Послѣ литургіи собираемся въ соборѣ — служить прощальный молебенъ. Предъ молебномъ на нѣсколько минутъ имѣю возможность заглянуть въ алтарь и прочитать вывѣшенное на стѣнѣ наставленіе настоятеля инокамъ: „Отцы и братія священнослужители и прочіе предстоящіе во св. алтарѣ! Ради святости мѣста, какъ особаго присутствія Божія, здѣсь, въ алтарѣ, во время богослуженія прошу васъ постороннихъ разговоровъ не производить“. На прощальномъ молебнѣ молимся о Преосвященномъ Гуріи, о строительницѣ новаго семинарскаго храма, о родителяхъ и родственникахъ воспитанниковъ.

Послѣ молебна собрались, одновременно со студентами Петербургской Духовной Академіи, въ келліяхъ настоятеля — отдать послѣдній поклонъ начальнику обители и благодарить его за радушіе и гостепріимство. Отецъ ректоръ отъ лица собравшихся благодарилъ о. настоятеля въ слѣдующихъ словахъ:

„Ваше Высокопреподобіе! Самарская Духовная Семинарія, въ лицѣ здѣсь собравшихся, приноситъ глубокую благодарность Вамъ и Вашей обители за тотъ пріютъ, ту хлѣбъ-соль и то духовное назиданіе, которые мы получили.

Для насъ путниковъ, особенно такихъ дальнихъ, важенъ и кровъ, подъ которымъ мы могли отдохнуть, и пища и питье, которыми подкрѣплялись наши силы, и внимательное отношеніе, благодаря которому мы могли многое осмотрѣть и удовлетворить свою любознательность.

Но мнѣ кажется, что еще болѣе важно и цѣнно то, что здѣсь получилъ или могъ получить нашъ духъ, наша душа.

Самарская епархія новая, молодая. Религіозная жизнь въ ней начинаетъ только биться. Пульсы ея, св. обители насчитываютъ своему существованію только десятки лѣтъ. Сообразно съ современными обстоятельствами большинство изъ нихъ женскія, а мужскихъ немного и по числу братій малолюдны.

Здѣсь же мы нашли обитель древнюю, начало которой скрывается въ глуби вѣковъ, цвѣтущую во всѣхъ отношеніяхъ. Мы видѣли, что не только жены, но и мужи въ наше время могутъ жить по духу и ради этой жизни оставить и забыть все. Со Христомъ они побѣждаютъ страсти, убѣжденія, оставляютъ взгляды и отношенія, господствующія въ міру и несогласныя съ ученіемъ Евангельскимъ, видоизмѣняютъ на лучшее самую видимую природу.

Все это мы запечатлѣли въ сердцѣ и закрѣпили единеніемъ со Христомъ въ таинствѣ Причащенія. Да процвѣтаетъ Валаамская обитель на многія и многія лѣта и является градомъ въ верху горы стоящимъ, свѣтильникомъ, который, горя и свѣтя, всѣмъ показываетъ, что жизнь по духу, согласно ученію Евангельскому, не возможная для людей возможна для возмогающихъ о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ.

Многая лѣта о. Настоятелю и братіи обители Валаамской“.
Воспитанники закончили рѣчь о. ректора истовымъ и одушевленнымъ многолѣтіемъ.

Выслушавъ предъ образомъ „многая лѣта“, о. Виталій сказалъ: „Дай вамъ, Господи, милости Божіей—быть полезными для Церкви и общества. Милости просимъ впредь пріѣзжать“... И затѣмъ началъ благословлять каждога въ отдѣльности, освѣдомляясь о происхожденіи нѣкоторыхъ воспитанниковъ и о ихъ намѣреніи служить святой Церкви. На память каждому о. Настоятель подарилъ по маленькому образку съ изображеніемъ преподобныхъ Сергія и Германа Валаамскихъ Чудотворцевъ. Послѣ прощанья съ воспитанниками, о. Настоятель пригласилъ руководителей во внутреннія келліи на чашку чая. Среди скромной обстановки здѣсь обращаетъ вниманіе посѣтителя прекрасный барометръ. Очевидно, настоятель раньше всѣхъ другихъ долженъ знать настроеніе капризнаго Ладожскаго озера и не пускать въ путь суда, когда барометръ показываетъ *буря*. На этотъ разъ барометръ показывалъ *ясно*, и можно было не опасаться за дальнѣйшій путь.

Окончивъ бесѣду, мы пригласили о. Настоятеля сняться на общей карточкѣ. Изъ уваженія къ почетному гостю аппаратъ былъ приготовленъ съ нарочитымъ усердіемъ, воспитанники—у дверей трапезной—разсажены съ особенной тщательностью; кромѣ того, былъ данъ особый урокъ фотографу, сколько секундъ держать объективъ: присяжный фотографъ, о. духовникъ, на этотъ разъ пожелалъ сняться вмѣстѣ, въ общей группѣ.

Послѣ съемки, большая часть воспитанниковъ отправилась собираться въ дорогу, а меньшинство, въ ожиданіи трапезы, посѣтили старое братское кладбище. Немногосложны надписи на могилахъ иноковъ: нѣтъ здѣсь скорбныхъ чувствъ разставанія съ жизнью, не замѣтно и прощальныхъ слезъ. Валаамскіе монахи умѣютъ молчать и по смерти, такъ-же, какъ молчатъ при жизни. А между тѣмъ, по нѣкоторымъ штрихамъ могильныхъ начертаній, можно бы было догадаться, что подъ тѣмъ или инымъ камнемъ похоронена глубокая драма жизни. Здѣсь есть, напримѣръ, купцы,

поселившіеся въ монастырѣ и, по искушеніи себя, принявшіе монашество, есть схимники и молчальники, полившіе землю слезами молитвы... Надъ всѣми ими надписывается одна общая формула: „Отцы и братіе, не забудьте и мене, егда молитесь“.

— Часто-ли, спрашиваю спутника, молятся о нихъ?— Отвѣчаютъ, что каждую субботу и, сверхъ того, во вселенскія субботы и на трехъ недѣляхъ великаго поста, когда прочитывается весь помянникъ, отъ основанія обители. Говорятъ, здѣсь въ библиотекѣ хранится синодикъ, въ которомъ собственноручно записаны царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ души казненныхъ. Какъ жаль, что мы не видали этотъ автографъ царя Грознаго!..

Между почившими есть гости, скончавшіеся во время пріѣзда во св. обитель. Здѣсь многорѣчивѣе памятники. На одномъ изъ нихъ написано, что исполнилось желаніе благочестивой женщины — умереть на святомъ островѣ. Пишетъ ей дочь: „Спи, мама дорогая, какъ пахарь спитъ усталый“...

Троекратный ударъ колокола призываетъ на трапезу. На этотъ разъ мы и студенты обѣдаемъ въ общей трапезной, вмѣстѣ съ монахами. Трапезная устроена на подобіе часовни, съ иконостасомъ на передней стѣнѣ. Отъ нея идутъ три ряда столовъ. Въ концѣ средняго ряда помѣщается кафедра, на которой „учиненный чтець“ читаетъ „Житія святыхъ“. Братія заняли два ряда съ правой стороны; мы размѣстились во всю длину столовъ съ лѣвой стѣны отъ входа. Въ ожиданіи молитвы всѣ хранимъ молчаніе. Вошелъ настоятель и сдѣлалъ чинно три поклона... За нимъ вошли пѣвчіе и речитативомъ начали: „Отче нашъ... Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь. Господи помилуй... Благослови“. Очередной іеромонахъ благословляетъ трапезу и всѣ садятся обѣдать, въ молчаніи, а послушникъ читаетъ житіе дневнаго святого. — Послѣ четвертаго блюда всѣ встаютъ и хоръ поетъ заключительныя молитвы: „Благословенъ Богъ питаяй насъ отъ юности нашея“, „Возвеселиль ны еси въ дѣлѣхъ рукъ Твоихъ“, „Благодаримъ Тя, Христе Боже нашъ“, „Достойно“... „Слава и нынѣ. Господи помилуй. Благослови“. Предстоятель благословляетъ: „Съ нами Богъ Своєю

благодатию и человеколюбіемъ, всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“. Пѣвчіе поютъ „аминь“, и всѣ уходятъ.

Спѣшно послѣ трапезы прощаемся, благодаримъ монаховъ за гостепріимство и идемъ на пристань. На пути встрѣчается дежурный на колокольнѣ послушникъ съ извѣстіемъ, что „Валаамъ идетъ“. Нашъ багажъ доставляютъ къ пароходу на монастырскихъ коняхъ.

Осталось ждать болѣе часа. На пристани, въ ожиданіи отъѣзда, скучно Пассажиры зѣваютъ и смотрятъ, уставившись въ одну точку. Жаркій полдень и томительное ожиданіе гонятъ мысль съ чела даже серьезныхъ нашихъ спутниковъ. Около пристани собралась группа студентовъ и съ ними маленькій восьмилѣтній мальчикъ — послушникъ, въ скуфейкѣ и подрясникѣ. Заботливые дядьки учатъ его въ бинокль смотрѣть. „Ученикъ“ очень доволенъ урокомъ своихъ воспитателей и съ уваженіемъ смотритъ на нихъ, не спуская глазъ.

Наступаетъ часъ прощанья. По нашей просьбѣ, пароходъ отходитъ немного ранѣе распisanія, чтобы намъ успѣть на поѣздъ въ Сердоболѣ. Одна другою смѣняются прощальныя сцены. Предметомъ общаго вниманія служитъ А. Е., не пожелавшій предпринять вторичную поѣздку къ „чуди бѣлоглазой“. Онъ остается на Валаамѣ и завтра ѣдетъ прямо въ Петербургъ. Воспитанники напутствуютъ его благожеланіями. Особенно трогательно прощается съ нимъ „помощникъ инспектора“. На самомъ патетическомъ мѣстѣ прощанья наставляютъ на нихъ съ верхней палубы фотографическій аппаратъ и дѣлаютъ моментальный снимокъ. Снимокъ выходитъ настолько рельефный, что даже „слезы видать“...

Студенты съ палубы шлютъ послѣдній привѣтъ своему инспектору. О. Теофанъ облокотился на каменную тумбу, закрылъ лицо рукою и смотритъ вдаль. Есть нѣчто трогательное и въ одинокой его фигурѣ, и въ заботливомъ выраженіи его лица. Будто самыхъ родныхъ, близкихъ людей онъ провожаетъ. Жалко, что не могу снять или нарисовать это неземное лицо... хотя бы для того, чтобы показать, что есть еще въ нашей — богатой дарованіями — духовной школѣ люди, которые больше отца и матери заботятся о своихъ богоданныхъ дѣтяхъ,

Дико закричалъ въ послѣдній разъ пароходъ. Сняли сходни и началъ работать винтъ. Собравшись на палубѣ, мы прощаемся со святой обителью пѣніемъ въ послѣдній разъ тропаря св. Ва-лаамскимъ Чудотворцамъ.

Черезъ пять минутъ въѣзжаемъ въ открытое море. Начинаетъ свѣжѣть и становится холодно, не смотря на полдень. На солнечной сторонѣ играетъ водная даль серебряными искрами. Далеко позади остаются скалы св. острова, покрытыя зеленью вѣ-ковыхъ деревьевъ. Съ противоположной стороны видѣнъ финлянд-скій берегъ. Скоро пароходъ вступаетъ въ морской заливъ, кото-рый мѣстами напоминаетъ одну изъ большихъ рѣкъ средней Россіи. Есть возвышенія на подобіе Царева Кургана, есть горы, сплошь покрытыя лѣсомъ, на подобіе Жигулей. Но и небо здѣсь другое, и горныя очертанія рѣзче, суровѣе: нѣтъ той мягкости и простора, которая чувствуется на родной рѣкѣ..

Суровый край... Его красамъ,

Пугаяся, дивятся взоры.

Уже и рѣчь здѣсь не наша: на пароходѣ добрая половина постороннихъ пассажировъ болтаетъ по-фински. Очень интересны первые моменты встрѣчи двухъ племенъ. У борта парохода сидятъ двое: „старый и малый“ — мальчикъ финнъ и нашъ помощникъ инспектора. Познакомились, расшались. Оба болтаютъ и смѣются, но ни одинъ не понимаетъ ни слова изъ того, что говоритъ другой.

— Въ воду выброшу! — шутить воспитатель. Мальчикъ пи-щитъ и жметъ въ сторону.

Въ виду „чужой стороны“ еще серьезнѣе и озабоченнѣе сталъ о. духовникъ. Въ монастырѣ онъ намѣнялъ финскихъ де-негъ и накупилъ провизіи столько, что можно бы было накормить половину Финляндіи. На этотъ разъ онъ не довѣряетъ опытности старость: боится, что не съумѣютъ считать по-фински, и самъ всѣмъ завѣдуетъ: укладываетъ припасы, записываетъ, подсчиты-ваетъ, соображаетъ. Около него лежитъ шестнадцать хлѣбовъ. Рядомъ съ ними корзина, на которой написано громадными рус-скими буквами наименованіе кладѣ и имя владѣльца.

Руководители нашли себѣ интереснаго спутника. Ёдетъ въ Финляндію Пензенскій епархіальный наблюдатель, вмѣстѣ съ учителемъ одной изъ второклассныхъ школъ. Наблюдатель — академическій товарищъ одного изъ нашихъ преподавателей, но... поразительная разница: тотъ на половину сѣдой, а тотъ высматриваетъ совсѣмъ молодымъ человѣкомъ. Должно быть въ Пензѣ хорошо живется! — Мирно бесѣдуютъ. Вспоминаютъ академію, старыхъ друзей, перечисляютъ, кто изъ нихъ произведенъ въ генералы и дѣлятся другъ съ другомъ впечатлѣніями по поводу нашего „семинарскаго войска“ на берегахъ Финляндіи.

Между горами видно Сердоболь. Это уже совершенно лютеранскій городъ. Центральное положеніе занимаютъ двѣ большихъ кирки и очень скромное мѣсто отведено русской церкви. И дома тоже какіе-то друіе, мало похожи на русскіе.

Въ четыре часа парходъ остановился у пристани. Чувствуемъ себя истыми пошехонцами, которые пріѣхали въ чужую страну и прямо „уперлись въ стѣну“. Что дальше? Куда? Надо на вокзалъ и притомъ надо пройти спѣшно, потому что поѣздъ черезъ полчаса отходить, а мы не знаемъ, и гдѣ вокзалъ и кого спросить. Толпа вся, кромѣ насъ, говоритъ по фински. Нѣтъ, здѣсь „языкъ не доведетъ до Кіева“. Происходитъ то же самое, что на парходѣ у помощника инспектора съ мальчикомъ, только теперь ролями помѣнялись: финнъ можетъ пообѣщать насъ „въ воду бросить“, а мы будемъ пріятно улыбаться и благодарить...

Непріятное чувство „чужой стороны“, впрочемъ, нѣсколько сглаживается тѣмъ, что „насъ много“, что, въ случаѣ нерасположенія финновъ, мы завоюемъ себѣ часть земли и поставимъ свой городъ. И говорить въ немъ будемъ по-русски.

Однакожъ, *fortes fortuna juvat*. Предупрежденные А. Е., на парходской пристани насъ встрѣчаютъ духовныя лица, и съ первыхъ же шаговъ протоіерей Окуловъ беретъ насъ подъ свое покровительство. При быстрой смѣнѣ впечатлѣній, едва успѣваемъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что видимъ. Какая-то стихійная сила несетъ впередъ.

На минуту вглядываюсь въ интеллигентное лицо о. Окулова,

его манеры, поступь, слушаю его рѣчь, и вижу, что — если можно заключить по двумъ-тремъ примѣрамъ — нѣтъ ничего общаго между здѣшнимъ и нашимъ провинціальнымъ духовенствомъ. Совершенно европейцы!..

Группа молодежи собирается на рельсахъ соединительной вѣтви и, послѣ недолгихъ колебаній, рѣшаетъ идти до вокзала пѣшкомъ. Впереди „роты“ идетъ маленькій блѣлый мальчикъ, сынъ о. Окулова, за нимъ тянется цѣлая вереница путешественниковъ: съ чемоданами на плечахъ, съ узлами подъ мышкой, съ корзинами на головахъ, съ палками, съ сумками. Въ одномъ мѣстѣ, на узкомъ мосту черезъ маленькую бухту, вѣся эта компанія растягивается саженъ на двѣсти и больше, дѣлая удивленію встрѣчныхъ финновъ. Насколько успѣетъ глазъ сохранить моментальное впечатлѣніе города, — Сердоболь производитъ во всемъ впечатлѣніи тишины и порядка. По дурной русской привычкѣ заглядываю въ окно: вмѣсто оконъ распятіе, — значитъ домъ лютеранскій, судя по внѣшнему виду, и не очень богатый, но какая въ немъ чистота, и какъ все приспособлено къ требованіямъ жизни! На финнахъ и финкахъ, которые намъ попадались на встрѣчу, не замѣтили ни одного грязнаго костюма: ни одной бѣдно одѣтой, ни одной пылинки. Особенно финки отличаются чистотой и изяществомъ, при простотѣ и неизысканности наряда. Надписи на домахъ всѣ — или по-фински или по-нѣмецки. Нашъ маленькій руководитель рассказываетъ своимъ ближайшимъ спутникамъ о городѣ и учитъ ихъ говорить на туземномъ нарѣчьи.

Поднявшись въ тору, подходимъ къ зданію вокзала. Здѣсь — все новое, непривычное. Нѣтъ открытой платформы, какъ у насъ; на головѣ начальника станціи вмѣсто красной фуражки — копія съ изображеніемъ феникса; нѣтъ и той грязи, какая въ большинствѣ замѣчается на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Вездѣ цвѣты: и въ буфетной комнатѣ, и въ помѣщеніяхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, и въ рукахъ дамъ, и въ петличкахъ молодыхъ финновъ.

На желѣзной дорогѣ отъ Сердоболя къ Выборгу очень слабое движеніе, и потому намъ приходится нарочно заказывать себѣ вагонъ. Обращаемся съ просьбой къ начальнику станціи дать намъ

помѣщеніе и получаемъ отвѣтъ, что все уже сдѣлано. Желѣзнодорожное начальство было предупреждено еще наканунѣ о нашемъ проѣздѣ. Вѣроятно, тотъ же о. Окуловъ, безъ нашего вѣдома, оказалъ намъ эту услугу.

Со вторымъ звонкомъ занимаемъ вагонъ и снова чувствуемъ себя въ совершенно непривычной обстановкѣ: вагонъ свѣтлый, окрашенный внутри бѣлой краской; двери стеклянные, для удобства пассажировъ умывальникъ и графинъ съ водой; полъ только что вымытъ, какъ передъ праздникомъ въ русскомъ благочестивомъ домѣ. вмѣсто сальныхъ огарковъ электрическое освѣщеніе. вмѣсто грязныхъ рекламъ надписи объявленій — на стеклахъ матовыми буквами. Кондукторъ предупредительно вѣжливъ какъ и слѣдуетъ чиновнику, одѣтому въ мундиръ съ пуговицами, на которыхъ изображенъ русскій двухглавый орелъ. По-русски, впрочемъ, говорить плохо и недостатокъ запаса словъ восполняетъ жестикуляціей.

Вступаемъ въ страну „тысячи озеръ“. Природа очень напоминаетъ сѣверъ Россіи: тотъ же коверъ цвѣтовъ съ той и другой стороны желѣзнаго пути, съ той только особенностью, что почти на каждой верстѣ встрѣчаемъ какой нибудь заливъ или озеро; иногда оно тянется на нѣсколько сажень, иногда на цѣлую версту, иногда уходитъ въ глубь и закрывается близлежащимъ лѣсомъ. Чаше попадаются полосы гранита, время отъ времени мелькнетъ рѣка въ гранитныхъ берегахъ; по ту и другую сторону пути вдали тянутся горы. По мѣстамъ идутъ луга и травы.

Здѣсь уже сѣнокосъ во всемъ разгарѣ. На скошенной полянѣ виднѣются конусообразныя финскія копны: сѣно сложено вокругъ воткнутаго въ землю суковатаго дерева и открыто дѣйствию воздуха гораздо больше, чѣмъ въ нашихъ стогахъ или копнахъ.

Идемъ уже нѣсколько верстъ, а все еще не видимъ деревни: здѣсь, оказывается, нѣтъ общиннаго землевладѣнія: каждый живетъ на своемъ участкѣ. вмѣсто деревень — отдѣльныя усадьбы: домикъ съ надворными службами, иногда два, и около нихъ весь хозяйственный инвентарь и вся земля, которой владѣетъ хозяинъ. И на всемъ пространствѣ — ни до одной церкви.

На ближайшей станціи знакомимся съ финскимъ населеніемъ:

покупаемъ у маленькихъ дѣвочекъ морошку и землянику. Ягоды уложены на тарелку, сдѣланную изъ бересты, по угламъ береста искусно связана прутикомъ.

— Сколько?

— Десять пенни! (на наши деньги $2\frac{1}{2}$ копѣйки).

— Даемъ пятакъ, — не беретъ. Какъ быть? Финскихъ денегъ нѣтъ, а ягоды хорошія. Вопросительно смотримъ сначала другъ на друга, потомъ на дѣвочку и отдаемъ гривенникъ (25 пенни). Продащица молча кладетъ его въ карманъ и передаетъ намъ одну тарелку съ ягодами. За пятіалтынный и другая тарелка поступаетъ въ наше распоряженіе.

Еще комичнѣе полунѣмая сцена на платформѣ. Приходитъ пассажиръ. Одинъ изъ экскурсантовъ, забывшій, что финнъ ничего не понимаетъ по-русски, начинаетъ доказывать, что этотъ вагонъ только „для учащихся“ и что остальные пассажиры должны помѣщаться въ сосѣднемъ вагонѣ; что у насъ и безъ того страшно тѣсно, а тамъ всего лишь два человѣка сидятъ. Финнъ слушаетъ и смотритъ съ недоумѣніемъ. Видя, что не помогаютъ слова, ораторъ прибѣгаетъ къ жестамъ: беретъ его одной рукой за плечо, а другой показываетъ на сосѣдній вагонъ. Но и эта мѣра оказывается безсильной. Тогда юношество прибѣгаетъ къ помощи „аналогичныхъ дѣйствій“. Думая, что „финнъ боится“, одинъ за другимъ начинаютъ показывать, какъ переходить площадку. Цѣль достигнута: пассажиръ ушелъ въ сосѣдній вагонъ и помѣстился съ удобствами. Еще курьезнѣе былъ разговоръ съ какимъ-то проходимцемъ: тоже ничего не знаетъ по-русски, и тоже объясняется посредствомъ жестикуляціи: колотитъ по щекѣ — даютъ ему хлѣба. Оказывается — не то... Такъ и не поняли...

На ст. IAAKKIMA поѣздъ стоитъ пятнадцать минутъ. Идемъ осматривать зданіе вокзала. И здѣсь тоже — удивительная чистота и уютность. Въ буфетѣ дѣло ведется совершенно на другихъ началахъ, чѣмъ въ Россіи: нѣтъ никакихъ оффиціантовъ, кушанья стоятъ на столѣ: заплатите марку и кушайте холодное *quantum satis*, за полторы марки — горячее; за двѣ съ половиной — то и другое. Количество провизіи опредѣляется вашимъ апетитомъ. Если

бы такіе порядки были въ Россіи, очень бы невыгодно было содержать буфетъ.

На ступеняхъ при входѣ на станцію сидитъ финскій мальчикъ съ корзиною булокъ. Раньше онъ жилъ въ Петербургѣ и потому владѣеть русской рѣчью. Наши юноши учатся у него считать деньги по-фински. Покупаютъ булку и просятъ сдачу финскими деньгами. Продавецъ совершенно безъ всякихъ затрудненій производитъ дѣйствіе вычитанія, въ ту же секунду отсчитываетъ сколько нужно. Пробовали разныя комбинаціи: давали гривенникъ, пятиалтынный, двугривенный и получали сдачи пенни. Булки дороже самарскихъ почти вдвое, но такъ вкусны, что наши воспитанники раскупаютъ всю корзину. Мальчикъ очень доволенъ небывалой выручкой: „теперь домой пойду“ — говоритъ онъ съ веселымъ лицомъ.

Послѣ станціи появляются въ вагонѣ полевые цвѣты. Но здѣсь они — цвѣтность, не какъ у насъ: за право нарвать букетъ взяли сколько-то пенни.

Видя, что путемъ жестикующія очень трудно передавать свои мысли въ культурной странѣ, наши юноши обращаются къ общепринятому способу — изученію языка: заучиваютъ названія предметовъ первой необходимости. Учатъ съ интересомъ, съ увлеченіемъ; многіе испытываютъ отъ этой науки то же наслажденіе, которое испытываетъ маленькій ребенокъ, когда ему удается овладѣть труднымъ словомъ. Повторяютъ слова по нѣскольку разъ; произносятся болѣе звучныя, дѣлаютъ ударенія на многочисленныхъ гласныхъ звукахъ.

На слѣдующей станціи OIJARVI уже легче идетъ торговля: и считать умѣемъ, и слова два знаемъ по-фински. Дѣвочка-продащица ведетъ болѣе добросовѣтный курсъ: не беретъ за размѣны ни гроша. Кому-то не хватило копѣйки сдачи, такъ вмѣсто денегъ была выдана въ сдачу конфекта.

Предъ Иматрой погода мѣняется. Небо покрывается тучами; накрапаетъ дождикъ, а потомъ расходится болѣе и болѣе. Мы уже начинаемъ торопиться, что придется быть на водопадѣ въ ненастную погоду. Судьба, однакожъ, намъ покровительствуетъ. Послѣ послѣдней станціи облака начали мало-по-малу расходиться, и сквозь чащу сосенъ, омытыхъ дождемъ, показалось вечернее солнышко.

Въ одиннадцатомъ часу ночи пріѣхали на Иматру. Нашъ вагонъ отъ послѣдней станціи слѣдовалъ уже съ другимъ поѣздомъ, и на время остановки могъ оставаться въ полномъ нашемъ распоряженіи. Подружившійся съ воспитанниками на почвѣ пѣвческаго искусства контролеръ предлагалъ намъ воспользоваться для ночлега вагономъ, но мы предпочли найти себѣ болѣе удобное помѣщеніе, послали депутатовъ отыскивать „отель“, а сами остались около вагона слушать издали шумъ водопада. Въ воздухѣ холодно. Пришлось потеплѣе закутаться.

Долго и томительно было наше ожиданіе; уже не разъ принимались смотрѣть, не идутъ ли посланные. Наконецъ, за аллеей березъ показались двѣ — бѣлая и сѣрая — знакомыя фигуры и вскорѣ „вышло распоряженіе тащить багажъ“. Всѣ бросились опустошать свой „улей“. Интересное зрѣлище представляла наша компанія въ полутьмѣ бѣлой ночи: впереди „генералы“ (безъ формы), позади — цѣлое войско, нагруженное багажемъ: подъ мышкой, на головѣ, на спинѣ, въ рукахъ — одѣяла, подушки, узлы, сакъ-вояжи. Ночлегъ былъ исходатайствованъ на 55 человекъ, но боимся, какъ бы не отказали въ помѣщеніи. Дѣло въ томъ, что цифра *пятьдесятъ пять* вовсе не производитъ такого ошеломляющаго впечатлѣнія, какъ эта толпа здоровыхъ молодыхъ людей, нагруженныхъ мѣшками и корзинами. Однакожъ, оказывается все благополучно: въ наше распоряженіе предоставленъ цѣлый только что отстроенный домъ на берегу рѣки Вуоксы и вмѣсто кроватей телѣга сѣна. На другой день, кажется, вся Финляндія знала о томъ, съ какими неудобствами долженъ былъ помѣстить своихъ гостей содержатель ресторана: такъ не привыкли здѣсь ночевать въ подобной обстановкѣ.

Устраиваемся по способу солдатъ двѣнадцатаго года, „каждый у своего очага, въ своемъ округѣ, подъ предсѣдательствомъ своего старосты“. Теперь служатъ свою службу взятыя изъ Валаама шестнадцать хлѣбовъ. Труднѣе достать горячей воды: на всей Иматрѣ нѣтъ такого куба, въ котломъ бы можно вскипятить воду на полсотни народа. Приходится кипятить въ чайникахъ, а для этого, не смотря на поздній

часъ, разогрѣть очагъ. Дѣло настолько нелегкое, что на первыхъ порахъ требуется авторитетное вмѣшательство, и въ числѣ первой группы за водой принуждены отправиться нѣкоторые руководители.

Мебели въ домѣ никакой; приходится сидѣть или на корточкахъ, или на сѣнѣ, по-татарски. Единственный, откуда-то добытый свѣтильникъ стоитъ на окнѣ подъ строгимъ присмотромъ. О. духовникъ сильно протестуетъ противъ ночлега на сѣнѣ: боится, что и „домъ сгорить, и сами сгоримъ“. На полу можно наблюдать интересныя бытовья картины: сидя въ кружкѣ, около чайника, пьетъ юноша чай, потомъ ставитъ кружку на полъ, наклоняется немного въ сторону и тутъ же, совершенно неожиданно для себя, засыпаетъ настолько крѣпко, что можно имъ пользоваться, какъ спинкой стула. Въ сосѣдствѣ устраиваются „съ комфортомъ“: вмѣсто стола ставятъ пустую корзину и на ней помѣщаютъ „самоварныя принадлежности“. Вынимая стаканы, считаютъ товарищей:

— Ты чай будешь пить? — спрашиваетъ заботливый юноша.

— Какой тутъ чай! — отвѣчаетъ, растягиваясь, усталый путникъ: только раздражать себя...

Мирную бесѣду прерываетъ мальчикъ съ перомъ, чернилицей и книгой въ рукахъ. Проситъ, на ломаномъ русскомъ языкѣ, записать фамиліи прибывшихъ.

Черезъ полчаса всѣ три большихъ комнаты напоминаютъ Валаамское кладбище: спятъ рядами „удалые ратники“. Въ окно на нихъ смотритъ бѣлая ночь, издали доносится шумъ водопада, а сверху луна серебрить ихъ лица матовымъ свѣтомъ.

22 іюня поднялись почти съ восходомъ солнца, умылись холодной водой въ рѣкѣ Вуоксѣ и поспѣшили смотрѣть дивное зрѣлище. По мѣрѣ приближенія къ водопаду все слышнѣе и слышнѣе становится напряженный шумъ воды: точно громаднхъ размѣровъ мельничное колесо гдѣ-то вертится съ необыкновенной силой. Путь — лѣсомъ, недалеко отъ берега. По временамъ изъ-за деревьевъ показывается самая рѣка, но уже не такая спокойная, какъ около нашего отеля: вода разбивается о камни и отлетаетъ отъ нихъ бѣлыми брызгами. Чѣмъ ближе къ водопаду,

тѣмъ этихъ брызговъ больше, пока, наконецъ, около самаго моста, вся масса воды не превращается въ бѣлую пѣну. Начиная отъ моста на разстояніи четверть версты въ длину и на десять-пятнадцать сажень въ ширину эта пѣна несется по наклонной плоскости внизъ со стремительной силой. Бурное теченіе природа предусмотрительно обложила гранитомъ, но и тотъ, кажется, мѣстами трескается и отпадаетъ. По ту и другую сторону водопада — лѣсъ; на берегу самой рѣки, на утесѣ, бесѣдка и на ней тысячи глупыхъ и бессмысленныхъ надписей. У конца водопада, съ правой стороны по теченію, сдѣлано нѣкоторое подобіе галлерей; съ нея открывается видъ на весь водопадъ и на мостъ, повисшій дугой надъ рѣкою. Мы занимаемъ мѣсто на выступѣ скалы, садимся въ непринужденныхъ позахъ и предаемся созерцанію.

Съ перваго же момента зрѣлище приковываетъ къ себѣ настолько, что готовъ сидѣть цѣлые часы и смотрѣть, какъ несутся навстрѣчу громадныя клубы бѣлой пѣны; какъ, сталкиваясь одинъ съ другимъ, вздымаются кверху и, не успѣвъ опуститься, съ стремительной силой пролетаютъ мимо васъ дальше, по наклонной плоскости. Вы прикованы всѣми чувствами къ невиданному явленію: глаза не могутъ оторваться отъ постоянной смѣны цвѣтовъ, ухо чутко прислушивается, стараясь отыскать въ этомъ хаосѣ звуковъ — знакомыя сочетанія; все тѣло ваше переживаетъ ощущеніе нѣги, которое является слѣдствіемъ влажности воздуха, напоеннаго осадками мелкой водной пыли. Вмѣстѣ съ тѣмъ быстро

и напряженно работает мысль, спѣша разобратся въ новыхъ, совершенно непривычныхъ ощущеніяхъ.

Водопадъ напоминаетъ жизнь. Заманчивая, плѣнительная, она мчится со скоростью желѣзнодорожнаго поѣзда, шумитъ, волнуется. Тамъ попытайтесь остановить ее, внимательно разсмотрѣть, понять ея цѣль и смыслъ, — предъ вами сразу же исчезнетъ чарующее явленіе, и уже нечѣмъ будетъ наслаждаться взору. Такъ же вотъ, какъ въ водопадѣ брызги — съ шумомъ, догоняя и перегоняя другъ друга, вступающія въ битву и выбрасывая на поверхность слабыя силы, для того чтобы самимъ углубиться и занять прочное мѣсто, — стремятся люди впередъ, толкая и давя другъ друга, за тѣмъ, чтобы чрезъ минуту самимъ быть раздавленными надвигающимися новыми силами. Отъ Наполеона и Александра Македонскаго и до знаменитой старухи, желавшей быть „владычицей морской“, и отъ Канта и Лютера до послѣдняго фанатика сектанта, всѣ стремятся подняться на невѣдомую высь жизни или мысли; не жалѣютъ для этого возвышенія ни трудовъ, ни золота, ни крови... а потомъ сами постепенно исчезаютъ въ вѣчности. Въ общемъ стремительномъ потокѣ, среди хаоса разнообразныхъ мнѣній, убѣжденій, традицій является какое нибудь новое ученіе, вынашивается своими сторонниками до степени опредѣленной религіозной или философской системы, блещетъ яркими искрами новизны и жизненности, а затѣмъ... постепенно теряетъ свою прелесть, перерождается въ новую, для того чтобы и эта, въ свою очередь, уступила другой. И какъ взоръ человѣка, прикованный стихійной силой водопада, не можетъ обнять его одновременно всѣми чувствами, не можетъ понять, что „тамъ дѣлается“, такъ перо историка или поэта и кисть художника съумѣетъ передать только одинъ моментъ, только часть этого калейдоскопа жизни, только одну какую-нибудь историческую сцену или фигуру. Скульпторъ выльпитъ только одну фигуру Грознаго; композиторъ воспроизведетъ одну лишь только старинную мелодію; художникъ передастъ вѣрно только одну сцену Куликовской битвы, но онъ не можетъ нарисовать цѣлой картины жизни, не можетъ точно опредѣлить, изъ какихъ элементовъ слагается поле сраженія и какими под-

спудными силами оно приводится въ движеніе. Такъ не скажетъ, пожалуй, даже опытный ученый, по какимъ законамъ изъ мелкихъ, спокойныхъ струекъ слагается страшная сила водопада.

Между тѣмъ, чѣмъ ограниченнѣе кругозоръ мыслителя, чѣмъ уже его поле зрѣнія, тѣмъ сильнѣе его желаніе взлетѣть какъ можно выше, увидѣть какъ можно больше, понять неизвѣданное. Такъ и здѣсь: чѣмъ больше смотришь и вслушиваешься въ шумъ этой стихійной силы и чѣмъ меньше она укладывается въ сознаніи, тѣмъ больше неудовлетворенность, тѣмъ сильнѣе желаніе еще долше, еще пристальнѣе разсматривать непривычное явленіе...

Вотъ, около берега, сталкиваются двѣ маленькія волночки, съ пѣной и брызгами бѣгутъ одна на другую, за ними другія, третьи и чрезъ секунду разрастаются въ гору. Съ бѣлой пѣной взлетаютъ онѣ кверху, доходятъ до высшей точки столкновенія, затѣмъ падаютъ, разбиваясь о скалы, а стремительная сила уноситъ ихъ и равняетъ съ остальнымъ теченіемъ. Вотъ снова усиливается прибрежная волна; неожиданно, наперекоръ общему теченію, съ шумомъ выбрасывается на берегъ и мелкими, серебряными брызгами обливаетъ внимательнаго зрителя, потомъ медленными, свѣтлыми струйками сбѣгаетъ въ пучину. А рядомъ стоятъ недвижными гранитныя скалы, зеленѣетъ и слегка шелеститъ листьями прибрежный лѣсъ и съ неба привѣтливо свѣтитъ красное солнышко. Оно равнодушно къ проявленіямъ стихійной злобы, оно сіяетъ сверху „на злыя и благія“. Улыбаясь утреннему солнышку, пестрѣютъ цвѣты: желтые и бѣлые — цвѣтутъ на гранитныхъ скалахъ. Имъ хорошо: у нихъ твердая почва. Такъ поэтъ, убаюканный шумомъ волны, на неприступной крѣпости, вдали отъ поля брани, спокойно пишетъ описаніе битвы; такъ творческій геній слагаетъ музыкальныя строфы изъ того шума, который онъ подслушалъ на полѣ битвы. Но успокоить ратное поле — не во власти поэта; не властно солнышко усмирить бурныя волны, не можетъ пѣвецъ убаюкать стихійную силу...

Снова занимаемъ мѣста: кто на выступѣ скалы, кто на камнѣ, кто на откосѣ горы. Всѣ до такой степени заинтересованы

очаровательнымъ зрѣлищемъ, что большихъ усилій стоитъ о. духовнику напомнить, что пора „шагать дальше“. Менѣ увлекающіеся юноши слушаются съ перваго раза, зачарованные водопадомъ уходятъ только тогда, когда ихъ поднимешь за руку, а неисправимые имѣютъ надобность и въ болѣе сильныхъ побужденіяхъ. Уже всѣ ушли, а „дядя“ все еще не можетъ насмотрѣться. Тогда о. духовникъ сламываетъ съ ближней березы толстый пруть и начинаетъ „побуждать“ увлекающагося эстетика. Идутъ — и оба смѣются.

Дальнѣйшій путь держимъ на Валленкоски. Надо перейти черезъ мостъ на другую сторону водопада, и затѣмъ, дорогой, идти не менѣ пяти километровъ. На мосту написано на трехъ языкахъ объявленіе приблизительно слѣдующаго содержанія: „тихая ѣзда — даромъ, а вскачь — двадцать пять марокъ“.

Въ виду моста строится новый, въ готическомъ стилѣ, грандъ-отель. Зданіе въ нѣсколько этажей. Очевидно, здѣсь очень много бываетъ туристовъ, и строители въ убыткѣ не останутся. Минуемъ нѣсколько зданій и опять спускаемся къ водопаду — посмотрѣть на него съ противоположной стороны. Отсюда картина еще грандіознѣе... Но вниманіе на этотъ разъ развлекается группой дѣтей, только что предъ тѣмъ поймавшихъ „заморскую рыбу“. Рыба пряталась въ мутной водѣ между камнями и мальчику стоило большихъ усилій извлечь ее оттуда для того, чтобы показать намъ. Пытались узнать названіе рыбы, но ни одинъ изъ дѣтей не понимаетъ порусски, а мы не понимаемъ по-фински.

Поднимаемся въ гору. На верху берега Вуоксы, около крайней границы водопада, стоитъ магазинъ художественныхъ произведеній. Входимъ спросить путь на Валленкоски. Туристъ съ ученымъ значкомъ въ одной петлицѣ сюртука и съ цвѣтами въ другой любезно показываетъ намъ дорогу. Дружно шагаемъ далѣе лѣсомъ и мимо однодворческихъ селеній, въ виду суровой, но прекрасной финской природы. На пути покупаемъ землянику. Дѣвочка-продащица, встрѣчая насъ среди лѣса, дѣлаетъ книксенъ. Отвѣчаемъ ей

поклономъ, удивляясь вѣжливости, столь необычной у насъ среди крестьянскаго населенія. Чрезъ часъ приходимъ къ новому водопаду.

Валленкоски также декорированъ съ обѣихъ сторонъ гранитомъ, и притомъ гораздо болѣе крупнымъ, чѣмъ Иматра. Съ правой стороны, на примѣръ, на нѣсколько сажень лежитъ цѣльный камень, имѣющій форму отлогатаго берега. По типу картина водопада напоминаетъ спущенную мельницу, съ тѣмъ только отличіемъ, что верхній бассейнъ воды до гряды камней, съ которыхъ начинается водопадъ, почти одинаковый по размѣрамъ съ нижнимъ. Тотъ и другой со всѣхъ сторонъ окруженъ густымъ лѣсомъ; темныя ели по мѣстамъ стоятъ почти надъ самой рѣкой. Поперекъ рѣки лежитъ рядъ громадныхъ гранитовъ, которые сдерживаютъ теченіе и сообщаютъ ему страшную силу. На разстояніи нѣсколькихъ сажень отъ каменной гряды идетъ гранитный уступъ, и вода со всей силой устремляется въ бездну, а затѣмъ отражается почти подъ прямымъ угломъ и образуетъ собою непрерывно возвышающійся пѣнистый гребень сажень въ тридцать—двадцать въ ширину и сажени на двѣ кверху. Волны взлетаютъ цѣлыми каскадами брызговъ, каждый изъ нихъ нѣсколько времени продержится въ воздухѣ и потомъ опять упадаетъ въ пучину. Сильныя выше взлетаютъ, слабыя—ниже. Но тѣ и другіе, соединяясь въ общемъ клубъ пѣны, образуютъ собою каждую минуту совершенно новыя формы и новыя сочетанія. „Ни одинъ моментъ не похожъ на другой“, говоритъ мой товарищъ. Небо облачное, сѣверное. Надъ водопадомъ изъ-за тучъ иногда солнышко выглянетъ, блеснетъ цвѣтами радуги въ облакъ водной пыли, потомъ опять скроется и еще суровѣе становится картина. Иногда расшалившаяся волна бросится въ сторону и окатитъ зазѣвавшагося зрителя, къ общему удовольствію путниковъ, и потомъ тихо скатывается внизъ по гранитнымъ уступамъ.

Лучше всего открывается зрѣлище съ углового камня „воротъ“. На васъ несется съ грознымъ ревомъ стихія, и уже дойдетъ до гранита, на которомъ вы стоите, потомъ, совершенно неожиданно дѣлаетъ поворотъ въ сторону, летитъ съ грознымъ

евомъ внизъ, прыгаетъ, пѣнится, вздымается кверху... Такъ и кажется, что сейчасъ выльется на васъ весь верхній бассейнъ.

Мой спутникъ жалѣетъ, что эта сила пропадаетъ даромъ. Сколько она могла бы дать электрической энергіи!.. могла бы освѣтить весь Петербургъ съ его окрестностями и привести въ движеніе всѣ заводы и фабрики.

Вдали, около того берега плывутъ пловцы въ лодкахъ, осторожно и внимательно работая веслами, чтобы не попасть въ пучину. Вѣроятно, это кто нибудь изъ туристовъ—любители сильныхъ ощущеній.

Въ обратный путь съ водопада спѣшимъ изо всѣхъ силъ. По мѣстамъ срываемъ ягоды; по мѣстамъ останавливаемся вниманіемъ на однодворческихъ владѣніяхъ финновъ. Какъ все благоустроено у нихъ: ни одной развалившейся крыши, ни одного полуразрушеннаго строенія. Особенно удивляетъ то стараніе, съ которымъ здѣсь воздѣлывается всякій клочекъ земли, несмотря на всѣ препятствія, которыми природа обставляетъ трудъ земледѣльца. Миновавъ мостъ, идемъ мимо построекъ, расположенныхъ на пространствахъ между станціей желѣзной дороги и водопадомъ Иматра.

Это единственное большое селеніе, которое мы видѣли во всей Финляндіи. Но какъ непохоже оно на наши русскія громадныя села. Магазины за зеркальными стеклами, постройки блещутъ чистотой и изяществомъ, просторныя улицы, около каждаго зданія чистенькій садикъ. Надписи на торговыхъ учрежденіяхъ по-фински, и потому только нѣкоторыя изъ нихъ мы могли разобрать и понять.

Обѣдъ для насъ былъ устроенъ на дворѣ отеля, принадлежащаго хозяину дома, въ которомъ мы ночевали. Былъ накрытъ цѣлый рядъ столовъ съ такимъ расчетомъ, чтобы всѣ мы могли пообѣдать въ двѣ смѣны. Погода не благопріятствовала обѣдавшимъ: по временамъ лилъ дождь и разбавлялъ финляндскій супъ и „молоко“. Пришлось обѣдать подъ зонтами. Ожидавшимъ своей очереди обѣдать доставляла развлеченіе ручная бѣлка, сидѣвшая въ клѣткѣ, и группа маленькихъ ребятъ, дѣтей Петербургскихъ дачниковъ. Воспитанники и руководители быстро познакомились съ малыми дѣтьми и настолько съумѣли заинтересовать ихъ, что большихъ трудовъ стоило заботливой мамашѣ отозвать ихъ обѣдать. Особенно любопытно было смотрѣть на эту компанію „старыхъ и малыхъ“ на качели, въ обществѣ регента, помощника инспектора и одного изъ старшихъ преподавателей.

Послѣ обѣда лѣтливой поступью возвращаемся въ свой „отель“. Здѣсь уже нѣкоторые „отдыхали“, растянувшись по нѣскольку человекъ въ рядъ. Беспорядокъ былъ рѣдкостный: сѣно, постель, чашки, спящіе люди, корзины, какія-то доски, большая, неуклюжая скамейка, ремни, подушки — все было разбросано по полу. Картина настолько занимательная, что ее сейчасъ же увѣковѣчили фотографическимъ снимкомъ. Это, быть можетъ, во время всей экскурсіи единственная фотографія, на которой нѣтъ ничего привлекательнаго.

Вскорѣ собираемся въ путь и идемъ къ вокзалу. Студенты уже уѣхали прямо въ Петербургъ: говорятъ, что они не выдержали „финансоваго экзамена“. На наше несчастье дождь льетъ какъ изъ ведра. Едва успѣли донести и сложить вещи на площадкѣ вагона. Въ ожиданіи пока отпрутъ вагонъ, не промокли

только тѣ, у кого были плащи и зонты. Въ шесть часовъ выѣхали съ Иматры, а черезъ семь минутъ пріѣхали уже на ст. Вуоксенниска и, при совершенно ясномъ безоблачномъ небѣ, размѣщались на бѣломъ финляндскомъ пароходѣ LOUNI, который повезетъ насъ по озеру Сайма.

Озеро по первому впечатлѣнію совсѣмъ не похоже на то, которое нарисовано на картѣ. За дальностію разстоянія, совсѣмъ не замѣтно тѣхъ многочисленныхъ береговыхъ мысовъ и причудливыхъ изгибовъ, которые показаны на картѣ. Около Вуоксенниска оно напоминаетъ рѣку съ берегами, покрытыми лѣсомъ. Но чѣмъ дальше путь, тѣмъ все больше и больше расширяется горизонтъ; есть мѣста, гдѣ заливъ далеко уходитъ въ глубь материка и скрывается за горизонтомъ противоположный берегъ. Пароходъ идетъ въ большинствѣ случаевъ недалеко отъ берега; мѣстами останавливается около пловучихъ пристаней, которыя здѣсь состоятъ изъ четырехугольнаго сруба съ перекинутыми поперекъ досками. Пассажировъ сравнительно немного; прислуги на пароходѣ также недостаточно, такъ что намъ приходится самимъ кипятить воду для чая. Но такъ уютно въ пароходскихъ каютахъ и такая чистота во всѣхъ помѣщеніяхъ, что и на лучшихъ волжскихъ пароходахъ, пожалуй, не встрѣтить. Поддерживать образцовый порядокъ тѣмъ удобнѣе, что пароходъ совсѣмъ маленькій въ сравненіи съ волжскими, — вдвое, если не втрое меньше. На половинѣ пути началъ вѣтеръ разыгрываться и въ одномъ мѣстѣ была замѣтна довольно сильная качка; потомъ стихъ, послѣ заката солнца. Черезъ три часа были въ Вильманстрандѣ. Уже начало смеркаться, хотя всю ночь здѣсь видна заря на западной сторонѣ острова.

При остановкѣ парохода около пристани помощникъ инспектора по привычкѣ усвоенной въ дѣтствѣ, принимаетъ дѣятельное участіе въ водвореніи парохода на надлежащее мѣсто: соскакиваетъ на моль, беретъ чалку и, при помощи учениковъ, притягиваетъ пароходъ къ берегу. Лопцманъ сразу видитъ спеціалиста и съ палубы выражаетъ ему знаки одобренія.

— Хорошо!..

Поставивъ собственными силами пароходъ на мѣстѣ, начи-

наемъ его разгружать: прямо черезъ бортъ передаемъ чайники, подушки, чемоданы, ставимъ ихъ сначала на берегъ, а потомъ переносимъ на сосѣдній пароходъ WIBORG. Этотъ, кажется, еще чище, еще красивѣе: какъ лебедь, бѣлый, заново вымытъ и выкрашенъ; металлическіе предметы вычищены на свѣтло; въ каютахъ горятъ электрическія лампочки. О. духовникъ снова принимаетъ на себя ходатайственную миссію; съ быстротою юноши взбирается на капитанскій мостикъ и черезъ минуту уже держитъ за плечо капитана: очевидно, сошлись на какомъ-то интересномъ для обоихъ пунктѣ и успѣли подружиться. Поговоривъ еще нѣсколько времени и плохо понимая другъ друга, оба стремительно сбѣжали внизъ и скрылись въ трюмъ: мы только успѣли видѣть ихъ затылки. Что изъ этого выйдетъ — неизвѣстно, но надо думать, что нибудь очень хорошее.

Дѣйствительно въ ту же минуту была готова вода для чая, а затѣмъ къ намъ на палубу является сердобольная финская „мамаша“ (кажется, супруга капитана), которая принимаетъ на себя всѣ хозяйственныя заботы на время пути до Выборга.

— Миръ не безъ добрыхъ людей! — сентенціозно замѣчаетъ отецъ духовникъ.

Передъ ужиномъ партія воспитанниковъ отправляется въ ближайшую береговую лавочку закупать провизію. Въ лавочкѣ встрѣчаетъ ихъ суровый финнъ. Но по мѣрѣ того, какъ пятьдесятъ человѣкъ, подходя одинъ за другимъ, постепенно раскупаютъ весь запасъ, лицо финна постепенно проясняется, а когда уже весь запасъ былъ проданъ, сердитый финскій торговецъ окончательно на нашей сторонѣ и сопровождаетъ насъ благожеланіями.

Начинается приготовленіе къ ужину. На верхней палубѣ около большого стола стоитъ о. духовникъ съ финскимъ ножомъ въ одной рукѣ, книжкой и карандашемъ въ другой, рѣжетъ и раздаетъ хлѣбы. Вызываетъ старость:

Л — ий! (Вручаетъ ему булку и хлѣбъ) — На шесть человѣкъ!

И. Д! — Вручаетъ ему полбулки и записываетъ.

А! — Разрѣзываетъ хлѣбъ на двѣ части и одну передаетъ владѣльцу.

Юноши состоятъ ассистентами при раздачѣ провизіи. Смотрятъ на скудную порцію:

— Это на четверыхъ?

— На восьмерыхъ, отвѣчаетъ староста.

— Мало... Постарайся еще получить.

О. духовникъ продолжаетъ раздавать и рѣзать. А черезъ бортъ палубы смотритъ на путниковъ бѣлая ночь и озеро Сайма. Долго вглядывается въ зарево заката мой спутникъ и говоритъ убѣдительно: „что-то особенное есть!“ — Да, нѣчто совершенно особенное: своеобразная, милая сердцу, нѣсколько холодная сѣверная красота. Бѣлая ночь, розовый отсвѣтъ заката, видный чрезъ рѣдкія старыя сосны на островѣ легкое, перистое облачко на небѣ, слабая рябь на поверхности озера...

Не плѣняетъ, впрочемъ, усталаго юношу картина лѣтняго вечера: сидитъ, растянувши ноги на лавочкѣ, уткнулся съ глазами въ воротникъ и... сладко дремлетъ.

Путники окончательно акклиматизировались на чужомъ пароходѣ: заняли верхній палубный мостикъ, достали столовъ и расположились трапезовать совершенно какъ дома. Каждый столъ „подъ предсѣдательствомъ руководителя“. Не всѣмъ достаетъ стульевъ; не достаточны и порціи хлѣба: четвертая часть булки настолько мала, что ее можно вѣсить на аптекарскихъ вѣсахъ. Свѣжесть вечера рѣшительно ставитъ духовника въ затрудненіе относительно „соотвѣтствія выдаваемой провизіи силѣ аппетита“. Съ неба мѣсяцъ свѣтитъ, отражаясь въ водѣ озера и на лицахъ трапезующихъ. Зазѣвавшись на красивыя окрестности, П. И. упалъ со стула:

— „Расхрулилось“ ...

Послѣ ужина отправились осматривать городъ: поднялись въ гору и прошли по двумъ главнымъ улицамъ. Видѣли русскую церковь, бібліотеку съ читальней и нѣсколько магазиновъ. Большинство домовъ на гранитномъ фундаментѣ. Магазины ничѣмъ не отличаются отъ частныхъ домовъ, — никакой рекламы. Нѣтъ заборовъ и сторожевыхъ собакъ, какъ у насъ въ городѣ. На горѣ, на самомъ уже почти краю города, гдѣ прямо за домами начинается поле, встрѣтили двухъ солдатъ музыкантовъ, которые дѣлились

съ нами впечатлѣніями чужой страны и очень жалѣли о томъ, что „русской водки ни за какія деньги не достанешь“.

На одной изъ улицъ, среди совершенно незнакомой обстановки, встрѣтили землячку.

— Господа! русская кошка!.. Кись-кись! Но, оказывается, и кошка по-русски не понимаетъ.

Уже было за полночь, когда мы спускались подъ гору, къ берегу озера. Несмотря на позднюю пору, здѣсь замѣтно большое оживленіе. На самомъ берегу озера, съ террасой у самой воды, торгуетъ какой-то ресторанчикъ; одна за другою партіи молодежи собираются кататься на паровомъ катерѣ; множество лодокъ привязано къ деревянному помосту.

Придя на пароходъ, устанавливаемъ дежурство и спимъ на палубѣ, защищенной брезентомъ. „Спимъ — не спимъ — все просыпаемся“... Холодно!

(Продолженіе будетъ).

ПО СЪВЕРНОЙ РОССИИ.

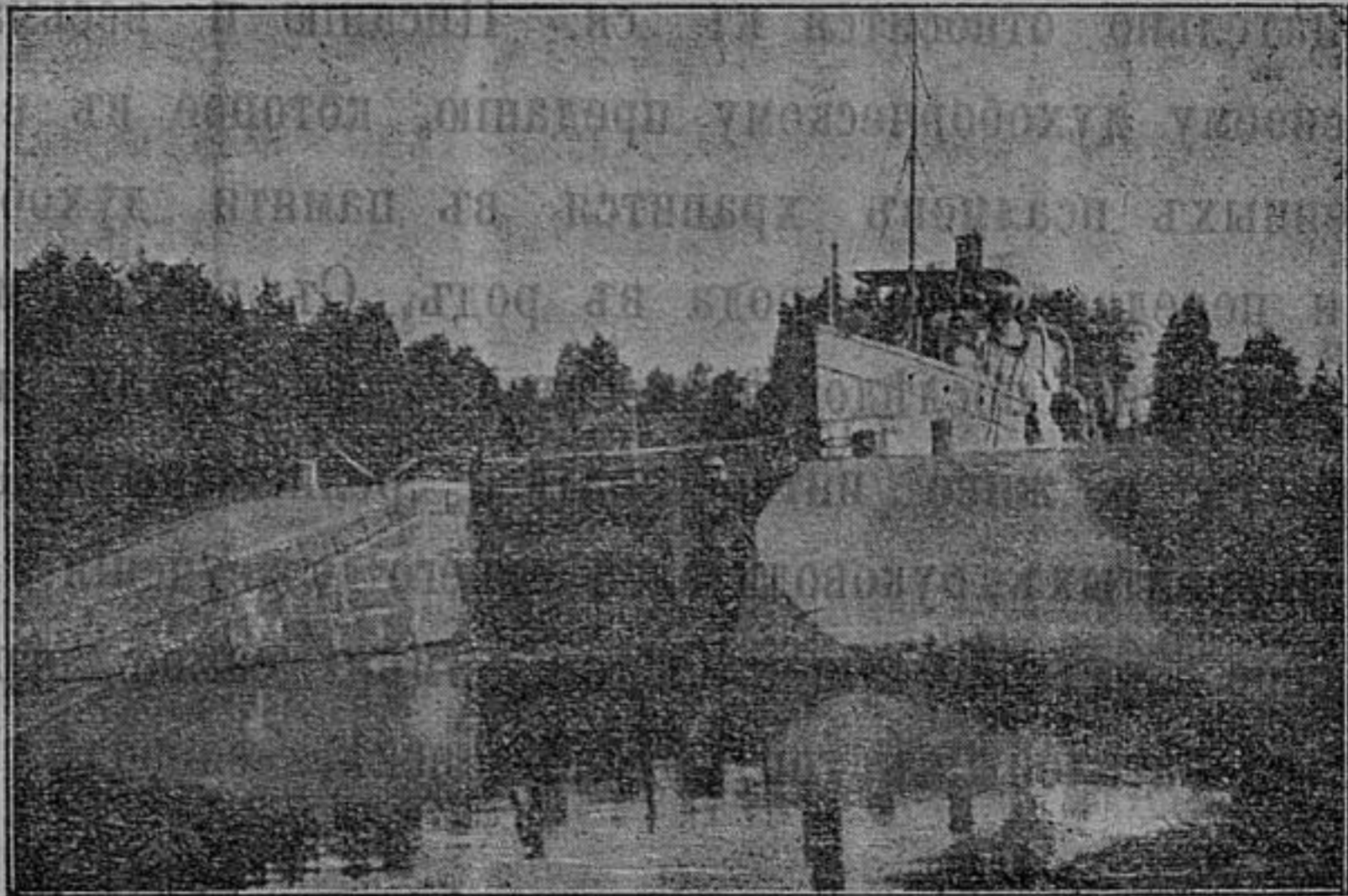
Дневникъ воспитанниковъ Самарской Духовной Семинаріи за
время лѣтней поѣздки 1903 года.

(Продолженіе).

Утро *23 іюня* застаётъ насъ при входѣ въ Саймскій каналъ. Это—прогулка по водному бульвару. Средняя аллея бульвара занята водой, почти вровень съ берегами; по ней идетъ пароходъ; съ правой и лѣвой стороны тянутся тропинки, обсаженные березами, за ними — тѣнистыя сосновыя рощи, луга и окруженные хвойными деревьями однодворческія помѣстья финскихъ крестьянъ. По уютности, благоустроенности и красотѣ трудно еще сыскать подобную мѣстность на сѣверѣ. Это финская Малороссія, только еще лучше, еще красивѣе.

Начинаются шлюзы. Спускаемся, какъ по ступенямъ, все ниже и ниже. Очень замысловато устроены эти водныя ступени. Пароходъ запираютъ въ особой камерѣ, загороженной съ четырехъ сторонъ, затѣмъ выпускаютъ изъ нея воду до тѣхъ поръ, пока пароходъ не опустится сажени на двѣ ниже уровня верх-

няго бассейна и не сравняется съ горизонтомъ воды въ нижнемъ бассейнѣ; потомъ отворяютъ ворота и ѣдемъ дальше.

Мѣстами встрѣчается по три шлюза рядомъ и остановка затягивается на нѣсколько минутъ. Во время стоянки юношество успѣетъ повыскакать черезъ бортъ прямо на гранитный берегъ и, спустившись подъ гору, къ послѣднему шлюзу, сдѣлать нѣсколько фотографическихъ снимковъ. Пароходъ въ это время „спустится подъ гору“ и сравняется съ нижнимъ теченіемъ. Тогда фотографы спѣшно возвращаются на свое мѣсто.

Большинство путниковъ, не спавшихъ минувшую ночь, днемъ наверстываетъ пропущенное. Другіе, уже отоспавшись, пробуютъ развернуть свои богатырскія силы: берутъ въ руки коромысло и отворяютъ шлюзы. Работаютъ не хуже настоящихъ рабочихъ. Около шлюзовъ, во время остановки, идетъ бойкая торговля ягодами и съѣстными припасами. Наши юноши уже совершенно акклиматизировались въ чужой странѣ: быстро считаютъ деньги по-фински, знаютъ необходимыя слова; завели знакомства съ финнами.

Послѣ полудня устраивается обѣдъ. Накрываютъ бѣлыми, чистыми скатертями длинныя доски вокругъ палубы, ставятъ каждому приборъ—такой, какой у насъ можно встрѣтить развѣ въ богатой семьѣ, и передъ обѣдомъ подаютъ специально-финскія блюда: чухонское масло и финскія лепешки, затѣмъ обычно—супъ и жареное мясо. Каждому дается бумажная салфетка. Все это стоитъ по 1 маркѣ 50 пенни съ cadaго.

За нѣсколько верстъ до Выборга проѣхали чрезвычайно красивой дачной мѣстностью. Особенно понравилась одна усадьба на гранитной скалѣ.

Около четырехъ часовъ вечера благополучно прибыли къ городской пристани. Усердно поблагодаривъ капитана и, въ лицѣ его, всѣхъ финновъ за радушный приѣмъ и услуги, забираемъ свои вещи и переносимъ на вокзалъ. До вокзала пути — минутъ двадцать. Въ ожиданіи поѣзда, идемъ осматривать городъ. Посѣтили православный кафедральный соборъ, — здѣсь сторожъ показывалъ намъ электрическое освѣщеніе храма; видѣли лютеранскій соборъ съ громадной готической колокольной, женскую гимназію, реальное училище, замокъ, затѣмъ прошли по Екатерининской улицѣ; купили себѣ ножей и видовъ Финляндіи. Выборгъ — это уже преддверіе столицы. Пожалуй и самый столный нашъ городъ не вездѣ содержится такъ чисто и исправно, какъ эта „финская губернія“. Наше особенное вниманіе обратилъ на себя коверъ травы въ городскомъ саду. Сколько тутъ положено труда и искусства! Постройки, въ большинствѣ по крайней мѣрѣ, на европейскій ладъ. Изъ русскихъ городовъ напоминаютъ по чистотѣ отдѣлки развѣ Одессу и Севастополь.

Въ исходѣ седьмого часа мы выѣхали въ Петербургъ. Путь былъ, однакожъ, не безъ приключеній. Только-что поѣздъ отошелъ отъ дебаркадера и мы начали „товарищей считать“, какъ оказалось, что „одного нѣтъ“. По счастью, этотъ одинъ передъ тѣмъ взялъ у о. ректора десять рублей, слѣдовательно и въ Выборгѣ сидитъ не безъ денегъ. Заботливый о. духовникъ на одной изъ слѣдующихъ станцій пытался послать оставшемуся соболѣзную телеграмму, но получилъ полный отказъ у начальника станціи.

— „Ничего не могу сдѣлать: остался, пусть и ѣдетъ“.

На пути до Петербурга ученики имѣли возможность дать себѣ отчетъ въ поѣздкѣ по Финляндіи, по альбому, купленному о. ректоромъ въ Выборгѣ. Вагонъ на этотъ разъ превратился въ аудиторію. „Помощникъ инспектора“ читалъ текстъ; остальные, столпившись около него, рассматривали картинки. Это былъ очень продолжительный и интересный урокъ. Оставалось жалѣть только

о томъ, что „парты“ были очень нераціонально устроены: многимъ приходилось стоять на скамьяхъ, другимъ — перегибаться черезъ сидѣнья.

Итакъ, за нами — Финляндія. Кто знаетъ, можетъ быть никогда уже больше ея не увидимъ. Но „чѣмъ дальше отъ предмета, тѣмъ онъ красивѣе. Надо непременно отойти на разстояніе“, говорилъ мнѣ на Валленкоски мой спутникъ, смотрѣвшій, рядомъ со мною, какъ пѣнились волны и какъ взлеталъ на воздухъ гребень водопада. Вотъ теперь отъ насъ тоже на разстояніи цѣлая страна. Правда, мы ее очень мало видѣли, но и того, что видѣли, достаточно, чтобы навсегда сохранить о ней самое лучшее воспоминаніе. Финляндія — уютный уголокъ, на каждой пяди земли котораго замѣтна любящая рука земледѣльца. Хорошо живется здѣсь старымъ соснамъ: ихъ не вырубаютъ съ хищническими цѣлями; хорошо здѣсь почвѣ — каменистой и неплодородной — ее удобряютъ и не истощаютъ до основанія. Хорошо рыбѣ здѣшнихъ озеръ: ее не вылавливаютъ еще въ зародышѣ. Хорошо здѣсь и путнику: его взоръ ласкаетъ привѣтливая постройка однодворца-крестьянина, скромная, небогатая, но уютная и чистая; внимателенъ къ путнику и самъ хозяинъ, — не смотритъ на него, какъ на предметъ эксплуатаціи. Сама природа, здѣсь, кажется, идетъ на встрѣчу туристу своимъ здоровымъ и бодрымъ очарованіемъ: лѣсныя озера, полноводныя рѣки, водопады, которые заставляютъ по цѣлымъ часамъ смотрѣть на нихъ, не отрывая глазъ, и эти длинныя, бѣлыя ночи съ свѣтлыми до утра непотухающими зорями...

Мы не имѣли случая заглянуть во внутреннюю жизнь Финляндіи. Но по чистотѣ внѣшней, по трудолюбію, по культурности чисто-европейской, которая сказывается на каждомъ шагу, можно безошибочно сказать доброе слово и о будущности Финляндіи. Не безъ основанія жалуется русскій солдатъ, что „водки не сыщешь“, что „напиваться не даютъ“, что „вмѣсто пива угощаютъ кофе“. Что это все значигь, какъ не то, что нація не отравляетъ себя алкоголемъ. Это значить, что ей долго жить на свѣтѣ, что потомство будетъ здоровое. Что значить, что, по ста-

тистикъ, въ Финляндіи такъ много школъ? Это значить, что какъ бы ни скудна была природа, финнъ найдетъ для себя средства сытно прокормить себя и семью и жить въ добрѣ и довольствѣ. И дай Богъ! Мы шлемъ привѣтъ и желаніе счастья гостепріимной странѣ!..

Поѣздъ быстро мчитъ. Многочисленныя Петербургскія дачи и чахлая болотистая мѣстность, наконецъ, смѣняется полями и огородами, затѣмъ безчисленными желѣзнодорожными постройками и, наконецъ, громаднымъ зданіемъ Финляндскаго вокзала. Здѣсь опять уже являются за насъ предстателями сверхдолжныя заслуги „аввы“. На вокзалѣ ожидаетъ насъ инспекторъ Петербургской семинаріи В. А. Мартинсонъ и преподаватель С. Г. Рункевичъ. Въ виду дальности разстоянія и дороговизны извозчиковъ, они наняли особый пароходъ, который долженъ насъ доставить отъ ближайшаго къ вокзалу берега Невы до Невской Лавры. Было уже довольно темно, когда мы пришли на Неву. На вѣтрѣ пароходъ немного качало. Командиръ то и дѣло напоминалъ намъ, чтобы мы отошли отъ борта и не мѣшали ему править: въ туманѣ едва виднѣлись огни рѣчныхъ пароходовъ и было опасно столкнуться и пойти ко дну. Около стекляннаго завода, пароходъ остановился и черезъ пять минутъ мы были въ семинаріи. Здѣсь ждалъ насъ сытный ужинъ и полное гостепріимство.

Ночью благополучно возвратился воспитанникъ, оставшійся въ Выборгѣ. За свою оплошность онъ заплатился не близкой пѣшей дорогой по улицамъ Петербурга, отъ Финляндскаго вокзала до семинаріи. Начальникъ станціи въ Выборгѣ настолько внимательно отнесся къ его неудачѣ, что безъ всякаго билета посадилъ его въ ближайшій поѣздъ и поручилъ особенному вниманію кондуктора.

24 іюня утромъ встали поздно. О. ректоръ приказалъ дать отдыхъ утомленнымъ дальней дорогой воспитанникамъ. День начали молитвеннымъ поклоненіемъ св. Благовѣрному князю Александру Невскому въ соборѣ Лавры. Отсюда держали путь къ Зимнему дворцу, въ Императорскій Эрмитажъ. Отъ Лавры до Знаменской площади шли пѣшкомъ. Это мѣсто — преддверіе Невскаго

проспекта. Здѣсь нѣтъ еще такой бойкой, кипучей жизни, какъ въ центрѣ города, хотя на всемъ пространствѣ пути по ту и другую сторону широкой улицы высятся громадныя пятиэтажныя дома, съ безчисленными лавочками и магазинами. Общій, сѣрый колоритъ нѣсколько скрашиваетъ праздничное настроеніе сегодняшняго дня (память св. Іоанна Предтечи): свѣтлыя одежды, начисто вымытыя лица торговцевъ, лампы предъ иконами въ магазинахъ и лавочкахъ.

У Знаменья улица выходитъ на широкую площадь предъ Николаевскимъ вокзаломъ и съ этого мѣста начинается собственно Невскій проспектъ.

Съ имперіала конки открывается на пространство четырехъ верстъ вдаль, до самаго Адмиралтейства, громадный муравейникъ торговой и промышленной жизни Петербурга. Прямая, какъ стрѣла, широкая улица, пятиэтажныя каменные дома; цѣлая сѣть телеграфныхъ и телефонныхъ проводовъ; масса вывѣсокъ на каждомъ домѣ, и множество многое движущихся людей въ щегольскихъ экипажахъ, на извозчикахъ, автомобиляхъ, на встрѣчныхъ конкахъ и пѣшкомъ по тротуару. Въ воздухѣ чувствуется какая-то нѣжная влажность; небо ясное, привѣтливо свѣтитъ солнышко, отражаясь и на окнахъ домовъ и на золотѣ вывѣсокъ.

Конка идетъ довольно медленно; есть возможность остановиться вниманіемъ и разсмотрѣть достопримѣчательныя зданія, которыя стоятъ на пути. Вотъ — Николаевскій вокзалъ: громадныя часы на башнѣ съ математической точностью показываютъ время; вотъ, далѣе, на Фонтанкѣ, подворье Московскаго Митрополита, еще далѣе — Аничковъ дворецъ, Императорская Публичная Библіотека, Казанскій соборъ и городская Дума. Рядомъ съ нею, на самомъ бойкомъ мѣстѣ стоитъ часовня, внутри залитая огнями. Сотни людей, такъ же, какъ въ Москвѣ у Иверской входятъ сюда, на пути, молятся, ставятъ свѣчи. Сильное, умиротворяющее впечатлѣніе производитъ это святое мѣсто среди городского шума и безконечной суетоки промышленной жизни.

Около Александровскаго сада конка останавливается, и мы идемъ черезъ площадь по направленію къ зданію Зимняго дворца, въ Эрмитажъ,

Здѣсь возобновляется прерванный въ Московскомъ кремлѣ урокъ русской исторіи. Тамъ мы остановились на времени царя Алексѣя Михайловича; теперь представляется возможность на живыхъ памятникахъ изучить исторію Петра Великаго. Цѣлая комната заполнена вещами, оставшимися послѣ смерти Великаго Преобразователя: вотъ его статуя въ полномъ царскомъ облаченіи, — говорятъ, это вѣрная копія съ его лица; далѣе — бронзовая и гипсовая маски, снятыя съ него послѣ смерти. Рядомъ — личная библіотека Преобразователя, — первыя свѣтскія книги, изданныя въ Россіи; „конь времени Полтавской битвы“, чучела любимыхъ собакъ Петра, коляска его, токарный станокъ и желѣзный пруть съ оригинальной надписью: „1724 февраля 21 то есть въ пятокъ Его Величество, Петръ Первый Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій въ бытность свою на Олонецкомъ Петровскомъ заводѣ сей пруть собственными своими руками подъ молотомъ вытянулъ“. Вотъ, наконецъ, воспоминаніе о прежнемъ Петербургѣ: дерево, срубленное на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Эрмитажъ. Въ той же галлерей собраны предметы домашняго обихода Императрицы Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II, Павла I и Александра I. Памятники частной жизни государей давали въ достаточной степени наглядное представленіе о самыхъ историческихъ личностяхъ и о томъ времени, когда они жили.

Въ слѣдующихъ, затѣмъ, залахъ предъ нами прошла исторія иностранной живописи за время послѣднихъ столѣтій. Отдѣлъ исторической живописи совершенно новый, не предусмотрѣнный семинарской программой и мало или почти совсѣмъ никому изъ насъ знакомый, потребовалъ для усвоенія много труда и вниманія.

Изъ Эрмитажа мы вышли уже въ третьемъ часу. Обратный путь лежалъ по набережной Невы, мимо зданій Зимняго дворца, Правительствующаго Сената и Святѣйшаго Синода. Обогнувъ Александровскій садъ съ сѣверной и западной стороны, прошли мимо Исаакіевскаго собора на Невскій проспектъ. На улицѣ Гоголя, около редакціи „Нивы“, столь распространенной въ семьяхъ духо-

венства, имѣли небольшую остановку, разсматривали въ витринахъ новыя изданія Маркса.

На Невскомъ проспектѣ о. духовникъ далъ наказъ „идти скорѣе“, чтобы не заставить ждать обѣдать. Но если бы даже насъ оставили безъ обѣда, то и тогда мы были бы не въ силахъ оторвать глазъ отъ многочисленныхъ выставокъ въ витринахъ оконъ магазиновъ. Невольно замедляется шагъ; не помогаетъ даже увѣреніе, что „на Невскій нарочно придемъ, особую экскурсію устроимъ“.

Въ назначенный часъ были въ семинаріи. Здѣсь ожидалъ насъ преподаватель гражданской исторіи С. И. Преображенскій, прибывшій въ Петербургъ наканунѣ и теперь присоединившійся къ нашей экскурсіи.

Конецъ дня былъ посвященъ хозяйственнымъ занятіямъ. Полмѣсяца пути при всевозможныхъ „превратностяхъ счастья“ требовали самага внимательнаго осмотра и ремонта костюма, а затѣмъ — бани въ той древне-русской формѣ, о которой говорилъ когда-то очевидецъ, что „славяне, не будучи мучимы никѣмъ, сами себя мучатъ“. Все это и было исполнено.

Руководители, собравшись вечеромъ въ ректорской квартирѣ (безъ зеркала и краснаго сукна), держали педагогическій совѣтъ относительно дальнѣйшаго порядка осмотра столицы. Результаты этого собранія очень неутѣшительны: столица такъ велика, а времени для осмотра такъ мало, что рѣшительно не нашли возможнымъ показать воспитанникамъ Петербургъ иначе, какъ съ птичьяго полета. Надо сознаться, что, готовясь въ Самарѣ къ осмотру Петербурга, никто не предполагалъ, что будемъ подавлены такой массой матеріала. Затѣмъ — восемь человекъ — восемь точекъ зрѣнія; у каждого свой вкусъ, свои взгляды: по мнѣнію одного — надо обратить особенное вниманіе на ботаническій садъ, по мнѣнію другого — непременно побывать въ Зимнемъ дворцѣ, третій не понимаетъ Петербурга безъ Императорской Публичной Библіотеки, четвертаго тянетъ въ Горный Музей, пятого — въ кунсткамеру и Академію Художествъ и т. д., и т. д. Вездѣ побывать и вездѣ быть одинаково внимательными — не хватитъ

силъ и времени; осмотрѣть все поверхностно—не будетъ пользы. Какъ быть?.. Такъ на этотъ вопросъ и не отвѣтили, представивъ себя Провидѣнію.

Но и при всей разрозненности крайнихъ сужденій, при горячности спора, это „педагогическое собраніе“ все таки имѣло за собою неоспоримо хорошія стороны. Прежде всего—это не было шаблонное собраніе, на которомъ обсуждаются отмѣтки и караются проступки. Здѣсь вырабатывались общіе способы веденія учебнаго дѣла, будто всѣ преподавали одинъ и тотъ же предметъ или настолько близко знакомы были одинъ съ преподаваніемъ и предметомъ другого, что чувствовали себя въ работѣ сосѣда такъ-же освѣдомленными, какъ въ своей области. Совѣщанію придавало особенный интересъ и то, что оно было не въ стѣнахъ „правленія“, а вдали отъ Семинаріи и въ частной квартирѣ: и горизонтъ казался шире, и люди лучше, и вниманіе отрѣшалось отъ мелочей въ пользу общаго дѣла.

25 іюня утромъ изъ семинаріи направились на пароходную пристань на стеклянномъ заводѣ, чтобы здѣсь сѣсть на финляндскій пароходикъ и спуститься внизъ по Невѣ до Троицкаго моста. Путь лежалъ по набережной Обводнаго канала и Шлиссельбургскому проспекту, на которомъ расположились всевозможные фабрики и заводы. Прошли по нему около версты. Миновавъ нѣсколько лавокъ и лавочекъ съ иконами, крестиками, книжками духовнаго содержанія, церковной утварью, деревяннымъ масломъ и т. п. вещами, подошли къ прекрасному въ древне-русскомъ стилѣ пятиглавому храму. Зашли въ него. Храмъ по своей наружной красотѣ, внутреннему благолѣпію и обилію свѣта одинъ изъ лучшихъ въ столицѣ. Бывалые люди въ нашей партіи торопили идти впередъ. За храмомъ показалась простенькая деревянная часовня. Проходящіе и проѣзжающіе мимо часовни какъ-то особенно усердно молились и многіе заходили въ нее. За другими и мы вошли въ часовню. Не смотря на будничныи день, она была полна народу. Вниманіе усердно молящихся было обращено на правую сторону иконостаса, гдѣ въ углу стояла чудотворная икона Божіей Матери „всѣхъ скорбящихъ радости“,

весьма чтимая не только въ Петербургѣ, но и по всей Россіи и известная больше подъ именемъ иконы Божіей Матери съ монетками или грошиками. Икона безъ ризы, простого письма, небольшого размѣра. Богоматерь изображена во весь ростъ. Милостивый ликъ ея склонился въ лѣвую сторону. Въ урвень съ главой распростерты два свитка: на правомъ надпись „нагимъ одѣяніе“, на лѣвомъ — „больнымъ исцѣленіе“. Вокругъ Богоматери изображены нагіе, больные, старые и молодые, мужи и жены, взоры которыхъ съ мольбой обращены къ благой Заступницѣ рода христіанскаго. По иконѣ въ разныхъ мѣстахъ въ нѣкоторомъ порядкѣ, вмѣсто драгоценныхъ украшеній, расположены 11 монетокъ — мѣдныхъ грошиковъ. Онѣ размѣщены здѣсь не рукою человѣческой, а силой удара молніи, которая 23 іюля 1888 года расщепала куполь часовни, опалила ея внутренность, разбила кружку и монетками изъ нея такъ изукрасила икону, нисколько не опаливъ и не повредивъ ея. Сколько смысла, глубокаго смысла и въ самой композиціи иконы и ея такомъ рѣдкомъ украшеніи. Постигли его сердца людей скорбящихъ и обремененныхъ всевозможными невзгодами житейскими. Дерзая, они приходятъ сюда и, взирая на св. образъ, яко Самой Богоизбранной Отроковицѣ всѣхъ скорбящихъ радости, сущей и съ ними пребывающей приносятъ свои смиренныя моленія и находятъ для себя тихое и небурное пристанище, въ недугахъ врачеваніе, въ скорбяхъ утѣшеніе, во всякой бѣдѣ вспоможеніе и спасеніе. Сколько горя и слезъ сюда принесено, но зато сколько ободренія и утѣшенія получено. На благодарныя за это лепты и храмъ великолѣпный выстроенъ и причтъ содержится, а также получаютъ средства для существованія школа, богадѣльня и бесплатная лѣчебница для бѣдныхъ. Достоиннымъ памятникомъ совершившагося здѣсь 6 декабря 1890 г. чуда надъ безнадежно больнымъ отрокомъ Николаемъ является открытый на Петербургской сторонѣ первый въ Россіи „Приютъ во имя Царицы Небесной для слабоумныхъ и припадочныхъ дѣтей“.

Изъ часовни поспѣшили на пристань и чрезъ нѣсколько минутъ были уже на пароходѣ. Быстро миновали Охты, Смольный,

проѣхали подъ Литейнымъ мостомъ и причалили подлѣ Троицкаго. Прошли по нему чрезъ красавицу Неву. Троицкій мостъ выстроенъ и открытъ недавно. Онъ является памятникомъ франко-русскихъ симпатій. Его закладка была совершена въ присутствіи Президента Французской Республики

Перейдя Неву, скорымъ маршемъ идемъ въ Петропавловскую крѣпость. Иоанновскими воротами входимъ подъ стѣны когда-то грозной твердыни. Правда и теперь съ этихъ стѣнъ раздаются выстрѣлы, но они направляются не противъ непріятелей. Ежедневно съ Петропавловской крѣпости раздается выстрѣлъ, который оповѣщаетъ петербуржцевъ о наступленіи полудня. Заслыша его, — а онъ слышенъ по всему Петербургу, — обыватель вытаскиваетъ часы, конечно, у кого есть, и повѣряетъ вѣрность хода. Поэтому въ Петербургѣ часто приходится слышать: у меня часы „по пушкѣ“ вмѣсто „часы вѣрно показываютъ время“. Стрѣляютъ также въ высокаторжественные дни и во время подъема воды, грозящаго наводненіемъ.

Въ крѣпости мы прежде всего посѣщаемъ Петропавловскій соборъ, — усыпальницу русскихъ императоровъ. Первое впечатлѣніе, когда войдешь въ него, то, что соборъ полонъ зелени, лентъ, вѣнковъ и знаменъ. Въ немъ бросается въ глаза вычурный, но весьма изящный работы стройный и легкій иконостасъ. Стѣны и колонны увѣшаны вѣнками, которые были возложены на гробъ Александра III. Особенно красивъ изъ нихъ серебряный вѣнокъ, присланный Франціей. Вдоль южной и сѣверной стѣнъ храма расположены гробницы императоровъ и императрицъ, начиная съ Петра Великаго. Онѣ устроены изъ бѣлаго мрамора въ видѣ саркофаговъ. На каждой стоитъ икона и лежитъ пальмовая вѣтвь. Особенное вниманіе останавливаютъ на себѣ гробницы Александра II и Александра III. Много около нихъ разныхъ вещей въ видѣ вѣнковъ, иконъ, лампадокъ и т. п., которыя свидѣтельствуютъ о той любви и благодарной памяти, которыя стяжали эти императоры.

По выходѣ изъ собора полюбовались на высокій вызолоченный шпиль колокольни (56, 4 саж.), на верху котораго утвержденъ ангелъ съ крестомъ.

Наше вниманіе теперь привлекалъ монетный дворъ, но туда раньше 12 часовъ попасть нельзя было. Поэтому, чтобы не терять времени мы временно оставляемъ крѣпость и идемъ въ „домикъ Петра Великаго или къ Спасителю“, какъ принято говорить въ Петербургѣ. Домикъ Петра Великаго, бывшій его дворецъ, деревянный, сооруженъ въ 1703 году Саардамскими плотниками по образцу домовъ рабочихъ въ Саардамѣ. По приказанію Императрицы Екатерины II для защиты отъ атмосферныхъ вліяній онъ былъ окруженъ каменнымъ чехломъ, благодаря которому и сохраняется Домикъ имѣеть сѣни и три комнаты. Лѣвая отъ входа, бывшая столовая, при Императорѣ Николаѣ I обращена въ часовню. Здѣсь стоитъ величайшая святыня Петербурга, Чудотворный Нерукотворенный образъ Спасителя. Его Петръ I бралъ съ собой въ походы. Любятъ посѣщать эту часовню учащіеся, особенно въ трудное для нихъ время экзаменовъ. Съ разрѣшенія священника который цѣлый день присутствуетъ въ часовнѣ для служенія молебновъ, мы собственными силами отправляемъ молебное пѣніе. Потомъ осматриваемъ кабинетъ Петра Великаго. По проекціи батюшки, мы входимъ, — тогда какъ другіе только чрезъ окна осматриваютъ, — въ ту комнату, въ стѣнахъ которой такъ часто сиживалъ Преобразователь Россіи, полный великихъ думъ о благѣ ея. Въ ней собрано много предметовъ, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ, а также вещей, бывшихъ въ его употребленіи. Посреди комнаты стоитъ съ кожаной подушкой деревянный стулъ, возсѣдая на которомъ вмѣсто трона у рабочаго стола, Государь обширной Имперіи принималъ важныхъ посѣтителей. Въ галлерей, которая окружаетъ домикъ, хранится верейка — небольшая лодка, на которой Императоръ ѣздилъ по Невѣ.

Изъ домика мы опять возвращаемся въ крѣпость. По пути заглядываемъ въ Троицкій соборъ. Это первый соборный храмъ въ устраиваемой Петромъ I столицѣ. Онъ находился недалеко отъ дворца (домика), поэтому въ немъ отправлялись торжественныя богослуженія, за которыми присутствовалъ и государь. Въ соборѣ виситъ паникадило изъ слоновой кости, выточенное Петромъ Великимъ и хранится знамя, бывшее въ Азовскомъ походѣ.

Пришли въ крѣпость. Только еще 11 часовъ. По совѣту добрыхъ людей сдѣлали попытку проникнуть въ Артиллерійскій музей. Благодаря энергіи о. духовника и вниманію, съ которымъ встрѣчаютъ экскурсантовъ, открылись для насъ двери и этого музея, не смотря на неурочный часъ. Артиллерійскій музей — это одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ историческомъ отношеніи хранилищъ всякаго рода оружія, воинскихъ доспѣховъ и принадлежностей. Мы начали осмотръ съ орудій XIV вѣка и кончили современными. Особенно долго мы стояли около двухъ огромныхъ морскихъ орудій, новѣйшей системы, которыя такъ велики, что казенную часть и двоимъ не обнять. Съ интересомъ разсматривали механизмъ митральезы Максима (скорострѣльной пушки), обломокъ стальной брони съ засѣвшимъ въ ней ядромъ. Кромѣ пушекъ въ музей находится много и другихъ видовъ воинскихъ орудій.

По возвращеніи изъ музея о. духовникъ получилъ пропускъ для входа на монетный дворъ, но приступить къ осмотру было еще нельзя. Рабочіе обѣдали, поэтому онъ бездѣйствовалъ. Пользуясь свободными минутами, мы наносимъ визитъ „дѣдушкѣ Русскаго флота“. Рядомъ съ монетнымъ дворомъ въ каменной бесѣдкѣ помѣщается ботикъ, найденный Петромъ Великимъ въ селѣ Измайловѣ и извѣстный подъ именемъ „дѣдушки Русскаго флота“. Бесѣдка рѣдко открывается, но нашъ путеводитель, всюду проникающій о. Александръ добылъ у самого коменданта ключъ отъ нея. Здѣсь помѣщается десятивесельный обитый мѣдью ботикъ и много старыхъ шведскихъ и турецкихъ знаменъ. Съ большимъ уваженіемъ смотрѣли мы на это суденко, хотя оно на насъ не произвело того поражающаго впечатлѣнія, какое на Петра Великаго.

Пробилъ звонокъ, начались послѣобѣденныя работы на монетномъ дворѣ, и мы, наконецъ, двинулись въ него. Насъ разбили на группы въ 9 — 10 человекъ и повели для осмотра разныхъ отдѣленій двора. Побывали въ медальномъ отдѣленіи, которое особеннаго интереса въ насъ не возбудило. Химическое же отдѣленіе, гдѣ очищается золото, и монетное въ собственномъ смыслѣ, гдѣ чеканятся монеты, весьма заинтересовали. Благодаря тому, что группы были небольшія, а проводники, не торопясь,

толково и обстоятельно объясняли, мы могли понять и усвоить все, что там дѣлается.

Химическое отдѣленіе. Золото въ томъ видѣ, въ какомъ оно поступаетъ въ слиткахъ, не годится для чеканки монетъ, такъ какъ содержитъ много примѣсей. Отъ нихъ его и очищаютъ. Для этого плавятъ золото съ серебромъ и льютъ въ холодную воду. Изъ золота и серебра получаютъ бѣлаго цвѣта слитки, а другія примѣси, соръ, остаются въ водѣ. Потомъ отдѣляютъ золото отъ серебра. Для этого полученные слитки опускаютъ въ котлы съ сѣрной кислотой и начинаютъ ихъ кипятить. Серебро растворяется въ кислотѣ, а золото не растворяется и осаживается на дно. Сливаютъ жидкость и получается чистое золото (99,8°), которое плавятъ и льютъ въ формочки на подобіе тѣхъ, въ которыхъ дѣлаютъ кизяки, только онѣ на половину меньше. Получаются маленькіе кирпичики, но каждый изъ нихъ вѣситъ 1 пудъ 8 фун. Проводникъ предложилъ одному изъ нашихъ поддержать одинъ изъ нихъ; тотъ, обманутый величиной, легонько беретъ его, но долженъ былъ напрячь всѣ усилія, чтобы не выронить изъ руки. Каждый изъ золотыхъ кирпичиковъ стоитъ большихъ денегъ, а въ химическомъ отдѣленіи положены цѣлыя стопы, содержащія въ себѣ десятки, даже сотни кирпичиковъ. Серебро, растворившееся въ кислотѣ возвращается въ свой натуральный видъ. Для этого опускаютъ въ кислоту куски мѣди. Получается мѣдный купоросъ, въ которомъ серебро не растворяется; поэтому оно осаживается на днѣ въ видѣ сѣраго порошка. Порошокъ моютъ, плавятъ и льютъ въ такія же формочки, какъ и золото, и получаютъ серебряные слитки (кирпичики).

Монетное отдѣленіе. Поступающіе сюда изъ химическаго отдѣленія слитки золота и серебра плавятъ и расплавленный металлъ льютъ въ особыя формы — изложницы. Получаются бруски въ 1 1/2 фута длины, толщиной въ квадратный дюймъ. Полученные бруски плющатъ между двумя валками для приданія имъ надлежащей толщины, требующейся для монетнаго кружка. На валкахъ есть рубчики, которые не позволяютъ бруску увеличиваться въ ширину, а заставляютъ его вытягиваться въ длину. Каждый

брусочки отъ 8 до 20 разъ пропускается между валками, причемъ послѣдніе все болѣе и болѣе сближаются. Во время вальцеванія полосы закаливаются, ихъ нѣсколько разъ пережигаютъ, чтобы не образовалось трещинъ. Когда металлическая лента вдѣляется по своей толщинѣ равной толщинѣ монеты, то она поступаетъ въ прорѣзку. Для этого существуетъ особая машина, приводимая въ движеніе паромъ. Рабочій только подсовываетъ полосу, а машина двумя острыми стальными цилиндрами, которые входятъ одинъ въ другой и дѣйствуютъ подобно ножницамъ, выбиваетъ въ минуту банковской монеты 300 штукъ, а размѣнной отъ 600 — 900 кружковъ, которые такъ и сыплотся въ особый ящикъ. Оставшіяся отъ вырѣзки полосы имѣютъ видъ сѣтки, онѣ сколачиваются, плавятся и опять идутъ въ дѣло. Кружки, будущія монеты, загрязнены, ихъ для очистки опускаютъ въ чанъ съ очень слабымъ растворомъ сѣрной кислоты, потомъ промываютъ, сушатъ и они принимаютъ блестящій видъ. Вычищенные кружки идутъ въ туртильный станокъ, гдѣ выбивается на нихъ опушка, т. е. возвышенность борта монеты. (Ихъ опускаютъ въ латунную трубку, послѣ нѣкоторыхъ передвиженій онѣ попадаютъ между стальнымъ вертящимся колесомъ и неподвижной стальной подушечкой, дѣйствіемъ которыхъ и производится опушка). Опушенные кружки сортируются рабочими. Сначала ихъ кладутъ на полотно, которое медленно двигается на особыхъ валахъ предъ глазами рабочаго, а тотъ смотритъ лежащія на немъ и вмѣстѣ съ нимъ проходящія предъ его глазами кружки сначала съ одной стороны, потомъ съ другой: итъ ли какихъ наружныхъ недостатковъ, напр. выбоинъ, заусеницъ и т. п. Послѣ этого кружки взвѣшиваются. Получаются по вѣсу: легкіе, нормальные и тяжелые. Легкіе снова плавятся, а тяжелые особой машиной строгаются. Кружки, годные для печати, считаютъ. Счетъ ихъ производится довольно своеобразно. Ихъ раскладываютъ плотно одинъ подлѣ другого на особыхъ четырехъугольныхъ столахъ, пока они не займутъ извѣстную площадь, на которой по предварительному расчету должно помѣститься определенное количество кружковъ того или другого мо-

нетнаго размѣра. Счетъ совершается механически и безошибочно. Сосчитанные кружки ссыпаются въ холщевыя мѣшки, на которыхъ дѣлается надпись о количествѣ ихъ, и поступаютъ въ печатное отдѣленіе. Для чеканки монетъ употребляется печатный рычажный станокъ, изобрѣтенный русскимъ инженеромъ, а потомъ усовершенствованный Ульгорномъ. Опускаемые въ него монетные кружки механически подкладываются между двухъ штемпелей, которые выбиваютъ соотвѣтствующія надписи съ той и другой стороны, и выбрасываются механически готовая монета въ минуту до 70 шт. Монеты сортируются на полотнахъ, на сколько исправно отпечатаны, взвѣшиваются на особыхъ точныхъ вѣсахъ и дѣлятся на легкія, указныя и тяжелыя. Указныя пускаются въ употребленіе, а остальные идутъ въ переливку.

Намъ пришлось наблюдать производство серебряной и золотой монеты.

Осмотрѣвъ монетный дворъ, изъ Петропавловской крѣпости мы направились въ Зоологическій садъ. Пришлось проходить мимо народнаго дома Императора Николая II. Величественное зданіе привлекло наше вниманіе. Мы заглянули и внутрь, сколько позволяла полуотворенная дверь. Тамъ происходила какая-то репетиція. Усталые пришли въ Зоологическій садъ. Много здѣсь всякихъ звѣрей, животныхъ и птицъ. Но наше вниманіе, какъ и большинства немногихъ посѣтителей сада, въ эту пору дня занялъ нашъ сѣверный обитатель медвѣдь. Какъ будто въ его неуклюжести, силѣ и добродушіи есть что-то напоминающее особенности насъ русскихъ. Не даромъ, вѣроятно, за границей Россія и извѣстна подъ именемъ сѣвернаго медвѣдя. Мы долго наблюдали, какъ медвѣди продѣлывали разныя штуки: катались на бочкахъ, лазили на мачту и т. п. За это имъ сыпались пятачки и гривенники и куски булокъ; первые собиралъ сторожъ, который довольно нецеремонно обращался съ генералами топтыгиными, а вторые попадали голоднымъ мишкамъ. Изъ Зоологическаго вышли на берегъ Невы, здѣсь сѣли на пароходъ и доставились на Калашниковскую набережную, откуда скорымъ маршемъ черезъ Лавру пришли въ семинарію.

Въ тотъ же день группа воспитанниковъ, подъ руководствомъ о. духовника и нѣкоторыхъ изъ преподавателей, посѣтили Петергофъ. Выѣхавъ изъ Петербурга въ пять часовъ вечера, экскурсанты доѣхали до ст. Новый Петергофъ и отсюда держали пѣшій путь къ дворцовому парку. На пути, въ гостинницѣ общества трезвости пили чай, затѣмъ осматривали знаменитые фонтаны и слушали музыку. Появленіе толпы учащейся молодежи среди избранной публики невольно обращало вниманіе и заставляло многихъ освѣдомляться, „кто и откуда?“ Поздней уже ночью, опоздавъ на поѣздъ въ Старомъ Петергофъ, экскурсанты возвратились въ Петербургъ.

26 іюня. Дождь. Едва успѣли выйти изъ стѣнъ семинаріи, какъ всѣмъ пришлось раскрыть свои зонты и завернуться въ плащи поглубже, а когда подошли къ воротамъ академическихъ зданій, дождь лилъ уже съ такою силой, что нечего было и думать идти дальше. По счастью, въ числѣ руководителей у насъ былъ преподаватель исторіи, бывшій студентъ здѣшней академіи, и его протекціей можно было воспользоваться для того, чтобы переждать ливень въ академическихъ помѣщеніяхъ. Важный швейцаръ почтительно отворилъ предъ нимъ двери и мы вошли въ вестибюль академическаго зданія. Отсюда преподаватель провелъ насъ въ церковь, въ аудиторію, гдѣ читалъ свои лекціи † профессоръ В. В. Болотовъ, въ занятныя комнаты, столовую студентовъ и въ читальню. На обратномъ пути вниманіе воспитанниковъ было привлечено объявленіемъ, приглашающимъ священниковъ на Дальній Востокъ.

Тѣмъ временемъ дождь нѣсколько перемежился, и мы могли двинуться дальше. Погода совершенно осенняя: пока шли до конки, успѣли промокнуть насквозь. Тѣмъ не менѣе не теряли энергии, сѣли въ вагонъ и черезъ полчаса пріѣхали въ Михайловскій дворецъ, гдѣ помѣщается русскій музей Александра III. Здѣсь провели за осмотромъ картинъ не менѣе трехъ часовъ.

Еще разъ предъ нами въ картинахъ и лицахъ русская исторія; снова встали изъ могилы и смотрѣли на насъ со стѣнъ залы дорогіе почившіе. Вотъ древній русскій князь Святославъ съ его

завѣтомъ: „не посрадимъ земли русской!“ Вотъ герои Куликовской битвы; первые христіане въ Кіевѣ, Садко—богатый гость Новгородскій, Марѳа Посадница, Филиппъ Митрополитъ, замученный Малютой Скуратовымъ, герои Запорожской сѣчи, Суворовъ на Альпахъ, сдѣны войны XII года... А вотъ и вещественные памятники тѣхъ временъ: памятники христіанской иконографіи, церковной утвари, древнихъ вещей. Разсматривая ихъ, невольно переносишься въ древній Новгородъ, во Псковъ, въ старинную Москву, мысленно побываешь и въ палатахъ княжескихъ, и въ теремѣ торговаго гостя, и въ старинномъ храмѣ. Далѣе предъ нами—какъ живыя, статуи, изображающія знаменитыхъ предковъ: Несторъ Лѣтописецъ, Іоаннъ Грозный, Ермакъ, покоритель Сибири. Еще сильнѣе иллюзія воскресшей старины... и какъ жаль, что не только записать свои впечатлѣнія, но и вдуматься и всмотрѣться въ каждую изъ нихъ у насъ не достаетъ времени.

Послѣ полудня погода установилась, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы можно было сдѣлать пѣшій переходъ отъ музея въ Казанскій соборъ.

Казанскій соборъ—это выраженіе религиозной связи между старой Москвой и новымъ Петербургомъ, преданіе, завѣтъ Старой Московской Руси Новому городу. Главная святыня собора—икона Казанской Божіей Матери—копія той иконы, которая явилась въ 1579 году въ Казани. Она была чтимой святыней дома Романовыхъ (Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ благословленъ ею на царство, а Алексѣй Михайловичъ установилъ праздникъ 22 октября). При Петрѣ Великомъ она привезена была въ Петербургъ и поставлена въ Казанской часовнѣ, возлѣ стараго гостиннаго двора, а затѣмъ нѣсколько лѣтъ находилась въ храмѣ Рождества Богородицы. Отсюда, въ царствованіе Анны Іоанновны, перенесена въ церковь того же имени на Невскомъ проспектѣ (на мѣстѣ нынѣшняго Казанскаго собора) и, наконецъ, въ началѣ прошлаго столѣтія, поставлена въ храмѣ вновь сооруженномъ Императорами Павломъ I и Александромъ Благословеннымъ. Предъ этой святыней когда-то молился Кутузовъ, отправляясь на войну. Предъ ней молится и теперь каждый благочестивый человекъ по пріѣздѣ

въ Петербургъ ранѣе начала всякаго дѣла. Есть нѣчто трогательное въ этой связи стараго съ новымъ. Припоминается моментъ перенесенія столицы, когда ранѣе всѣхъ сокровищъ новыми поселенцами взята была древняя святыня, „родительское благословеніе“...

Мы прошли мимо колоннъ Казанскаго собора сѣвернымъ входомъ и, поклонившись иконѣ Божіей Матери, просили проводника указать намъ достопримѣчательности храма. Церковный сторожъ назвалъ намъ цѣнности собора, между прочимъ, колонны иконостаса, сдѣланныя изъ серебра, взятаго у французовъ казаками войска Донскаго, затѣмъ провелъ насъ къ гробницѣ Кутузова (здѣсь 6 сентября и 16 апрѣля полнымъ соборомъ служатъ паннихиды), показалъ знамена и ключи городовъ, взятые русскими войсками въ войну двѣнадцатаго года и, когда мы стояли около ряда колоннъ въ западной части храма, познакомилъ съ устройствомъ электрическаго освѣщенія. Соборъ освѣщается электричествомъ три раза въ годъ: въ праздникъ Казанской Божіей Матери, на Рождество и на Пасху. Одинъ изъ руководителей обратилъ вниманіе воспитанниковъ на художественную икону Тайной вечери, находящуюся въ алтарной нишѣ. Къ сожалѣнію, сумрачный день не давалъ достаточнаго освѣщенія, чтобы сполна рассмотреть живопись. Болѣе продолжительное время воспитанники оставались вблизи „Голгоѣ“, устроенной бывшимъ старостой собора графомъ Гейденомъ, въ память избавленія Царской Семьи отъ опасности при крушеніи поѣзда на Харьковско-Азовской желѣзной дорогѣ 17 октября 1883 года.

Быль уже четвертый часъ вечера. Надо было подкрѣпить свои силы. Зашли въ кондитерскую Филиппова. На обратномъ пути въ семинарію преподаватель исторіи познакомилъ воспитанниковъ съ лучшими магазинами книгъ и художественныхъ произведеній.

Послѣ обѣда шелъ дождь, „какого не было со времени по-топа“. Не имѣя нарочитыхъ экипажей, мы волей-неволей должны были сидѣть дома. Это время употребили на переписку съ родными и знакомыми. Для „канцеляріи“ былъ отведенъ особый столъ около наружной стѣны семинарскаго правленія. Швейцаръ продавалъ почтовую бумагу и конверты. Торговля шла бойко.

Всего изъ Петербурга было послано въ Самарскую губернію болѣе ста писемъ. По объему большая часть ихъ равнялась очереднымъ сочиненіямъ, исполненнымъ, конечно, не съ меньшимъ прилежаніемъ, чѣмъ обязательныя работы.

27 іюня. Начинаеть сказываться тоска по родинѣ. Утромъ за чайнымъ столомъ руководители вспоминають о Самарѣ. Оказывается, каждый изъ нихъ оставилъ дома какое нибудь недоконченное дѣло. Секретаремъ собранія состоитъ отецъ духовникъ, который тутъ же разсматриваетъ росписанія поѣздовъ и дѣлаеть вычисления, гдѣ можно сократить путешествіе. Сокращается путь на цѣлыхъ три дня. Сразу же даемъ знать „по всему пути слѣдованія“ о предстоящихъ остановкахъ.

Послѣ чая собираемъ вмѣстѣ, идемъ до конки, ѣдемъ по Невскому до Адмиралтейства и дѣлаемъ переходъ около Александровскаго сада въ Исаакіевскій соборъ. Громадный гранитный храмъ поражаетъ путниковъ своимъ величіемъ и массивностью: совсѣмъ маленькимъ кажется богомолець по сравненію съ этой громадой. Войдя съ южнаго входа и помолившись, мы осматривали мозаику иконостаса, свѣтоты изображенія, видѣли икону Спасителя, съ которой были похищены брилліанты и жалѣли о томъ, что слишкомъ мало свѣта въ этомъ величественномъ зданіи. На обратномъ пути одинъ изъ стражей предлагалъ подняться на куполь посмотрѣть панораму Петербурга и его окрестностей, но мы берегли время и силы.

Дальше держимъ путь по Николаевскому мосту въ Зоологическій музей. До открытія музея осталось полчаса. Ожидаемъ на лавочкахъ сосѣдняго сада. Предъ нами открывается видъ на Петербургъ съ набережной Невы: — Зимній дворець, крѣпость, Петропавловскій соборъ, множество каменныхъ зданій. День немного пасмурный. Нева волнуется и это еще болѣе дѣлаеть внушительными грандіозныя каменныя постройки.

Въ одиннадцать часовъ отперли Зоологическій музей, тотъ самый, въ которомъ когда-то „не примѣтилъ слона „Любопытный“. Это еще новая, не предусмотрѣнная нашей программой наука и притомъ гораздо болѣе живая, чѣмъ историческая живо-

пись. Предъ взоромъ „любопытнаго“ цѣлая картина животной жизни земного шара, скрытая отъ насъ разстояніемъ, лѣсами, горами, чувствомъ страха предъ сильными представителями животнаго царства. Чучела животныхъ, рыбъ и птицъ хранятся въ шкафахъ, за зеркальными стеклами, въ той самой обстановкѣ, въ которой они живутъ въ разныхъ мѣстахъ. Есть даже экземпляры вымершихъ животныхъ, реставрированныя до мельчайшихъ подробностей.

Ближайшее отъ входа мѣсто занимаетъ громадный, до двѣнадцати сажень, скелеть полярнаго кита; далѣе идутъ витрины съ чучелами мелкихъ насѣкомыхъ, рыбъ и птицъ; тутъ вся обстановка деревенской жизни Великороссіи: вмѣстѣ съ ласточкой изображена крыша избы, подъ которой устроено ея гнѣздо; вмѣстѣ со стрижемъ — песчаный берегъ рѣки; для дятла устроено дерево, которое онъ долбитъ; для лебеда — берегъ Финляндскаго озера; бабочки — вмѣстѣ съ листьями, на которыхъ онѣ сидятъ и которыми ассимилируются. Вѣрность обстановки мѣстами даже доведена до смѣшного: въ одной витринѣ изображенъ полъ; на немъ обѣдаютъ одновременно мыши и тараканы; въ сторонѣ — два окурка и остатки пищи. Мѣстами изображены семейныя сцены. Очень хорошо сдѣлана „пѣночка въ періодъ выкармливанія птенцовъ“. Въ небольшой, поросшей мхомъ и кустарникомъ лѣсной ложбинкѣ, на моховой кочкѣ, помѣщается гнѣздо; птенцы начинаютъ оставлять его и четыре изъ нихъ размѣстились уже возлѣ. Самецъ кормитъ остающихся еще въ гнѣздѣ, а самка наблюдаетъ за остальными. Еще интереснѣе — семейство медвѣдей. Медвѣдь лежитъ въ лѣсу, положивши лапу подъ голову, а медвѣжата возлѣ него играютъ, — сцена какъ живая. Далѣе — уже менѣе знакомая намъ обстановка: горы Кавказа и берегъ Чернаго моря: орлы, буревѣстникъ; животныя тропическаго пояса: слонъ, носорогъ, змѣи, крокодилы, тигръ, бегемотъ, жираффы, львы, слонъ, обезьяны. Въ особой витринѣ бѣлый медвѣдь реветъ, поднявшись на заднія лапы. Среди холодныхъ каменныхъ зданій мы переживали въ кунсткамерѣ какое-то новое чувство — искусственной близости и жажды дѣйствительнаго общенія съ природой: горы, волны, мор-

своей прибой, глухой лѣсъ съ его постоянными обитателями — все казалось намъ роднымъ и милымъ. Временами предъ взоромъ проходила обстановка ранняго дѣтства: животныя и птицы — товарищи дѣтскихъ игръ, и въ сознаниіи живо воскресала родина, вновь оживали давнія воспоминанія. Особенно можно было замѣтить это настроеніе въ группѣ дѣвочекъ какого-то учебнаго заведенія, которыя при осмотрѣ витринъ не скрывали своего наивнаго восторга при видѣ той или иной родной картины. Каждый, впрочемъ, смотрѣлъ съ своей точки зрѣнія: партія веселыхъ юношей, выдавая звѣрей живыми въ Зоологическомъ саду, не столько была заинтересована чучелами, сколько праздными разговорами на тему вродѣ той, что вотъ имъ, собесѣдникамъ, не пріобрѣсти никогда такой популярности, какъ эти чучела, на которыя каждый здѣсь смотритъ.

Черезъ часъ послѣ начала осмотра нами Кунсткамеры съ Петропавловской крѣпости грянула пушка, — адмиральскій часъ. Мы должны были рассчитать свое время такъ, чтобы до четырехъ часовъ успѣть пріѣхать въ семинарію, пообѣдать тамъ и снова вернуться къ Николаевскому мосту, ко времени отхода парохода въ Кронштадтъ.

Росписаніе было исполнено съ точностью. Въ четыре часа вечера мы были уже на палубѣ перваго класса парохода „Котлинъ“, любезно предоставленной намъ командиромъ за плату третьекласснаго билета. Палуба гораздо шире маленькихъ волжскихъ пароходовъ и совершенно открытая. По бортамъ, съ той и другой стороны — два ряда лавочекъ, которыя заняли наши воспитанники „безъ остатка“. На этотъ разъ всѣ сидѣли по мѣстамъ усталые, скучные, у большинства была въ рукахъ какая нибудь ѣда: огурцы, ягоды, булки; нѣкоторые держали въ рукахъ книжки о. Іоанна Кронштадтскаго.

Еще новый видъ открывается на Петербургъ: высоко надъ крышами зданій горитъ на вечернемъ солнцѣ Исаакій; уходитъ къ небу шпиль Петропавловской колокольни, дымятся десятки трубъ заводовъ и фабрикъ. Ближе къ намъ въ бухтѣ стоятъ корабли: „Ермакъ“, „Императорская яхта“ Штан-

дартъ“, „кн. Суворовъ“, „Сѣверная звѣзда“ — американскаго милліонера Корнелія Вандербильда. Залюбовался бы этимъ зрѣлищемъ Императоръ Петръ Первый, если бы могъ встать изъ могилы. Весь въ него выросъ городъ: такой же нервный и хлопотливый. И окно въ Еврону прорублено большое: цѣлый каналъ сооруженъ для прїѣзжающихъ сюда иностранныхъ судовъ.

Смотря издали на великое вмѣстилище промышленной жизни, одинъ изъ руководителей сокрушается о томъ, что столица и „воздухъ портитъ и людей развращаетъ“.

Надъ мелководнымъ финскимъ заливомъ поднимается вѣтеръ и мы всѣ волей — неволей перебираемся за капитанскую рубку. Собравшаяся здѣсь группа упражняется въ пѣніи и разсматриваетъ въ бинокль окрестности столицы. Стройные юношескіе голоса привлекаютъ въ нашу компанію „крестника о. Іоанна“, который любезно принимаетъ на себя роль руководителя въ незнакомой мѣстности. Онъ показываетъ намъ Лахту, гдѣ когда-то Петръ Великій спасалъ моряковъ, Сергіеву пустынь, Петергофъ и пороховыя батареи Кронштадтской крѣпости. Заинтересованные его знакомствомъ съ о. Іоанномъ, мы услышали отъ него сообщеніе о томъ, что онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ церковномъ строительствѣ. Отецъ его купилъ у англичанъ въ Кронштадтѣ мѣсто, вмѣстѣ съ заброшенной церковью, устроилъ ее, построилъ при церкви домъ и школу. Въ настоящее время въ этой церкви совершается богослуженіе по праздникамъ на эстонскомъ языкѣ, и вся церковная организація имѣетъ цѣлю просвѣщеніе и удовлетвореніе духовныхъ нуждъ православныхъ эстонцевъ. Спутникъ нашъ жалѣлъ, что „теперь батюшки нѣтъ“ и просилъ насъ, если мы останемся въ Кронштадтѣ надолго, спѣть обѣдню въ Андреевскомъ соборѣ.

Остановка въ Кронштадтѣ была очень непродолжительна: не болѣе получаса. За это время мы успѣли пройти только нѣсколько кварталовъ въ направленіи Андреевскаго собора и видѣли мѣсто подвиговъ о. Іоанна лишь издали.

Въ тотъ же вечеръ мы ѣхали обратно въ Петербургъ. Ве-

черъ выдался тихій, теплый. Солнце закаталось „прямо въ море“. На южной сторонѣ горизонта свѣтила луна, сначала блѣдно, едва обозначаясь на небосклонѣ, а потомъ все ярче и ярче, разливая серебрястые блести въ водѣ Финскаго залива. Вдохновляемый красотою лѣтняго вечера, преподаватель исторіи долго бесѣдовалъ съ воспитанниками о русской живописи.

Предъ Петербургомъ уже начинало темнѣть. Постепенно, одинъ за другимъ, вспыхивали электрическіе огни среди темной группы зданій. А когда приближались къ Петербургу, ихъ было цѣлое море.

Сойдя съ парохода и миновавъ Николаевскій мостъ и Александровскій паркъ, ѣхали по Невскому проспекту на имперіалѣ конки. Здѣсь уже сонное царство: всѣ магазины закрыты; кое-гдѣ только въ верхнихъ этажахъ конторъ да редакцій газетъ виднѣлись огни. Но и въ этомъ полумракѣ ночи чувствовалась какая-то скрытая сила жизни...

Громадные часы на зданіи думы, съ яркимъ фонаремъ внутри, чрезъ матовое стекло показывали безъ десяти минутъ одиннадцать.

(Продолженіе будетъ).

ПО СЪВЕРНОЙ РОССИИ.

Дневникъ воспитанниковъ Самарской Духовной Семинаріи за
время лѣтней поѣздки 1903 года.

(Продолженіе).

28 *іюня* утромъ вышли изъ семинаріи и дошли до ка-
литки академическаго сада. Духовникъ скомандовалъ: „Господа,

кто въ Горный Институтъ — прямо, въ Сельско-хозяйственный — нальво“. Мы прошли, во второй партіи, чрезъ Лавру и съѣли на конку. Конка остановилась вблизи Сельско-хозяйственнаго музея. Но каково-же было наше огорченіе, когда швейцарь, открывшій намъ входныя двери, объявилъ, что, по случаю ремонта, музей закрытъ. Потерявъ неудачу въ осмотрѣ музея, мы прошли въ складъ сельско хозяйственныхъ орудій и здѣсь вознаградили себя за неудачу осмотромъ новѣйшихъ усовершенствованій въ области хозяйственной техники. Завѣдующій складомъ фирмы „Работникъ“ показалъ намъ устройство необходимыхъ для рациональнаго веденія хозяйства машинъ и нѣкоторымъ далъ на память каталогъ фирмы. Особенное вниманіе воспитанниковъ обратили на себя приспособленія для искусственной выводки яицъ и впрыскиванія яблонь въ предохраненіе отъ вредныхъ насѣкомыхъ.

Изъ склада воспитанники прошли въ Лѣтній садъ, къ памятнику „дѣдушки Крылова“. Здѣсь держали совѣтъ, какъ распредѣлить остальные часы. Большинство склонялось къ мысли перейти на Петербургскую сторону и посѣтить картинную галерею Академіи Художествъ.

Идемъ въ избранномъ направленіи. Уже дошли по набережной Невы до Троицкаго моста, какъ вдругъ — видимъ — со всею силою обрушивается на насъ частный приставъ и во все свое богатырское горло кричитъ:

— Налъво, на — скую!

Мы совершенно растерялись, не понимая, чѣмъ виноваты предъ представителемъ власти, остановились и смотримъ во всѣ глаза.

Полицейскій разсердился еще больше, потомъ вдругъ встрепенулся и быстро скомандовалъ:

— Шапки долой!...

Все еще недоумѣвая, что это значить, мы не смѣли ослушаться энергичнаго приказа, сняли шапки и смотримъ въ томъ же направленіи, въ которомъ — нервный приставъ. Отъ Зимняго дворца быстро приближаются къ намъ три экипажа. Сначала проѣхали первые два; въ нихъ Великіе Князья и Княгини. Черезъ моментъ — третья коляска, и въ ней Государь Импе-

раторъ съ Государыней Императрицей. На нашихъ глазахъ повернули на Троицкій мостъ и скрылись...

Минуту мы смотрѣли имъ въ слѣдъ, потомъ кто-то первый очнулся отъ гипноза:

— „Теперь можно домой идти! Все видѣли!“

И мы зашагали дальше. Полицейскій уже больше на насъ не обращаетъ вниманія.

Подъ вліяніемъ пережитыхъ впечатлѣній, осмотръ картинной галлерей въ Академіи Художествъ произвели быгло и поверхностно. Видѣли здѣсь новую картину Новоскольцева „Преподобный Сергій благословляетъ Димитрія Донского“, изображеніе Богоматери съ терновымъ вѣнцомъ на колѣняхъ, историческую картину „Сожженіе Аввакума“ и одну изъ картинъ Айвазовскаго „Пушкинъ на берегу моря“. Съ вниманіемъ остановились на картинѣ „Антипычъ съ рыбной ловли“ и долго разсматривали декадентскія произведенія.

Вторая партія посѣтила Горный Институтъ и Ботаническій садъ. Въ музей Института разсматривали окаменѣлыя растенія, эролиты, руду различныхъ металловъ, въ томъ числѣ самородокъ золота болѣе двухъ пудовъ вѣсомъ, алмазы, рубины и другіе драгоценные камни. Видѣли модели шахтъ, модели машинъ для промывки руды и для спуска и поднятія изъ шахтъ рабочихъ. На дворѣ Горнаго Института устроены искусственныя шахты. Для осмотра ихъ экскурсантамъ дали проводника. Искусственныя шахты это туннель, проложенный въ разныхъ направленіяхъ. Проходы узкіе и тѣсные. Мы шли другъ за другомъ по одному въ рядъ. Впереди шелъ проводникъ и, показывая искусственныя жилы съ рудою, рассказывалъ, на какой глубинѣ встрѣчаются металлы, какъ ихъ находятъ и разрабатываютъ. Свѣдѣнія, полученные отъ проводника, на ходу слышно передавали заднимъ рядамъ, которымъ не слышны были объясненія. Въ шахтѣ холодно, сыро и душно. Хотѣлось скорѣе на воздухъ. Во время посѣщенія „катакомбъ“ значительно пострадали бѣлые чехлы на фуражкахъ воспитанниковъ. Сажа, накопившаяся на потолкѣ шахтъ, оставила на нихъ свой слѣдъ. Пришлось тутъ же, на дворѣ Института, сдѣлать

приваль и заняться приведениемъ въ порядокъ своихъ костюмовъ.

До Ботаническаго сада ѣхали на пароходикъ по Обводному каналу. Придя въ садъ, разсыпались по аллеямъ. Въ срединѣ сада, широко распростирая свои вѣтви, растеть громадный дубъ, по преданію посаженный Петромъ Великимъ. Больше всего интересовали насъ тропическія растенія. Они растутъ въ большихъ футлярахъ со стеклянными стѣнками и потолкомъ. Подъ стеклянной крышей поддерживается температура того пояса, изъ котораго взято растеніе. Проводникъ показалъ намъ нѣсколько замѣчательныхъ растеній; одно изъ нихъ цвѣтетъ разъ въ 70 лѣтъ, другому насчитывается до 800 лѣтъ отъ роду. Изъ Ботаническаго сада вышли, какъ изъ бани. — Этотъ день былъ счастливый: побывали на дальнемъ Сѣверѣ (въ шахтахъ) и подъ тропиками (въ Ботаническомъ саду).

Вечеромъ, наканунѣ праздника Св. Апостоловъ Петра и Павла, мы собрались въ соборъ Лавры. Всенощную служилъ Высокопреосвященный Алексій, Архіепископъ Карталинскій и Кахетинскій, Экзархъ Грузіи, исполняющій обязанности первенствующаго члена Святѣйшаго Синода. Пѣлъ хоръ Невскихъ пѣвчихъ, подъ управленіемъ Тернова. Соборъ былъ освѣщенъ электрическимъ свѣтомъ.

Сильное впечатлѣніе произвелъ на насъ хоръ пѣвчихъ Невской Лавры. Это теперь самый лучшій хоръ въ Россіи и по силѣ голосовъ, и по технику исполненія. Кто-то весьма удачно сравнивалъ его съ громадной фисгармоніей. Совсѣмъ незамѣтно прошла длинная служба; не смотря на трехчасовой трудъ не чувствовалось никакого утомленія.

29 іюня утро также начали молитвой въ Лаврскомъ соборѣ. Торжественную литургію совершалъ Высокопреосвященный Экзархъ Грузіи въ сослуженіи Лаврскаго духовенства и при пѣніи хора пѣвчихъ Невской Лавры.

Въ часъ дня назначенъ былъ осмотръ Императорской публичной библіотеки, но, по независящимъ обстоятельствамъ, мы на полчаса опоздали и уже пришли въ библіотеку въ то время, когда дежурный чиновникъ кончалъ объясненіе. Мы успѣли рассмотреть

только нѣкоторыя старинныя книги и рукописи: Остромирово евангеліе, codex sinaiticus коранъ Магомета, первую печатную азбуку, іероглифы и новый завѣтъ на всѣхъ языкахъ. При осмотрѣ послѣднихъ залъ библіотекаръ обратилъ наше вниманіе на старинныя книги, прикованныя цѣпями. Такъ тщательно хранили ихъ прежде богатые люди... Послѣ осмотра библіотеки, мы посѣтили читальный залъ и познакомились съ порядкомъ полученія книгъ. Въ библіотекѣ къ нашей группѣ присоединился еще одинъ членъ нашей корпораціи, помощникъ инспектора А. А. Кремлевъ.

Конецъ дня былъ посвященъ общему осмотру Петербурга, кофейнѣ Филиппова и фотографическимъ снимкамъ.

Вечеромъ, по случаю наступающаго престольнаго академическаго праздника св. двѣнадцати апостоловъ, слушали всенощную въ академической церкви. Служилъ преосвященный ректоръ Академіи Сергій, Епископъ Ямбургскій. Ему сослужили Намѣстникъ Лавры Архимандритъ Корнилій, цензоръ Архимандритъ Филаретъ, Ректоръ Самарской семинаріи Архимандритъ Веніаминъ, Ректоръ Литовской семинаріи Архимандритъ Леонидъ, Ректоръ Вятской семинаріи Архимандритъ Василій, Профессоръ священникъ А. П. Рождественскій и настоятель Посольской церкви въ Нью-Йоркѣ священникъ А. А. Хотовицкій. Мы стояли на студенческихъ мѣстахъ. Въ числѣ молившихся руководителей былъ одинъ бывший студентъ здѣшней академіи. Для него эта всенощная была лучшимъ воспоминаніемъ минувшаго, для нѣкоторыхъ воспитанниковъ — преддверіемъ счастливаго будущаго. Изъ профессоровъ Академіи были въ церкви только немногіе: большинство уѣхали въ отпускъ. Было нѣсколько студентовъ и много постороннихъ богомольцевъ.

30 іюня утромъ послѣдній разъ пѣли молитву въ семинарской столовой, укладывали багажъ на ломовиковъ и отправились пѣшкомъ на вокзалъ. Идемъ какими-то пустырями, которые еще ожидаютъ своихъ каменщиковъ и плотниковъ. Насъ провожаетъ инспекторъ Петербургской семинаріи.

Здѣсь — заключительное слово объ этой симпатичной личности. Еще совершенно молодой человекъ, не болѣе двухъ лѣтъ окон-

чившій Академію, онъ является на „инспекторскомъ постѣ“ представителемъ новаго направленія. Ни въ его наружности, ни въ рѣчи—тихой и предупредительно-внимательной, нѣтъ ничего „инспекторскаго“: это прежде всего человекъ и воспитатель. Лучшей характеристикой его можетъ служить встрѣча съ А. Е. Нашъ „опоздавшій спутникъ“, какъ извѣстно, возвратился въ Петербургъ прямо съ Валаама, не заѣжая въ Финляндію. Благополучно на этотъ разъ доѣхавъ до семинаріи, расположился здѣсь по-домашнему и, разговорившись съ однимъ изъ встрѣчныхъ знакомыхъ, повѣдалъ ему свои намѣренія.

— Вотъ сейчасъ въ банкѣ помоюсь, потомъ одѣнусь по формѣ и пойду представляться г. инспектору.

Да, собственно, зачѣмъ вамъ ему представляться? — отвѣчаетъ собесѣдникъ: — я инспекторъ...

Вотъ и теперь онъ также говоритъ съ нами безъ всякаго величія, какъ хорошій товарищъ и доброжелательный спутникъ. Прощаясь, шлемъ ему привѣтъ и мысленно желаемъ много лѣтъ не измѣниться.

Черезъ полчаса мы опять дружной семьей въ вагонѣ. Небольшая перемена замѣтна въ нашихъ юношахъ: за недѣлю втянулись въ сутолоку столичной жизни и усвоили нѣкоторыя „культурныя привычки“: у большинства въ рукахъ газеты, преимущественно „Виржевыя Вѣдомости“ — самая дешевая газета: 2 коп. экз. въ розничной продажѣ. Руководители сосредоточенно читаютъ циркуляръ министра, только что напечатанный въ „Новомъ Времени“. У нѣкоторыхъ въ рукахъ книжки священника Петрова, купленные въ Петербургѣ у разносчиковъ.

Быстро пролетѣлъ поѣздъ до Чудова, по знакомой дорогѣ. Еще за двѣ станціи заботливый о духовникъ распорядился, въ виду краткости остановки, чтобы каждый заранее зналъ вещи, которыя понесетъ изъ вагона, — точь въ точь какъ во время пожара.

На ст. Волховъ спустились внизъ по лѣстницѣ вокзала и заняли мѣсто на пароходѣ „Красотка“

На пароходѣ нѣтъ ничего красиваго, кромѣ названія. На зеленой печатной бумагѣ, за стекломъ, повѣшенной около входа

на палубу, значитъ, что онъ построенъ въ 1858 году, т. е. плаваешь около полу-столѣтія. Отъ того же времени сохранилось и внутреннее устройство парохода. Помѣщенія пассажировъ — всѣ на верхней палубѣ, ничѣмъ не защищенной съ боковыхъ сторонъ. Палуба раздѣлена на три части: въ срединѣ, рядомъ съ дровами, — третій классъ, на носу, за загородкой — второй и на кормѣ, тоже за загородкой — первый. Первый классъ отличается отъ второго и третьяго только тѣмъ, что на лавочкахъ положены клеенчатая подушки. Есть еще въ трюмѣ каюты, но онѣ, кажется, и для пассажировъ перваго класса отдаются за особую плату. Для пассажировъ „высшихъ классовъ“ есть „трапъ“, но имъ можно пользоваться не иначе, какъ рискуя сжечь себѣ одежду или выпалить глазъ: труба устроена впереди капитанскаго мостика и постоянно сыплетъ искрами. Одинъ изъ нашихъ спутниковъ, коренной волжанинъ, выйдя на палубу, долго и внимательно разсматриваетъ внешнее устройство парохода, наконецъ замѣчаетъ глубокомысленно:

— И какой дуракъ дѣлаетъ трубу впереди палубы! Весь трапъ покрытъ сажей... Якорь на пароходѣ какъ увѣряютъ самарцы, анатоки судоходнаго дѣла, существуетъ еще отъ времени Рюрика. Флагъ — наслѣдство варяговъ: „съ этимъ флагомъ варяги вѣзди въ Новгородъ воровать“.

Съ той и другой стороны Волхова, за мысами и поворотами, открываются красивые виды. Время отъ времени встрѣчается село, деревенька, помѣщичья усадьба. Очень красивое мѣстоположеніе занимаетъ женскій монастырь Званка, бывшая усадьба поэта Державина. На всемъ — слѣды заботливаго вниманія: постройки новыя, чистыя, свѣтлыя, роши и сады не вырублены; въ окрестности видѣются фигуры трудолюбивыхъ монахинь.

Дальше — одна за другою картины дѣтней сельской жизни: въ одномъ мѣстѣ — совсѣмъ близко отъ парохода, стоитъ батюшка на сѣнокосѣ и раскланивается съ кѣмъ-то изъ пассажировъ; кстати и мы ему кланяемся. Около села Петровскаго — пчельникъ. Будимъ любителя пчеловодства пчелъ смотрѣть. На нѣсколько сажень выше села провожаетъ нашъ пароходъ группа мальчишекъ,

вымазавшихся иломъ, — „негры“. Бѣгутъ быстро, „обгоняютъ пароходъ“, потомъ устали, повернулись, раскланялись и бросились въ воду. Завидуемъ ребятамъ: хорошо имъ живется на Волховѣ.

Ближе къ Новгороду — чаще остановки.

Рѣка какъ зеркало. По ту и другую сторону хлѣбныя поля, на берегу неводъ, около берега рыбачьи лодки, — почти то же, что Волга въ верховьѣ, только нѣтъ здѣсь песковъ: сразу послѣ воды начинается зелень. Красивы желтѣющія на солнцѣ полосы и сѣнокосякъ съ цѣлымъ ковромъ цвѣтовъ. По мѣстамъ зеленѣетъ лѣсъ; у рѣки курится дымокъ и пасется стадо. Вдали виднѣется Хутынской монастырь, основанный въ концѣ XII вѣка преподобнымъ Варлаамомъ. Скоро и Новгородъ.

Съ чувствомъ трепетнаго благоговѣнія приближаемся къ древне-русскимъ святынямъ. Хлѣбныя поля, лѣса и пашни освящены стопами предковъ, съ незапамятныхъ временъ населявшихъ эту историческую мѣстность. За горой, выше колосьевъ, горитъ на солнцѣ золотая глава Св. Софіи, а за мысомъ будетъ виденъ и весь старинный городъ. Мы уже въ чертѣ древнихъ построекъ... Налѣво Деревяницкій монастырь и Новгородское Епархіальное училище... А вотъ и самый Новгородъ: десятки церквей, окруженные зеленью, отражаются въ зеркалѣ рѣки и между ними огненнымъ столпомъ блестятъ главы Софійскаго собора...

Подъѣзжаемъ къ пристани. Застыдились бы удалые новгородцы, увидѣвъ такую плохую пристань. Все грязно, убого и ветхо, нѣтъ ничего похожего на славное прошлое. Только развѣ вотъ эти ребята, что купаются почти подъ самыми колесами, напоминаютъ древнихъ безстрашныхъ ушкуйниковъ, да на пародахъ и лодкахъ сохранились древне-русскія названія: „Шелонь, Ловать“... Живой языкъ народный еще не забылъ ихъ, хотя, можетъ быть, въ произношеніи передѣлалъ до неузнаваемости.

ВЪ НОВГОРОДѢ.

Послѣ остановки парохода сно за забираемъ свои чемоданы, выносимъ ихъ на берегъ и складываемъ въ ожиданіи извозчика.

Масса любопытныхъ сбѣжалась смотрѣть на наше войско. Дамы осаждаютъ разспросами. Проходящій мимо чиновникъ замѣчаетъ сентенціозно:

— Переселеніе!..

Держимъ путь въ семинарію. Растянулись на цѣлую улицу. Впереди идутъ руководители, дальше — „армія“, позади — три воза съ узлами и шествіе замыкаетъ А. Е. Мальчишки бѣгутъ за нами слѣдомъ. Прачка съ бѣльемъ, баба съ ведрами, прохожій солдатъ, нянька съ ребенкомъ, горничная, посланная кѣмъ-то съ разносной книгой остановились и съ недоумѣніемъ провожаютъ насъ глазами. На улицахъ все населеніе высыпало. Даже пожарный на каланчѣ — и тотъ не остался равнодушнѣмъ къ общей сенсаціи.

Мастеровой на лавочкѣ нарочно остановилъ одного изъ нашей компаніи вопросомъ:

— А батюшки-то эти — ваши папаши?..

Выйдя изъ города, миновали крѣпостной валъ и берегомъ прошли въ монастырь св. Антонія Римлянина. Прежде начатія всякаго дѣла поклонились преподобному Настоятелю: собрались около его гробницы и пѣли молебенъ, поминая на молитвѣ архіепископа Новгородскаго. По окончаніи молебна осматривали древнюю церковь, гдѣ почиваютъ мощи преподобнаго Антонія. Послушникъ показывалъ намъ гробницы посадниковъ Новгородскихъ и келлію преподобнаго. Очень тѣсная келлія: не болѣе одного шага въ діаметрѣ и нѣсколько ниже человѣческаго роста въ вышину. Въ настоящее время изъ этой келліи не сдѣлано никакого благочестиваго примѣненія; одна только икона Богоматери подъ закоптѣвшими сводами напоминаетъ паломнику о мѣстѣ бывшихъ подвиговъ.

Изъ собора руководители отправились посѣтить о. ректора семинаріи Архимандрита Сергія, а воспитанники — черезъ семинарскій садъ, въ купальню на Волховѣ. О. ректоръ предупредилъ, чтобы осторожниѣ плавали за бортомъ купальни, потому что теченіе въ Волховѣ очень быстрое. Но привычныхъ волжанъ не столько смущала быстрота теченія, сколько излишекъ въ водѣ какихъ-то

растительныхъ организмовъ, которые вполне оправдывали древнее названіе Волхова — „Мутная“.

Въ семинаріи воспитанникамъ было отведено помѣщеніе въ спальняхъ верхняго этажа съ видами на рѣку и городъ, а преподавателямъ въ квартирѣ инспектора. Подъ вліяніемъ новыхъ и сильныхъ впечатлѣній тѣ и другіе заснули поздней ночью.

17 июля. Ясное влажное утро. Сонная тишина города нарушается нашей дружиной, размѣщающейся на Волховѣ въ шести лодкахъ съ намѣреніемъ ѣхать къ храму Св. Софіи. Впереди всѣхъ на маленькомъ яликѣ, помѣстившись искусные приволжскіе пловцы, подъ командой помощника инспектора. Высоко держитъ свое карабельное знамя педагогъ: во всей его фигурѣ, въ положеніи головного убора, въ поворотѣ руля, которымъ онъ правитъ, замѣтна опытность и энергія. Вторая лодка не отличается составомъ экипажа: въ веслахъ сидятъ преподаватели — гребцы плохіе, кормчій — первоклассникъ. Двѣ бабы, ѣхавшія въ городъ на толкушій рынокъ, безъ труда догнали ихъ и опередили. Остальныя лодки „густо населенныя“ выѣхали съ значительнымъ опозданіемъ.

Черезъ четверть часа вся компанія высадилась подъ стѣнами Дѣтинда. Въ Софійскомъ соборѣ звонятъ къ поздней обѣднѣ. Центръ группы составляетъ преподаватель исторіи. На него сыплются градомъ вопросы: Когда стѣны построены? На которой стѣнѣ стояла икона Знаменія во время осады Новгорода? Гдѣ была старинная дорога въ Дѣтинець отъ Волховскаго моста? Онъ долженъ все знать, даже то, о чемъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній.

Поднявшись въ гору, входимъ въ Кремль. Здѣсь уже нѣтъ и воспоминаній о томъ, что когда-то на мѣстѣ этой выложенной камнемъ площади было въ старинномъ кремлѣ 26 церквей, 150 жилыхъ дворовъ и 40 лавокъ. Не осталось памяти и о многихъ церквахъ, бойницахъ и башняхъ, которыя прежде были въ кремлевской стѣнѣ.

Подходимъ къ памятнику тысячелѣтія Россіи. Предъ нами, въ лицахъ, вся русская исторія: просвѣтители народа св. Кирилль и Меодій, кн. Ольга, Владиміръ равноапостольный, Авра-

амій Ростовскій, Антоній и Θεодосій печерскіе, Несторъ лѣтописецъ, Алексій Митрополитъ, Кирилль Бѣлозерскій, Стефанъ Пермскій, Зосима и Савватій Соловецкіе, далѣе — Государственные люди, начиная съ Ярослава Перваго и Владиміра Мономаха, за ними — защитники отечества: Святославъ Игоревичъ, Довмонтъ Псковскій, Св. Александръ Невскій, Димитрій Іоанновичъ Донской, Ермакъ, покоритель Сибири, Авраамій Палицынъ, Косьма Мининъ, Иванъ Сусанинъ, Суворовъ, Лазаревъ, Корниловъ, Нахимовъ и др.; наконецъ — писатели и художники отъ Ломоносова до Лермонтова, Гоголя и Пушкина. Наибольшими симпатіями юности пользуется Марса Посадница; ее раньше всѣхъ пытаются отыскать среди многочисленныхъ барельефовъ пьедестала. На полножіи памятника утверждена колоссальныхъ размѣровъ держава съ крестомъ на верху. Около державы расположено шесть бронзовыхъ группъ государей, съ памятью которыхъ связаны главные моменты жизни русскаго царства: Рюрикъ, Владиміръ Равноапостольный, Димитрій Донской, Іоаннъ III, Михаилъ Θεодоровичъ и Петръ Великій. Вверху, на склонѣ полушеры, стоитъ жена, склонившись въ молитвѣ, и рядомъ съ нею Ангелъ держитъ крестъ. Есть что-то непостижимое, небесное въ этомъ изображеніи.

Обогативши свой запасъ фотографій еще нѣсколькими снимками (на послѣднемъ изъ нихъ пожелала вмѣстѣ съ нами сняться одна Петербургская дама) входимъ въ храмъ Св. Софіи.

Софійскій соборъ — это прототипъ Владимірскаго и Московскаго Успенскаго. Онъ основанъ въ 1045 году великимъ княземъ Владиміромъ Ярославичемъ и сохранился до настоящаго времени въ своемъ первоначальномъ видѣ. Руководившій нами ключарь о. А. Конкординъ говорилъ даже, что при реставраціи собора, предпринятой Преосвященнымъ Θεогностомъ, былъ найденъ на глубинѣ сажени старинный дубовый престоль, удѣлвшій, очевидно, отъ первоначальнаго существованія храма. Въ соборѣ сохранились также древнія фрески, святительское мѣсто, икона Софіи, Премудрости Божіей и древняя, обложенная басменнымъ серебромъ, икона Св. Апостоловъ Петра и Павла. Проводникъ утверждалъ, что это и есть тѣ святые, которые въ теченіе почти тысяче-

лѣтія хранили судьбу Великаго Новгорода. Икона Св. Софіи — это довольно сложная композиція: посрединѣ на ней крылатый Ангелъ огненнаго вида, сидящій на престолѣ, утвержденномъ на семи столпахъ, въ царскомъ вѣнцѣ и далматикѣ, со скипетромъ въ правой и со свиткомъ въ лѣвой рукѣ. Около Ангела и престола голубое, въ кругу, небо со звѣздами. Надъ главою Ангела — въ звѣздномъ кругѣ съ хламидою Спаситель въ хитонѣ золотого цвѣта, перекинутомъ чрезъ лѣвое плечо, благословляющій обѣими руками. Выше Спасителя звѣздное небо и четвероконечный престолъ, на которомъ въ свиткѣ темнокраснаго цвѣта изображено Евангеліе; по сторонамъ престола по три ангела, къ нему припадающихъ. Ангелу предстоятъ съ правой стороны Божія Матерь, держащая круглую икону Божественнаго Младенца въ сіяніи, съ лѣвой Іоаннъ Предтеча во власяницѣ.

Въ куполѣ наше вниманіе обращаетъ фресковое изображеніе Спасителя со сжатою рукою. Иконные писцы — рассказываетъ о немъ лѣтопись, — „начаша подписывати во главѣ и написаша образъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа съ благословляющею рукою. Во утрій день видѣ епископъ Лука образъ написанъ не благословящею рукою; иконописцы же писаша по три утра и на четвертое утро гласъ бысть отъ образа Господня иконнымъ писцемъ глаголющъ: писари, писари, о писари! не пишите Мя благословящею рукою, напишите Мя сжатою рукою, Азъ въ сей руцѣ моеи великій Новгородъ держу; а когда сія рука Моя распространится, тогда будетъ граду сему скончаніе“.

Изъ главнаго храма мы поднялись по лѣстницѣ въ музей. Здѣсь разсматривали кресчатыя ризы, присланныя святителю Моисею отъ Константинопольскаго патріарха Филофея, и бѣлый клубукъ архіепископа Василия, а на обратномъ пути спускались въ потайной ходъ, которымъ, по преданію, Софійскій соборъ былъ соединенъ съ домомъ Марѣы Посадницы (на побережьѣ, въ Неревскомъ концѣ).

При выходѣ изъ собора осматривали Корсунскія ворота. Говорятъ, что въ старину Св. Софія имѣла патрональное значеніе: здѣсь хоронили князей и владыкъ новгородскихъ, и

считалось за большую честь быть погребеннымъ у Св. Софїи. Но лишь немногія гробницы сохранились до нашихъ дней. Съ паденіемъ самостоятельности Новгорода перестали быть дорогими и эти могилы.

Далѣе — нашъ путь въ музей. Но собранные здѣсь предметы — только жалкіе останки старины Новгородской, да и то позднѣйшей. Мѣткую характеристику коллекціямъ даетъ нашъ проводникъ — сторожъ, показывая рукою въ пространство и приговаривая: „это тринадцатаго вѣка, это — четырнадцатаго, а все вообще семнадцатаго“.

Не удовлетворяясь такими объясненіями, мы приступаемъ къ обзорѣнїю сами, раздѣлившись на нѣсколько группъ. Одна изъ нихъ останавливается около витрины древнихъ нотъ и поетъ по крюкамъ пятнадцатаго вѣка „Дѣвственное торжество днесь, братіе“; другая заинтересована голосниками и биломъ, третья монетами и желѣзной печатью для клеймленія воровъ и поджигателей.

Къ полудню Великій Новгородъ обложили синія тучи. Полилъ дождь. Нечего и думать назадъ возвращаться въ лодкахъ. Пережидаемъ непогоду въ музеѣ, рассматривая предметы мѣстнаго производства: колокольчики и бубенчики валдайской работы. Затѣмъ записываемъ свои имена въ книгу посѣтителей и, подъ грозой, идемъ въ ближайшую гостинницу чай пить. По скудости бюджета, обѣда сегодня не полагается до захожденія солнца и воспитанники ограничиваются „чаемъ съ булкой“. Болѣе состоятельные, впрочемъ, находятъ выходъ изъ затрудненія при посредствѣ экскурсіоннаго „министерства финансовъ“, — осаждаютъ о. духовника.

— Батюшка, денегъ!

— А у васъ есть на текущемъ счетѣ? — спрашиваетъ о. духовникъ и, доставъ изъ кармана приходорасходную книгу, производитъ какія-то выкладки. Затѣмъ, сверкнувъ очками, отвѣчаетъ:

— Рубль можно!..

Изъ гостинницы идемъ черезъ новый волховской мостъ на Торговую сторону. На мосту — небольшая остановка. Отсюда открывается несравненный видъ на далекое минувшее Великаго Новго-

рода. Въ воображеніи рисуется картина древняго города: скученныя постройки на пространствѣ десятка верствъ, узкія улицы, обсаженныя ветлами, множество деревянныхъ храмовъ съ кладбищемъ при каждомъ изъ нихъ. Прямо — мѣсто стараго моста, который когда-то былъ выстроенъ на деревянныхъ „ряжахъ“, нагруженныхъ камнемъ, и соединялъ Софійскую сторону съ Торговой. Въ былую пору здѣсь „по правую сторону крестились съ Волховъ мужчины, по лѣвую — женщины“. Около этого же мѣста былъ сброшенъ Перунъ и, доплывъ до моста, выбросилъ на мостъ палку со словами: „вотъ вамъ, новгородцы, отъ меня на память!“

Послѣ на этомъ мосту шель бойкій торгъ разными товарами, а во время вѣча происходили кровавыя побоища. Въ послѣдніе дни жизни Вольнаго Новгорода здѣсь былъ устроенъ помостъ, съ котораго сбрасывали въ Волховъ женъ и дѣтей опальныхъ новгородцевъ, и это дѣлали „до пяти седмиць і болше, і на всякъ убо день ввергнуть и потопятъ въ водѣ челоувѣкъ всякаго возраста числомъ яко до тысящи“.

Миновавъ часовню Чуднаго Креста, идемъ въ Словенскій конецъ къ тому мѣсту, гдѣ въ былое время шумѣло народное вѣче. Въ старину здѣсь была вѣчевая башня, вѣчевая канцелярія и Ярославовъ дворъ. Вблизи этого мѣста когда-то шла оживленная торговля; не рѣдкость, вѣроятно, было здѣсь слышать и иностранную рѣчь заѣзжаго „гостя“. Теперь вся площадь застроена жалкими лавками, а вмѣсто удалыхъ новгородцевъ и ихъ „гостей“ сюда собираются куры да голуби. Какая то старуха, въ образѣ которой наши юноши желаютъ видѣть Марю Посадницу, проходитъ мимо и подозрительно оглядываетъ непрошенныхъ посѣтителей.

На пути входимъ въ древнюю церковь князей новгородскихъ и молимся предъ святыней собора, иконой Святителя Николая, обрѣтенной, по преданію, при князѣ Мстиславѣ, плавающею на водахъ Ильмень — озера. На этой, кажется, иконѣ сохранилось изображение молящагося семейства, по которому можно судить о древнихъ одеждахъ новгородцевъ. Пережидая дождикъ, дѣлаемъ общій фотографическій снимокъ „на мѣстѣ вѣча“.

Осмотръ древностей закончили посѣщеніемъ Знаменскаго собо-

ра и церкви Спаса-Преображенія. Въ Знаменскомъ соборѣ, предъ чудотворной иконой Знаменія Богородицы, спасшей городъ отъ войскъ суздальцевъ, пѣли общимъ хоромъ „къ Богородицѣ прилежно“ и затѣмъ долго и внимательно разсматривали изображенный внизу иконы планъ древняго Новгорода.

Возвратились домой усталые и обезсиленные. Ужинъ и мирный сонъ былъ наградой за трудъ утомленнымъ путникамъ.

Въ тотъ же день вечеромъ квартиру руководителей посетилъ корреспондентъ „Волховскаго Листка“ и имѣлъ съ ними продолжительную бесѣду о предпринятой поѣздкѣ, которую затѣмъ описалъ въ особой статьѣ, посвященной экскурсантамъ.

2 июля, послѣ продолжительныхъ поисковъ лодки у яхт-клуба, на пристаняхъ и около моста, приходимъ наконецъ къ Юрьевскому перевозу, отъ котораго лодочникъ обыкновенно доставляетъ къ монастырю „за копѣйку“. Усаживаемъ снова добрыхъ молодцевъ въ весла, на корму сажаемъ надежнаго кормчаго, поднимаемъ парусъ и ѣдемъ.

Вѣтеръ помогаетъ гребцамъ. Волховъ бурлитъ и волнуется. День ясный. Предъ нами открывается синяя даль Ильмень — озера, по ту и другую сторону рѣки — поля, позади, на горизонтѣ разстилается на большое пространство старинный городъ съ окрестными селами.

У Юрьева монастыря остановка. Вытаскиваемъ лодки и идемъ въ ограду. Тишина кругомъ и полное безлюдье. Нѣтъ никакихъ богомольцевъ. Да и мало здѣсь святынъ, которыя бы привлекали нарочитое вниманіе паломника. Монастырь извѣстенъ болѣе своею древностью существованія, да богатствомъ, которое оставилъ ему знаменитый архимандритъ Фотій своимъ искуснымъ управленіемъ. Мы поклонились гробницѣ † архимандрита, видѣли великолѣпіе и драгоцѣнности храмовъ и посетили монастырскую трапезную, гдѣ гостепріимными монахами была предложена экскурсантамъ каша, хлѣбъ и квасъ.

Въ виду нависшей надъ Ильменемъ тучи, ѣдемъ дальше по Волхову и Сиверскому каналу къ Спасъ-Нерѣдичской церкви. Между двумя лодками возникаетъ состязаніе. На первой — силь-

ные гребцы и опытный кормчій, на второй—слабые силами, но знающіе мѣстность. Интересенъ былъ моментъ, когда гордые своей поѣздкой храбрецы уѣхали далеко по Сиверскому каналу и съ высококомѣриемъ смотрѣли на оставшихъ пловцовъ, а тѣ свернули въ Спасскую рѣчку и, со смѣхомъ пожелали гребцамъ счастливаго пути „по Тихвинской системѣ“.

Церковь Спасъ — Нерѣдицы стоитъ въ полѣ. Никакого

теперь тамъ селенія нѣтъ. Это остатокъ ^ббылого величія Новгорода и, кажется, самый древній памятникъ, сохранившійся въ своемъ первоначальномъ видѣ. Церковь построена вел. кн. Ярославомъ въ 1198 г. во имя Спаса Преображенія и въ нынѣшнемъ году ремонтируется при участіи археологической комиссіи. Мы застали только начало работъ: вынуть полъ, отбита штукатурка и обнаружены древнія фрески. Осмотрѣвъ храмъ, мы побывали и на колокольнѣ, съ которой открывается несравненный видъ на Ильмень—озеро, на Волховъ и на все пространство стараго Новгорода. Когда—то здѣсь были бойкія и оживленныя подгородныя слободы, насколько можно судить по сохранившимся въ землѣ остаткамъ построекъ. Туча надъ озеромъ сгущается все больше и больше; мѣстами показались бѣляки; надъ водою—видно въ бинокль—тревожно рѣютъ птицы. Надо спѣшить домой до дождя.

Опять садимся въ лодки и ѣдемъ, среди зелени луговъ, по Спасской рѣчкѣ и Малому Волховцу, въ Волховъ. На спорой водѣ, при впаденіи Волховца, не осилить теченія и дюжимъ

гребцамъ: лодка стоитъ на одномъ мѣстѣ. Вѣтеръ разыгрывается; пошелъ дождь.

— Батюшка, ближе къ берегу держите, ходчѣ пойдетъ, кричитъ перевозчикъ. Усталый о. духовникъ, желая ободрить путниковъ, командуетъ:

— Разъ, два! Но голосъ его выражаетъ уныніе.

Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, переѣхали на противоположный берегъ и одолѣли встрѣчное теченіе. Будто и само солнышко порадовалось за насъ: привѣтливо выглянуло съ небосклона и разогнало тучи. Дальше уже прямой путь до самой семинаріи, всего нѣсколько минутъ, которыя заняты разыскиваніемъ старинныхъ словъ и надписей на лодкахъ и буксирныхъ пароходахъ, стоявшихъ у берега.

Прощаемся съ семинаріей, благодаримъ о. ректора за гостепріимство, и идемъ пѣшкомъ на вокзалъ.

Еще одинъ взглядъ съ высоты волховскаго моста и — послѣдній привѣтъ древнему городу. Настроеніе напоминаетъ то, которое переживаетъ помѣщикъ, въ первый разъ пріѣхавшій на мѣсто старинной усадьбы, въ которой жили когда-то его отцы и дѣды. Вотъ здѣсь — показываютъ ему — былъ большой барскій домъ съ террасами и антресолями, здѣсь былъ садъ, здѣсь — дворовыя службы... Вотъ здѣсь было вѣче, здѣсь — домъ Марѣы Посадницы, здѣсь — старинный мостъ. А теперь отъ этихъ древнихъ сооруженій остались однѣ только развалины, а отъ предковъ — однѣ только могилы, да и тѣ сравнялись съ землей или затянуты иломъ въ водахъ Волхова. Все имущество: драгоценности, книги, утварь — все взято въ „городской домъ“, гдѣ живутъ потомки бывшихъ здѣсь обитателей. Остромирово евангеліе, древнія рукописи, иконы, сосуды — все перенесено въ Петербургъ, да и самая жизнь ушла вмѣстѣ съ ними.

Но Новгородъ не умеръ. Іоаннъ III и Іоаннъ Грозный только разрушили ненавистное имъ вѣче, только подчинили себѣ земли вольныхъ новгородцевъ, но они не могли уничтожить жизненную силу, которою издревле была надѣлена эта мѣстность. Прошло лишь нѣсколько поколѣній со дня смерти царя Ивана, и

уже его молодого, энергичнаго преемника потянуло туда, гдѣ чувствовалась скрытая сила жизни. Здѣсь, около него, мало по малу, начали собираться разрозненныя силы и съ чрезвычайной быстротой выросъ Новый городъ, который тоже слѣдовало бы назвать Новгородомъ, если бы Государь не пожелалъ ему дать свое имя. Вновь стали прѣвзжать „ганзейскіе купцы“, потомки тѣхъ, которыхъ посадилъ въ темницу Іоаннъ III, и вновь было прорублено окно, наглухо задѣланное Московскимъ государемъ. Но когда инстинктивно, оцупью, отыскивали мѣсто, гдѣ было старинное окно въ Европу, сдѣлали небольшую „ошибку“ — начали „рубить окно“ на 180 верстъ ближе къ морю. Если бы не эта ошибка, Новгородъ былъ бы на старомъ мѣстѣ: Св. Софія замѣняла бы Исаакіевскій и Казанскій соборы, Антоніевъ монастырь — Александро-Невскую Лавру, а тамъ, гдѣ былъ дворъ Марѣи Посадницы, быть можетъ стоялъ бы Зимній Дворецъ. Такъ стоитъ и растеть Москва, не смотря на то, что съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ, давно миновала надобность въ Волокъ на Ламѣ, который — ее создалъ. Такъ же точно, на мѣстѣ древняго Корсуня (почти на томъ же самомъ мѣстѣ), стоитъ Севастополь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПО СЪВЕРНОЙ РОССИИ.

Дневникъ воспитанниковъ Самарской Духовной Семинаріи за
время лѣтней поѣздки 1903 года.

(Продолженіе).

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ.

Въ пятомъ часу вечера, собравшись на вокзалъ, заняли

своими вещами все тѣсное помѣщеніе наружной платформы. Отъ утомленія и недомоганія всѣ были унылы и мрачны.

Скоро пришелъ поѣздъ. Намъ отвели два съ половиной вагона, въ томъ числѣ „вагонъ для дамъ“. Въ вагонахъ тѣсно, многимъ стоять приходится. Каждый себя развлекаетъ по своему: одни чай пьютъ, размѣстивши чайныя принадлежности на узлахъ и чемоданахъ, другіе передаютъ другъ другу новгородскія воспоминанія. Группа воспитанниковъ изучаетъ „правила поведенія“. Какой-то проходимецъ продаетъ легковѣрной публикѣ монеты времени Бориса Годунова.

Вечеромъ проѣзжаемъ мостъ черезъ Шелонь Влѣво, за желтѣющими полями, открывается синяя даль южной части Ильменя — озера.

Въ одиннадцать часовъ вечера пріѣхали на станцію Старая Руса. Въ минуту выбросили черезъ окно свои чемоданы и саквояжи и встали на стражу около нихъ, ожидая, пока на другой платформѣ подадутъ вагоны Московско-Виндаво-Рыбинской желѣзной дороги. О. духовникъ, подъ страхомъ лишенія на время двухъ ночныхъ переѣздовъ хорошаго помѣщенія, запретилъ двигаться съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не будетъ получено распоряженіе начальника станціи, что можно садиться. Нетерпѣливое юношество и даже руководитель его, „помощникъ инспектора“ никакъ не могли понять этой необходимости, и пускали въ ходъ всю логику для того, чтобы доказать нецѣлесообразность пребыванія на одномъ и томъ же мѣстѣ. Изъ затрудненія вывелъ знакомый о. духовнику голосъ: „пожалуйста“. Приглашеніе было слышно изъ темноты запасныхъ путей, куда мы и двинулись къ ожидавшему вагону. Предупрежденный еще изъ Петербурга особымъ отношеніемъ за подписью ректора, начальникъ станціи употребилъ всѣ усилія для того, чтобы доставить намъ возможные удобства, даже самъ показалъ, какъ отпираются и запираются лавочки въ спальномъ вагонѣ. Какой-то „пассажиръ“ подозрительной наружности хотѣлъ поживиться на нашъ счетъ. Начальникъ станціи обрушился на него со всею силою:

— „Тебѣ что нужно? Ты съ кѣмъ ѣдешь? Пошелъ, по-

шелъ отсюда, — тебѣ здѣсь нечего дѣлать. До поѣзда долго еще!“

Умѣстившись въ вагонѣ по-домашнему, осматривали благоустроенное, замѣчательное по чистотѣ, зданіе вокзала Нѣсколько человѣкъ лунной ночью предприняли небольшую прогулку въ направленіи Старой Русы, большинство же, поставивъ на очередь ночное дежурство, уснули мертвымъ сномъ. Время отъ времени вставалъ о. духовникъ и дѣлалъ повѣрку; усердно-ли дежурные исполняютъ свои обязанности.

3 июля встаемъ раннимъ утромъ, побуждаемые извѣщеніемъ кондуктора: „До Валдая кто ѣдетъ“?.. Въ Валдаѣ предполагается остановка и путешествіе сначала въ Иверскій монастырь, а потомъ на дачу Петербургскихъ семинаристовъ. Въ дорогѣ случилось несчастье: одинъ изъ первоклассниковъ прищемилъ себѣ руку дверью, — пришлось по этому поводу воспользоваться услугами пріемнаго покоя.

На станціи Валдай ожидалъ насъ о. духовникъ Петербургской духовной семинаріи вмѣстѣ съ воспитанниками. Поздоровавшись съ ними, идемъ по главной Милліонной улицѣ города на берегъ Святого озера съ намѣреніемъ плыть въ Иверскій монастырь. Здѣсь ожидаетъ насъ, вѣроятно нарочито заказанный, „Иверскій“ паровой катеръ. Размѣщаемся въ немъ, вмѣстѣ съ посторонними пассажирами и, переѣхавъ озеро, черезъ нѣсколько минутъ высаживаемся на противоположномъ берегу, у монастыря. Въ монастырѣ звонятъ къ обѣднѣ, по случаю храмового праздника. Въ виду продолжительной службы и дорожнаго утомленія, монахи приглашаютъ насъ предъ литургіей въ трапезную и здѣсь угощаютъ чаемъ. Обѣдню служилъ старецъ-Архимандритъ, отецъ Амвросій, воспитанникъ семинаріи сорокъ девятаго года. Ему сослужили четыре іеромонаха, пѣлъ хоръ монастырскихъ пѣвчихъ. По обычаю ставропигіального монастыря, Архимандритъ служилъ съ рипидами и въ положенное время осѣнялъ народъ, по — архіерейски, дикиріемъ и трикиріемъ. Вмѣсто *εις πολλὰ* хоръ ему отвѣтствовалъ *κύριε ἐλέησον*. На литургіи пѣвчіе очень хорошо и стройно исполнили „Достойно“ сербскаго

распѣва. Послѣ обѣдни былъ крестный ходъ вокругъ монастыря, съ частицею мощей св. митрополита Филиппа.

Иверскій монастырь связанъ воспоминаніями съ именемъ патріарха Никона. Здѣсь когда-то была его типографія. Послѣ монастырь извѣстенъ какъ мѣсто, гдѣ провелъ свое дѣтство святитель Тихонъ. Монастырь стоитъ на островѣ, близко примыкающемъ къ берегу. Мѣсто очень красивое, всюду зелень.

Сразу послѣ литургіи начали собираться на берегу озера. Въ ожиданіи, пока соберутся всѣ, любители придумали интересную фотографію: за монастыремъ отыскали старое дупло и снимались въ немъ, высунувши лице въ отверстіе.

Лодка могла вмѣстить свыше ста пассажировъ. Размѣщаемся въ ней, вмѣстѣ съ Петербургскими семинаристами, примѣнительно къ физической силѣ: гребцы садятся ближе къ весламъ, подъ командой монастырскаго конюха, преподаватели помѣщаются подъ зонтами на носовой площадкѣ, помощникъ инспектора становится въ руль. У берега озера сильный прибой. Большихъ усилій стоитъ оттолкнуть лодку, причемъ оказываетъ помощь примѣненный математикомъ „рычагъ Архимеда“.

— Ну, ребята, — командуетъ монастырскій рабочій, — берите дюжѣ!

Воспитанники берутъ по-трое каждое весло и, съ непривычки къ такимъ большимъ орудіямъ, едва справляются съ ними.

— Вы бы гресть-то, матросики, всѣ бы вдругъ: который гребетъ, который весло суши.

По мѣрѣ усилій, лица гребцовъ дѣлаются все серьезнѣе и серьезнѣе: бѣлокурый мальчикъ — староста дѣлаетъ неимовѣрное напряженіе, чтобы не отстать отъ другихъ, покраснѣлся, задохся. Одинъ за другимъ замедляютъ темпъ и другіе гребцы.

— Но, но, молодчики, подюжѣ, — командуетъ мужикъ, налегая на весло.

Начинаетъ качать. Выѣхали на открытое мѣсто. Старшіе преподаватели, сидя на носу по-татарски, о чемъ-то серьезно бесѣдуютъ. Надъ ними, нѣсколько впереди, юноша держитъ на зонтѣ, вмѣсто флага, бѣлый платокъ. Лицо напоминаетъ часового

при исполненіи служебныхъ обязанностей: забылъ и про зонть, и про флагъ: размечтался о чемъ-то.

Въ отвѣтъ намъ и на семинарской дачѣ выкинули флаги. На колокольнѣ дачи звонятъ во всѣ колокола, предъ молебномъ. Нѣсколько человекъ машутъ намъ съ колокольни платками. Подъѣзжая къ дачѣ, часовой шлетъ фуражкой привѣтствіе. Моментально нѣсколько воспитанниковъ бросаются съ берега въ весла и быстро ѣдутъ къ намъ навстрѣчу, подъѣзжаютъ къ нашему большому „карбасу“ и перелѣзаютъ къ намъ черезъ бортъ. Всѣ оживлены и веселы.

Монастырскій рабочій дѣлаетъ послѣднюю команду:

— Назадъ! Весла берегите!..

Высаживаемся на берегъ и поднимаемся въ гору.

Дача Петербургскихъ воспитанниковъ семинаріи — деревянное зданіе въ девять сажень длины и шесть ширины — выходитъ лицевымъ фасадомъ на самый берегъ Святого озера. Входъ — съ внутренней стороны устроенъ террасой въ нѣсколько ступеней съ наружнымъ навѣсомъ. Отъ входа идутъ просторныя сѣни и изъ нихъ прямо — двери въ церковь, налѣво двѣ двери — въ помещенія воспитанниковъ, направо — въ бібліотеку и въ квартиру ректора.

Встрѣченные на крыльцѣ оставшимися воспитанниками, проходимъ въ дачную церковь и общимъ хоромъ въ сто молодыхъ голосовъ поемъ тропарь храма Петербургской и Самарской семинаріи.

На дачѣ воспитанники предоставлены были самимъ себѣ:

одни катались на лодкѣ, другіе играли въ крокетъ, третьи гуляли по полямъ и лугамъ, четвертые — купались въ чистой водѣ Святаго озера. Партія молодежи, вмѣстѣ съ помощникомъ инспектора, ѣздили на ближайшій лѣсистый островъ за земляникой. О, духовникъ Петербургской семинаріи, исполнявшій обязанности хозяина, окружилъ насъ отеческимъ вниманіемъ: позаботился чтобы мы провели разнообразно время и съ нарочитымъ вниманіемъ устроилъ чай и обѣдъ. Воспитанники Петербургской и Самарской семинаріи обѣдали за однимъ столомъ: къ этому времени они успѣли уже не только познакомиться, но и подружиться. Передъ обѣдомъ и послѣ обѣда общимъ соединеннымъ хоромъ пѣли молитву.

Позже на крыльцѣ дачи была устроена сѣмка: сняты были вмѣстѣ руководители, воспитанники и дачная собака.

Дача Петербургскихъ семинаристовъ — настолько симпатичное учрежденіе, что о ней слѣдуетъ здѣсь сказать нарочито нѣсколько словъ. Она находится въ двѣнадцати часахъ пути по желѣзной дорогѣ отъ Петербурга и въ трехъ верстахъ отъ желѣзнодорожной станціи, въ виду города Валдая. Устроена по почину ректора Архимандрита Сергія на участкѣ земли, пожертвованномъ г. Валдаемъ, и на средства главнымъ образомъ Ялтинскаго купца Кабушиша. Дача служитъ пріютомъ для всѣхъ воспитанниковъ семинаріи, у которыхъ нѣтъ родныхъ или они живутъ очень далеко (въ числѣ дачниковъ не мало иностранцевъ). Жизнь на дачѣ настолько хороша, что находятся и такіе воспитанники, которые пріѣзжаютъ сюда изъ дома родителей. При дачѣ есть свой участокъ земли (пять десятинъ), на которомъ воспитанниками разведенъ цвѣтникъ, огородъ и пчельникъ. На дачѣ есть всѣ приборы для столярнаго ремесла и лодки для рыбной ловли. Для желающихъ есть полная возможность заниматься искусствами: въ дачной церкви почти всѣ иконы — работы воспитанниковъ. Для окрестнаго населенія дачная церковь служитъ приходскимъ храмомъ: въ воскресные и праздничные дни сюда приходятъ за обѣдню деревенскіе богомольцы. Зимой предполагается обратить помещенія воспитанниковъ подъ церковно-приходскую школу.

Въ пять часовъ вечера собрались всѣ вмѣстѣ въ передней

комнатъ: о. ректоръ, два духовника, преподаватели и воспитанники Самарской семинаріи и воспитанники Петербургской семинаріи, отворили створчатыя двери храма и общимъ хоромъ пѣли „Къ Богородицѣ прилежно“. Когда смолкъ послѣдній аккордъ молитвы, отецъ ректоръ всталъ посрединѣ, и, обратившись къ представителю Петербургской семинаріи, о. духовнику протоіерею П. І. Силину, сказалъ слѣдующее:

„Досточтимѣйшій о. протоіерей Петръ Іоанновичъ. Въ лицѣ Васъ, мы Самарскіе странники глубоко, сердечно благодаримъ начальствующихъ С.-Петербургской семинаріи за радушный родственныи пріемъ, оказанныи намъ. Дорогому о. ректору, котораго намъ сильно хотѣлось еще разъ лично повидать, но не удалось, просимъ Васъ, передайте вмѣстѣ съ почтеніемъ и благодарностію и сію св. просфору Валаамскую, въ знакъ того, что и тамъ, у преподобныхъ, мы его молитвенно вспоминали. Сердца моихъ спутниковъ переполнены благодарными чувствами, которыя выражаются и матеріально, въ той лептѣ (110 руб.), какую они изъ своихъ путевыхъ сбереженій удѣляютъ на нужды Іоанно Богословскаго Братства, такъ какъ оно даетъ средства на леченіе больныхъ воспитанниковъ, устройство экскурсій, содержаніе дачи, прекрасными условіями которой и мы понаслаждались. Вмѣняя малое въ великое, просимъ принять нашу лепту не какъ отплату за оказанное намъ и сдѣланное для насъ, но какъ доказательство того, что мы глубоко чувствуемъ и ясно сознаемъ, что слишкомъ много намъ оказано и сдѣлано для насъ, на что разсчитывать мы ни какъ не могли.

Отъ души желаю, чтобы родная и всегда дорогая для меня, а теперь сдѣлавшаяся знакомою и для моихъ спутниковъ Самарцевъ Петербургская семинарія процвѣтала и благоденствовала многая, многая и многая лѣта“. — Хоръ Самарскихъ семинаристовъ покрылъ слова ректора дружнымъ и громкимъ многолѣтіемъ.

О. протоіерей Силинъ отвѣчалъ: „Благодарю Васъ, Ваше Высокопреподобіе и васъ, г.г. руководители, за посѣщеніе нашей семинаріи и дачи воспитанниковъ. Счастливыя минуты, которыя вы намъ доставили своимъ пріѣздомъ, на долго останутся въ нашей памяти. Спасибо и вамъ, юноши, за ваше радушіе и доб-

рое настроеніе, которое помогло вамъ составить сегодня одну семью съ нашими воспитанниками. Позвольте и мнѣ, съ своей стороны, предложить спѣть Самарской духовной семинаріи — руководителямъ и воспитанникамъ „многая лѣта“.

Вслѣдъ затѣмъ выступилъ ученикъ бывшаго пятаго класса Самарской семинаріи В. Свѣчниковъ съ рѣчью такого содержанія. „Отъ лица всѣхъ своихъ товарищей — путешественниковъ приношу Вамъ, Ваше Высокопреподобіе, глубокую благодарность за то гостепріимство, которое Вы оказали намъ въ своей семинаріи. Когда еще мы только собирались въ далекій путь, то главной заботой для нашихъ руководителей было пріисканіе для насъ мѣста остановки въ попутныхъ городахъ. Это затрудненіе въ Петербургѣ неожиданно было разрѣшено вашей любезностью. Насъ чужихъ и издалика прибывшихъ людей вы встрѣтили, какъ старыхъ знакомыхъ. Въ вашей семинаріи мы были обставлены всѣми удобствами. Мы чувствовали себя у васъ какъ дома. Когда мы возвращались изъ Финляндіи, несмотря на поздній часъ, насъ встрѣтили представители Петербургской семинаріи: г. инспекторъ Василій Антоновичъ Мартинсонъ и преподаватель Николай Григорьевичъ Рункевичъ. При отъѣздѣ изъ Петербурга Василій Антоновичъ также проводилъ насъ до вокзала. Здѣсь встрѣчали насъ вы вмѣстѣ съ воспитанниками. Мы, воспитанники, быстро познакомились и сошлись другъ съ другомъ. Оживленно и весело прошелъ день нашего совмѣстнаго пребыванія и, несомнѣнно, онъ надолго останется въ памяти. Спасибо вамъ за гостепріимство. Очень желали-бы и мы видѣть васъ въ Самарѣ и отплатить вамъ за ваше радушіе“.

Отдавъ послѣдній поклонъ хозяевамъ, обѣ семинаріи двинулись въ путь. Интересное зрѣлище представляла толпа въ девяносто слишкомъ человекъ, среди луговъ и хлѣбнаго поля. Синіе околыши петербуржцевъ смѣшивались съ нашими сѣрыми куртками. Между воспитанниками Петербургской семинаріи были иностранцы: сербы, болгаре, греки. Общая дружная бесѣда молодежи время отъ времени прерывалась одушевленнымъ пѣніемъ почти сотни молодыхъ голосовъ. Одушевленіе юношества передавалось и руководителямъ, давая возможность имъ сбросить съ

себя тяжесть прожитыхъ лѣтъ. Картина лѣтняго вечера среди желтѣющей нивы, въ виду озера и города на склонѣ горы, дополняла очарованіе. Каждый съ полнымъ правомъ въ эту минуту могъ сказать:— „Остановись, моментъ!“

Мѣстами приходилось проходить „узкою межой“. Тогда толпа воспитанниковъ растягивалась почти на цѣлую версту. Затѣмъ опять соединялись вмѣстѣ, пѣли и собирали цвѣты. Нѣчто общее было замѣтно наблюдательному взору между пестрымъ ковромъ цвѣтовъ и толпой зеленой молодежи. Какъ хороши тѣ и другіе и какъ взаимно дополняли они другъ друга въ этотъ праздничный вечеръ!

Миновавъ поле, вошли въ городъ и прошли по главной улицѣ до вокзала. Нѣкоторые изъ воспитанниковъ нарочито отставали отъ компаніи для покупки колокольчиковъ. Самый большой и самый звучный колоколь купилъ „дѣдушка“ съ намѣреніемъ черезъ годъ завести свою тройку.

На вокзалѣ пришлось ждать поѣзда около получаса. За это время воспитанники обѣихъ семинарій наговорились вдосталь. Многіе уже были „на ты“ и обмѣнялись адресами. Наши усердно приглашали петербуржцевъ къ себѣ въ гости: „пріѣзжайте въ Самару экскурсіей, а оттуда мы васъ по селамъ развеземъ“. За нѣсколько минутъ до отхода поѣзда въ вагонѣ устроенъ былъ общій чай. Уже пробилъ второй звонокъ, а друзья все еще не могутъ разстаться. Черезъ пять минутъ — третій звонокъ и поѣздъ отходитъ. Многіе изъ нашихъ воспитанниковъ, стоявшихъ на платформѣ, бросились въ вагонъ, петербуржцы — изъ вагона.

Въ мигъ наши залѣпили всѣ окна, зазвенѣли колокольчики, бубенчики и большой дѣдушкинъ колоколь, а съ платформы полетѣли въ воздухъ платки и шапки. Дружное „ура“ огласило воздухъ. Имъ отвѣчали: „Пріѣзжайте въ Самару!“ Долго еще высунувшіеся изъ оконъ самарцы махали платками и шапками, пока, наконецъ, поѣздъ не скрылся за поворотомъ. Сейчасъ же подъ вліяніемъ охватившаго всѣхъ одушевленія, была составлена и со ст. Бологое послана телеграмма: „Валдай Дача Петербургскихъ семинаристовъ. Прощальный привѣтъ друзьямъ, Самарцы“.

Послѣдняя ночь въ вагонѣ. Все спитъ мертвымъ сномъ. Только на одной лавочкѣ горитъ огонь прилежнаго юноши: далеко за полночь онъ читаетъ интересную книгу, да съ двухъ сторонъ стоятъ на стражѣ скуднаго имущества полусонные часовые — дежурные. Ложусь и я: въ ушахъ звенитъ валдайскій колокольчикъ. Мерещится тройка въ степи: бурань и непогодь. А въ окно вагона смотритъ холодная лунная ночь...

4 июля утро началось появленіемъ о. духовника. Ходитъ „по спальнамъ“ и спрашиваетъ: „далеко-ли надо билетъ брать“? Это значить — близко Волга. Большинству надо билетъ до Самары, нѣкоторымъ — до Кинешмы, другимъ — до Симбирска. Изъ-подъ одѣяла высовывается бѣлокурый мальчикъ и проситъ ему взять билетъ до Владиміровки.

— Тамъ не останавливается пароходъ, — резонно замѣчаетъ о. духовникъ.

— Останавливается!

— Не останавливается! — продолжаетъ „патеръ“ настойчивѣе.

— Тогда я совсѣмъ не встану, отвѣчаетъ спорщикъ, переворачивается на другой бокъ и продолжаетъ спать.

Поездъ стоитъ у станціи „Волга“. Черезъ четверть версты мостъ Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги. Воспитанники поспѣшили къ окнамъ и привѣтствовали родную рѣку выраженіемъ радостнаго восторга. Волга здѣсь узкая, немного больше Самарки, хотя судоходная: невдалекѣ отъ моста стоитъ пароходская пристань.

Въ началѣ десятаго часа утра пріѣхали въ Рыбинскъ. Снова передаемъ вещи въ окна. Пришедшій сюда желѣзнодорожный сторожъ съ предложеніемъ услугъ „снести что нибудь“, могъ видѣть, какъ мы, подобно пчеламъ, несли все съ собою сами. Вблизи трехъ возовъ съ вещами, собирается „вѣче“ и обсуждаетъ степень устойчивости узловъ и чемодановъ. Дальше открывается переселенческое шествіе отъ мѣста вокзала (вокзала здѣсь нѣтъ, — на дняхъ сгорѣлъ) на пароходскую пристань. Впереди идутъ воспитанники съ ручнымъ багажемъ (кодакъ, чайники), за ними слѣдуетъ „обозъ“. Отъ общей партіи отдѣляется группа воспитан-

никовъ, а ближайшимъ путемъ проходятъ къ Волгѣ и, нанявъ здѣсь лодки, отправляются въ село Никольское на Шекснѣ, въ гости къ помощнику инспектора. Остальные слѣдуютъ „трактомъ“ на пароходскую пристань „Надежда“. Здѣсь уже знакомая приволжская обстановка: вывѣски рѣчныхъ агентствъ, пароходскія объявленія. Еще нѣсколько минутъ и — Волга, вся загроможденная судами, ожидающими выгрузки.

На самомъ берегу имѣемъ случай наблюдать приволжскіе нравы. Одинъ изъ воспитанниковъ, утомленный дорогой, отдастъ свой багажъ снести на пароходскую пристань. Въ него тотчасъ же вцѣпляются двѣ руки и начинаютъ тащить въ разныя стороны: въ одну сторону тащить матросъ, въ другую золоторотецъ. Лица у обоихъ хищныя. Завязывается перебранка. Крючникъ матросу обѣщаетъ „въ морду“, матросъ крючника бьетъ по лицу изо всей силы. Жаль было смотрѣть на эту тяжелую сцену: не стоилъ гривенникъ кровавой расправы. Воспитанникъ поспѣшилъ раздѣлить споръ „по соломоновски“: взялъ свой багажъ и, какъ ни трудно было, самъ снесъ на пароходъ.

Занимаемъ мѣста на скоромъ пароходѣ „Коммерсантъ“. Едва успѣли мы размѣститься въ каютахъ, какъ пароходъ, а на немъ добрая половина нашихъ путниковъ, отъѣхали отъ городской пристани на товарную и тамъ пробыли все утро. Смотримъ на грузку и развлекаемъ себя чтеніемъ газеты „Вѣстникъ Рыбинской Биржи“. Въ ней напечатаны первыя печальныя свѣдѣнія о громадномъ пожарѣ въ Покровской слободѣ и о гибели парохода „Петръ I“. Нашъ пароходъ возвратился съ товарной пристани часа за два до отхода въ Ярославль. За это время мы успѣли посѣтить соборъ и поклониться гробницѣ знаменитаго проповѣдника Протоіерея Родіона Путятина.

Въ три часа дня пароходъ отходитъ внизъ. Къ тому времени съ разныхъ концовъ города собрались все участники экскурсіи. Прибыли на пристань и преподаватель исторіи съ помощникомъ инспектора, который привезъ обратно своихъ гостей. Оба они здѣсь кончали путь. Прощанье было задушевное.

— Жаль разставаться, „сроднились“, „привыкли“ слышно было въ толпѣ воспитанниковъ.

Это было первое напоминаніе о томъ, что близокъ и конецъ экскурсіи и что скоро придется нѣкоторымъ уже всю жизнь идти въ одиночку своей дорогой. Воспитанники успѣшили выстроиться въ рядъ на верхней палубѣ, такъ чтобы было видно остающихся и чествовали ихъ прощальнымъ гимномъ. Съ первымъ поворотомъ колесъ парохода полетѣли въ воздухъ платки и шапки. По взволнованнымъ лицамъ оставшихся было видно, что и они неравнодушно провожаютъ эту толпу молодежи.

Отъ Рыбинска ъдемъ на пароходъ почти одни. Напуганные третьегоднейшей катастрофой обыватели предпочитаютъ ѣхать на пароходъ другихъ компаній. Да и мѣста имъ мы мало оставили: въ третьемъ классѣ занято почти все помѣщеніе.

Ѭдемъ самымъ красивымъ плесомъ Волги. Послѣ Жигулей на Волгѣ нѣтъ болѣе интересной мѣстности. На каждой почти верстѣ встрѣчается какое нибудь селеніе: село, деревня, барская усадьба, заводъ или фабрика. Населенныя мѣста смѣняются полонсами зеленаго лѣса: парка или рощи. Сама Волга дѣлаетъ однѣ за другимъ изгибы — вправо и влѣво. На половинѣ пути до Ярославля на громадной горѣ стоитъ городъ Романовъ — Борисоглѣбскъ. Дальше — посадъ Норское и знаменитый старинной кедровой рощей Толгскій монастырь — резиденція Ярославскаго архіерея.

Около Толги собрались всѣ на носу парохода. Большинство заинтересовано мѣстомъ, гдѣ предполагается устройство моста Сѣверной желѣзной дороги. За мысомъ постепенно выдѣляется темная сосновая роща и городъ съ десятками старинныхъ церквей. Пароходъ сдѣлалъ поворотъ и остановился у пристани „Ярославль“.

На пристани простились съ о ректоромъ. Въ сопровожденіи одного изъ своихъ бывшихъ учениковъ по Петербургской семинаріи, теперь студента Лѣснаго института онъ съ ближайшимъ пароходомъ отправился въ Толгскій монастырь, гдѣ намѣренъ переночевать ночь и завтра утромъ отстоять службу.

Оставивъ вещи на пристани, воспитанники держали путь въ духовную семинарію. Уже вечерѣло. Съ горы, на которую ведетъ отъ пароходской пристани крутая лѣстница, от-

кывался красивый видъ на Волгу и Заволжье. На набережной множество разодѣтыхъ горожанъ, прогуливаясь, наслаждаются привольемъ лѣтняго вечера. Миновавъ мостъ, раскинутый надъ взвѣдомъ, вступаемъ въ аллею старинныхъ липъ. Вѣроятно, этимъ липамъ не одна сотня лѣтъ: такъ пышно разрослись онѣ въ обѣ стороны. Въ садикѣ, примыкающемъ къ бульвару съ правой стороны, устроено помѣщеніе для оркестра. Здѣсь еще больше публики. Ярославская учащаяся молодежь встрѣчаетъ насъ непривѣтливо: партія гимназистовъ пристально вглядывается въ нашу толпу и, съ оттѣнкомъ презрѣнія, замѣчаетъ: „будущіе попы“. Очевидно, и въ школѣ и дома имъ усиленно внушается нерасположеніе къ духовному сословію. Минуемъ, далѣе, еще нѣсколько улицъ и входимъ въ предѣлы семинарскихъ владѣній. Здѣсь насъ сразу же окружаютъ заботой и вниманіемъ. Въ столовой ожидаетъ чай, въ спальныхъ комнатахъ со всѣми удобствами приготовлено мѣсто для ночлега. Отведена особая комната и для руководителей. Между послѣдними оказался одинъ товарищъ о. ректора. Они не видѣлись со времени окончанія академическаго курса. Конечно, много оба измѣнились съ тѣхъ поръ. „Вотъ я тебѣ привезъ своихъ двухъ сыновей, говоритъ о. ректору нашъ преподаватель: они теперь такіе, какимъ я былъ тогда“. Послѣ продолжительной дороги въ вагонѣ, воспитанники съ удовольствіемъ отдохнули въ гостепріимной семинаріи. Выспавшіеся днемъ на пароходѣ, многіе, впрочемъ, не скоро могли заснуть: бесѣдовали подъ окнами въ тишинѣ вечера и любовались картиной зарѣчья р. Которосли, на берегу которой стоитъ семинарское зданіе, и вечернимъ освѣщеніемъ громадной ткацкой фабрики.

5 июля утромъ, послѣ чая въ столовой, воспитанники были представлены о. ректору въ актовомъ залѣ. Благословляя ихъ, о. ректоръ вспоминалъ объ участникахъ Соловецкой экскурсіи, бывшихъ въ Ярославлѣ четыре года тому назадъ, и говорилъ о сближеніи Самарской и Ярославской семинарій, которое замѣчается въ обмѣнѣ педагогическихъ силъ той и другой семинаріи. Въ настоящее время инспекторомъ Ярославской семинаріи состоитъ воспитатель многихъ участвующихъ въ экскурсіи бывшихъ учени-

ковъ Николаевского духовнаго училища; въ Самарѣ не такъ давно было трое преподавателей — ярославцевъ; изъ нихъ двое состоятъ на службѣ и въ настоящее время и оба участвуютъ въ путешествіи. Есть въ Самарской епархіи и нѣкоторые родители воспитанниковъ — переселенцы изъ центральной Россіи, изъ епархій Тверской и Владимірской, изъ уѣздовъ смежныхъ съ Ярославлемъ, такъ что, вѣроятно, и у участниковъ экскурсіи найдутся здѣсь какіе нибудь дальніе родственники.

Переходя, затѣмъ, къ образовательной сторонѣ путешествія, о. ректоръ обратилъ вниманіе воспитанниковъ на историческія древности Ярославля и между прочимъ показалъ изъ окна старинную Иоанно-Предтечевскую церковь, на ремонтъ которой недавно отпущено изъ Государственнаго казначейства шестьдесятъ тысячъ рублей. Изъ актовaго зала о. ректоръ провелъ воспитанниковъ въ церковь и затѣмъ предоставилъ одному изъ руководителей, ярославскому уроженцу, вести осмотръ города и древнихъ памятниковъ.

Мы начали съ того, что обошли кругомъ семинарскій садъ и побывали въ больницѣ. Когда выходили изъ ограды, насъ догналъ о. ректоръ, отправлявшійся въ экипажѣ для закупки провизіи намъ на обѣдъ. Старый ректорскій конь едва тащилъ древнюю колесницу. Очевидно здѣсь, въ Ярославль, все старинное.

Изъ семинаріи мы прошли въ Спасскій монастырь и, послѣ поклоненія здѣсь св. Чудотворцамъ, осматривали старинный храмъ Преображенія, построенный на мѣстѣ той церкви, въ которой около шестисотъ лѣтъ тому назадъ, предъ кончиной, принялъ схиму св. Князь Θεодоръ Смоленскій и Ярославскій. Спасскій монастырь тогда пользовался особеннымъ расположеніемъ Благовѣрнаго Князя Θεодора. Каждому монаху онъ платилъ жалованье — два рубля въ годъ (свыше ста двадцати рублей на наши деньги). Преподавателемъ обращено было вниманіе воспитанниковъ на старинное зданіе монастырской бібліотеки, гдѣ хранится много цѣнныхъ книгъ и древнихъ рукописей, относящихся къ исторіи края. Въ бібліотекѣ этого монастыря, въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ найденъ шпісисъ „Слова о полку Игоря“, — историческій памятникъ, доселѣ составляющій неразрѣшимую загадку относительно времени происхожденія и личности автора.

Спасскій монастырь въ древнее время былъ на краю города; за нимъ — шло кладбище. Теперь городъ тянется отъ него къ западу еще на двѣ версты. Доселѣ сохранились остатки этого стариннаго кладбища: вблизи семинаріи, на берегу рѣки Которосли, рядомъ съ большой мельницей, есть могильная плита съ полууставной надписью, которой можно насчитать нѣсколько столѣтій.

Войдя въ черту древняго города, образуемаго монастыремъ и мѣстомъ стариннаго крѣпостнаго вала, гдѣ теперь идетъ одна изъ главныхъ улицъ, воспитанники берегомъ р. Которосли прошли къ мѣсту первыхъ построекъ Ярославля. Отсюда начинается исторія города. Девятьсотъ лѣтъ тому назадъ здѣсь великій князь Ярославъ Владиміровичъ убилъ медвѣдя на охотѣ, а затѣмъ построилъ храмъ во имя св. Іліи Пророка. Тогда на этомъ мѣстѣ стоялъ дремучій лѣсъ, а вблизи перваго храма протекала рѣчка, отъ которой за тысячу лѣтъ почти и слѣда не осталось: видно только маленькое углубленіе на берегу рѣки Которосли.

Первыя постройки Ярославля относятся къ началу Суздальской колонизаціи, къ тому времени, когда, стѣсняемое въ предѣлахъ приднѣпровья, населеніе Кіевской Руси стало отливать на сѣверъ и въ междурѣчьи Оки и Верхней Волги отыскивало для себя новыя поселенія.

Къ этому періоду (начало XIII вѣка) относится и первоначальная постройка златоверхаго Ярославскаго собора, передѣланнаго послѣ два раза. Наружный видъ собора свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ съ родни храмамъ Московскому Большому Успенскому, Владимірскому и Новгородскому. На самыхъ зданіяхъ, такимъ образомъ, мы могли видѣть извѣстную историческую эпоху, которая оставила намъ такіе долговѣчные памятники. Въ соборѣ мы поклонились гробницамъ св. князей Ярославскихъ Василя и Константина и видѣли иконы, сохранившіяся отъ тѣхъ временъ. По пути изъ собора заходимъ въ Демидовскій Юридическій лицей, осматриваемъ актовъ залъ, аудиторіи и церковь. Особенное вниманіе въ храмѣ обращаютъ на себя царскія врата, устроенныя въ видѣ сплошнаго сіянія. Въ аудиторіи читали сообщенное намъ проводникомъ газетное извѣстіе о катастрофѣ на „Петрѣ Первомъ“.

Съ берега Которосли предъ соборомъ — прекрасный видъ на такъ называемую Туговую гору, гдѣ когда-то похоронены были первые защитники Ярославля отъ татарскаго нашествія. Преданіе рассказываетъ, что до татаръ въ Спасскомъ монастырѣ была школа для дѣтей и, очевидно, была распространена письменность. Но татарское нашествіе смело ее съ лица земли, и о школахъ съ тѣхъ поръ не слышно болѣе двухъ столѣтій. Недалеко отъ моста чрезъ Которосль скончался Никонъ, патріархъ Московскій, на обратномъ пути изъ заточенія. Сколько событій пронеслось надъ этимъ мѣстомъ, сколько зданій ушло въ землю за продолженіе тысячелѣтія. Еще такъ недавно, во время одной постройки, при устройствѣ фундамента, былъ найденъ срубъ старинной деревянной стѣны; а сколько еще такихъ стѣнъ хранится подъ этими каменными зданіями! Вотъ, на примѣръ, на высокой горѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Демидовскаго Юридическаго лицея, въ старину былъ домъ удѣльнаго князя. Если фотографія когда нибудь найдетъ способъ заглянуть въ нѣдра земли, быть можетъ она найдетъ остатки этого стариннаго дворца.

Съ берега Которосли мы прошли въ Ильинскую церковь, а затѣмъ посѣтили древлехранилище. Здѣсь уже ранѣе насъ разсматривали памятники старины Воронежскіе семинаристы. Познакомились съ ними и продолжали осмотръ совмѣстно. Музей мало приспособленъ для осмотра. вмѣсто обычныхъ надписей: „такой-то вѣкъ“, „такой-то предметъ“ и проч. надписано: „тогда то подаренъ такимъ-то“. Да и сами распорядители музея очень мало заботятся объ удовлетвореніи интереса путешественниковъ. Встрѣтившая насъ при входѣ барышня на нашъ вопросъ, кто могъ бы показать наиболѣе интересные остатки старины и дать намъ объясненія, отвѣтила: „завѣдующій на почту ушелъ“. Долго ждали его возвращенія и, наконецъ, когда онъ возвратился, одинъ изъ насъ (по дорожному, впрочемъ, одѣтый) предсталъ предъ нимъ въ качествѣ депутата отъ лица экскурсантовъ. „Завѣдующій“ смѣрялъ его орлинымъ взглядомъ и отрѣзалъ:

— „Некогда мнѣ, сами смотрите!“

Тогда мы поспѣшили оставить негостепріимный уголокъ

старинны и отправились по электрическому трамваю на Корзинкину мануфактуру. Почти все воспитанники ѣхали на трамвай первый разъ. Многие не знали его устройства и не умѣли обращаться съ предметами. Между прочимъ одинъ изъ старшихъ, стараясь не упасть, вмѣсто петли схватился за звонокъ. Трамвай остановили.

— Что такое?

— Ничего, — дальше!

Какъ только мы не ѣдемъ: паромъ, электричествомъ, веслами. Остается только попробовать проѣхать на аэростатъ. Доживемъ-ли до той поры?..

Ярославль — совсемъ мертвый городъ. На улицѣ — ни души. И на трамвай тоже очень мало ѣздитъ народу. Быть можетъ потому такими жизнерадостными выглядываютъ кондуктора поѣзда. Въ другихъ городахъ кондукторъ переутомленъ не меньше лошади.

Быстро мы выѣхали за городъ и остановились въ виду желѣзнодорожнаго моста чрезъ Которосль въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ зданія Петербургскаго вокзала, затѣмъ, получивъ напутствіе кондуктора: „идите такъ, чтобы вправо отъ васъ было стадо“, двинулись лугомъ на фабрику. Въ положенномъ мѣстѣ взяли вправо, перешли мостъ черезъ рѣку и очутились на фабричномъ дворѣ. Множество любопытныхъ уставилось на насъ со всехъ сторонъ. На вопросъ, у кого надо просить позволенія осмотрѣть фабрику, одинъ изъ рабочихъ послалъ насъ въ контору. Депутатомъ, по обычаю, избранъ былъ отецъ духовникъ. Въ ожиданіи, пока онъ находитъ себѣ здѣсь новыхъ „друзей“, мы остановились въ тѣни аллеи маленькихъ деревьевъ и осматривали наружныя зданія фабрики. Предъ нами, по панели, расположенной около главныхъ корпусовъ, — непрерывное движеніе, нисколько не меньшее, чѣмъ на Невскомъ проспектѣ. Говорятъ, общее число фабричнаго населенія здѣсь достигаетъ семнадцати тысячъ.

Изъ конторы о. духовникъ выходитъ въ сопровожденіи изящнаго молодого человѣка, который будетъ насъ сопровождать во время осмотра. О духовникъ передалъ намъ предупрежденіе конторщика „дальше держаться отъ машины, когда пойдемъ по тропинкѣ между машинами“... „а то руку оторветъ“.

Входимъ въ зданіе фабрики и осматриваемъ одно за другимъ отдѣленія, гдѣ хлопокъ очищается отъ примѣсей, обращается въ холстины, въ тонкую нитку, гдѣ эта нитка обмакивается въ крахмалъ, наматывается на шпульки, гдѣ помѣщаются ткацкіе станки и машины.

Проходя въ послѣднемъ отдѣленіи, я спрашиваю своего спутника: „поняли-ли что нибудь?“ Отвѣчаетъ: „ничего не понял“. До такой степени быстрая, головокружительная и, повидимому, безсвязная работа, что не скажешь, гдѣ ей начало и гдѣ — конецъ. Еще труднѣе угадать гдѣ сердце механизма, который управляетъ сотнями ткацкихъ орудій и тысячами или десятками тысячъ челноковъ. Машинное отдѣленіе, гдѣ можно видѣть гигантскій размахъ колеса, производитъ подавляющее впечатлѣніе своимъ тупымъ, беспощаднымъ величіемъ. Ему все равно — этому колесу: знаменитый вельможа, ораторъ, художникъ, но если попался подъ размахъ, останутся однѣ лишь жалкія кости и, безъ сознанія совершеннаго поступка, безъ остановки, безъ оглядки назадъ, оно будетъ попрежнему страшно размахивать въ воздухѣ, пока не остановитъ топку мастеръ. Тяжелое, удручающее впечатлѣніе производятъ и люди, которые находятся подъ властью этой страшной силы. Это не пахарь освѣщаемый яркими лучами весенняго солнышка, не мальчикъ на бороньбѣ подъ лѣтнимъ частымъ дождикомъ и не жница въ полѣ, это собравшіеся въ звѣринцѣ зрители, которые стоятъ въ напряженной боязни, что вотъ — вотъ выскочитъ изъ клѣтки левъ и растерзаетъ ихъ вмѣстѣ съ костями. А какъ они внимательны, какъ ласковы съ бездушной машиной: вотъ среднихъ лѣтъ крестьянинъ гладитъ рукою проволоки громаднаго ткацкаго станка, ходитъ за нимъ взадъ и впередъ, методично, точно исполняя прихотливый капризъ. На лицѣ его написана тупая усталость и скука: не по силамъ ему это напряженіе. Но онъ знаетъ, что если хоть на минуту онъ ослабитъ энергію вниманія, машина сейчасъ же его разрубитъ въ куски. Вотъ — въ другомъ отдѣленіи, среди ужаснаго, стонущаго шума челноковъ, стоитъ женщина, бережно, ласково, будто охраняющая спящее любимое дитя, поправляетъ запутавшіяся нитки, вре-

менами и насъ рукой будто отстраняетъ отъ колыбели ребенка... но она внимательна потому, что малѣйшее прикосновеніе къ челнокамъ будетъ стоить обѣихъ рабочихъ рукъ. Вотъ и еще — главный мастеръ: онъ любитъ на исправную работу своей машины: стоитъ подбоченившись, взглядъ нѣсколько вкось, на лицѣ довольная полуулыбка. Здѣсь, пожалуй, есть и поэзія, насколько можетъ она быть безъ солнышка, въ душной камерѣ... И такъ всѣ тринадцать тысячъ, непрерывно день и ночь, по разнымъ смѣнамъ. Всѣ они только надсмотрщики надъ бездушнымъ механизмомъ; они только поправляютъ, что неладно соткано, но сами ничего не дѣлаютъ. — Громадная затрата энергіи вниманія и почти никакой работы мускуловъ требуетъ постоянного обновленія вещества мозга; отсюда — потребность алкоголя, отсюда же и развратъ и всѣ неурядица фабричной жизни. Да, какъ много значить свѣтъ солнышка, чистый воздухъ родного поля, свобода дѣйствій. Вотъ здѣсь, вѣдь, тоже прядетъ и тчетъ женщина, почти за такимъ же станкомъ, но... какая поразительная разница между деревенской и фабричной бабой: та здоровая, цвѣтушая, не смотря на голодъ, эта — испитая, блѣдная, отжившая.

А въ тактъ этимъ мыслямъ шумитъ машина, свиститъ и хлопаетъ, точно розги въ воздухѣ.

— Ну, это похуже нашего экзамена, замѣчаетъ юноша, направляясь къ выходу.

— Добровольная каторга! говоритъ на ходу другой, отмахиваясь отъ гнетущихъ впечатлѣній. Необходимо побывать на фабрикѣ, чтобы, если худо будетъ твое положеніе, знать, что бываютъ еще хуже..

Идемъ дальше къ древней церкви св. Іоанна Предтечи, вблизи фабричныхъ человѣколюбивыхъ сооруженій. На тринадцать тысячъ населенія здѣсь есть своя церковь, школа, театр... Но развѣ могутъ они, всѣ мѣстѣ, поправить тотъ колоссальный вредъ, который приноситъ населенію жизнь фабрики? Развѣ въ силахъ они остановить вырожденіе дальнѣйшихъ поколѣній подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій фабричной обстановки? Есть и больница при фабрикѣ. Она всего необходимѣй, особенно въ виду частыхъ шу-

токъ машины. Но больница поможетъ лишь въ случаѣ обнаруженія рѣзкихъ симптомовъ болѣзни, а излечить ту болѣзнь, которая не проявляется ни въ какихъ симптомахъ, но медленно, мало-по-малу подтачиваетъ организмъ — не могутъ и всѣ врачи въ мѣрѣ.

Мы уходили отсюда съ нерѣшеннымъ вопросомъ: стоятъ-ли всѣ украшенія, всѣ культурныя удобства — тѣхъ тысячъ жизней, которыя приносятся въ жертву идолу моды за этими стѣнами добровольнаго острога.

— Вотъ гдѣ нужна пастырская-то помощь!.. — замѣчаетъ мнѣ мой спутникъ. Но съ чего начнетъ здѣсь пастырь свою миссію? Какъ будетъ говорить объ идеалахъ жизни въ этомъ царствѣ духовной тьмы, гдѣ не блеснетъ ни одинъ лучъ солнышка? Эта жизнь далеко ушла отъ Христа и евангелія, — даже во внѣшней обстановкѣ: въ рабочихъ мастерскихъ мы не видѣли ни одной иконы. Каменистая почва: если и падетъ зерно, то оно вскорѣ засохнетъ...

Въ старинную церковь мы пришли во время ремонта. Еще издали слышенъ былъ крикъ рабочихъ: „Разъ — два, дружно! Бери! Еще, еще!“ Рабочіе разбирали кладку фундамента, вытаскивали изъ земли громадныя камни. Сторожъ, котораго мы разбудили отъ послѣобѣденнаго сна, съ вниманіемъ и предупредительностью, не хуже настоящаго археолога, ознакомилъ насъ съ достопримѣчательностями храма. Онъ обратилъ наше вниманіе на древнія царскія врата главнаго храма и придѣловъ, на икону Благовѣщенія Божіей Матери, съ изображеніями событій изъ ея жизни и на древнее изображеніе Іоанна Предтечи, съ крыльями. Постройка храма относится къ тому времени русской церковной жизни, когда еще былъ обычай у каждаго прихожанина молиться предъ своей иконой. Такихъ иконъ жителей Толчковской слободы здѣсь хранится цѣлый иконостасъ; между ними есть очень древнія. Въ заключеніе осмотра сторожъ указалъ намъ на трещины въ западной стѣнѣ храма, которыя были показаны министру финансовъ во время посѣщенія имъ Ярославля и были поводомъ для казенной ассигновки на перестройку.

Уже былъ третій часъ дня, когда мы, расписавшись въ

книгъ для посѣтителей, отправились въ обратный путь. Старались идти какъ можно прямѣе. При переходѣ черезъ Которосль по понтонному мосту уплатили каждый по одной копѣйкѣ за право перехода. Это тоже древній обычай. Теперь уже нѣтъ мостовъ, принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ.

Въ семинаріи о. ректоръ ожидалъ насъ обѣдать. Въ положенный часъ, по звонку, собрались всѣ въ столовой и, послѣ молитвы, стройно пропѣтой Самарскимъ хоромъ, о. ректоръ благословилъ трапезу. Обѣдъ былъ общій для руководителей и воспитанниковъ. Это уже совершенно по новому: старая школа не допускала такого близкаго общенія, и въ то время, когда въ этой комнатѣ обѣдали за ученическими столами нынѣшніе преподаватели Самарской семинаріи, учителя еще не снисходили до такого общенія съ своими учениками, — между той и другой стороною тогда еще была „утверждена великая пропасть“. Одною изъ руководителей, воспитывавшагося въ этой семинаріи, очень удивила перемена къ лучшему и въ содержаніи воспитанниковъ, судя по вывѣшенному на стѣнѣ росписанію. Не смотря на то, что съ тѣхъ поръ цѣны на продукты возвысились почти вдвое, а ассигновка осталась неизмѣнной, традиціонные „щи и каша“ замѣнены изысканными блюдами.

Оставшееся до вечера время руководители въ ректорской квартирѣ посвятили академическимъ воспоминаніямъ и общей, совмѣстной бесѣдѣ съ Самарскимъ о. ректоромъ, только что предъ тѣмъ возвратившимся съ Волги. Бесѣда заключена была фотографическимъ снимкомъ. Большинство воспитанниковъ на этотъ вечеръ были предоставлены самимъ себѣ и занялись осмотромъ города. Трое изъ нихъ, вмѣстѣ съ о. духовникомъ, провели время въ домѣ одного изъ преподавателей.

Къ восьми часамъ вечера всѣ собрались на берегу Волги. Въ ожиданіи отъѣзда размѣстились на пароходской конторкѣ, на трапѣ парохода, отправляющагося въ Рыбинскъ, и на лавочкахъ волжской набережной. Прибыль и о. ректоръ проводить своихъ гостей. Оставшимся до отъѣзда свободнымъ временемъ воспитанники воспользовались для покупки точеныхъ изъ дерева издѣлій,

Ихъ продавала на пристани старуха, которой вчера „самый на-
большой начальникъ нашъ“ (старшій преподаватель) велѣлъ
сегодня придти съ своимъ товаромъ. Торговля старухи шла бойко:
у ней раскупили весь запасъ. Менѣе успѣшно торговалъ газет-
чикъ. Уже не разъ онъ принимался съ искусственнымъ пафосомъ
докладывать, что у него есть газеты „Московскія, Петербургскія,
нѣмецкія“, не разъ заявлялъ, что „окончательно распродаетъ и
уѣзжаетъ“, не разъ возвращался назадъ, — торговля все не имѣла
желаннаго успѣха.

Наконецъ сверху пришелъ пароходъ „Зарубинъ“. Бросились
занимать каюты. Но ихъ такъ мало, а пассажировъ такъ много,
что только нѣкоторые могли рассчитывать на путешествіе въ от-
дѣльномъ помѣщеніи; большинство пока размѣстилось на общей
палубѣ, а были и такіе, которымъ и здѣсь не нашлось спальныхъ
мѣстъ. *Inde ira*. Возникъ вопросъ, кто имѣетъ право занимать
каюты, — тѣ-ли, кто раньше взялъ ключи въ конторѣ, или тѣ, кто
раньше занялъ ихъ (каюты оказались незапертыми). Это было
первое общее „раздѣленіе“. О. духовникъ старался уладить
дѣло и успокоить спорщиковъ. Прежде всего онъ обратился къ
капитану съ просьбой дать мѣста, хотя бы во второмъ классѣ,
и когда получилъ грубый отрицательный отвѣтъ, обратился къ
агенту. Въ контору агента его сопровождали и другіе руководи-
тели. Они сначала привели „историческую справку“ о томъ, какъ
предупредительны были съ нами въ Финляндіи, затѣмъ подробно
и обстоятельно изложили просьбу. П. И. Шарійскій, еще ранѣе
извѣстный одному изъ руководителей своей внимательностью къ
нуждамъ пассажировъ, поспѣшилъ потушить ссору: позвалъ капитана
и велѣлъ отдать намъ свободныя мѣста во второмъ классѣ.

6 іюля раннимъ утромъ пароходъ остановился въ Костромѣ.
Вставшіе съ восходомъ солнышка воспитанники успѣли побывать
въ соборѣ за ранней обѣдней и посѣтить памятникъ Сусанина.
Большинство же, утомленные дорогой, проспали до поздняго утра.

Дальше путь скучный и однообразный: каждый развлекаетъ себя
по своему, одни занимаются чтеніемъ книгъ, другіе „гоняютъ чай“,
младшіе — кормятъ птицъ небесныхъ. Цѣлой стаей летятъ чайки

за нашимъ пароходомъ и ловятъ въ воздухѣ куски хлѣба которые бросаютъ имъ наши юноши. Скормивъ весь хлѣбъ, бросаютъ одинъ за другимъ куски сахару, — чайка не ѣсть сахаръ, не привыкла къ роскоши. Тогда кто-то изъ пассажировъ беретъ палку и бросаетъ въ стаю. Птицы летятъ въ сторону и уже перестаютъ преслѣдовать нашъ пароходъ. Въ каютѣ развлекаетъ юношей оригинальной бесѣдой дѣдъ — спутникъ. По лицу онъ старообрядецъ, — „древняго письма“, какъ о немъ говорятъ воспитанники. Знаетъ Коновалова и слыхалъ бесѣды образцовыхъ миссіонеровъ. Удивляется нашему воздержанію: „И что это я второй день смотрю, никто у васъ не закуритъ, — табаку что-ли вамъ казеннаго не даютъ“.

Въ Семигорьи, въ лѣсу, во время остановки собирали землянику. Но командиръ парохода, не смотря на то, что о духовникъ постарался загладить вчерашнюю ссору примиреніемъ, не позволилъ воспользоваться удовольствіемъ отдыха. Даль первый свистокъ, за нимъ, ни секунды не медля, второй... Стремительно бросились наши путники изъ лѣсу, и едва успѣли добѣжать до пристани, какъ сразу же былъ данъ третій свистокъ. А послѣ третьяго пароходъ еще стоялъ нѣсколько минутъ.

Послѣ Плеса (это самое красивое мѣсто на Волгѣ) былъ устроенъ общій обѣдъ въ каютѣ второго класса. Всѣ одѣты по праздничному въ свѣтлые костюмы. День ясный. Настроеніе бодрое и жизнерадостное. Въ Кинешмѣ провожаемъ во Владимірскую губернію одного изъ восьми старость вмѣстѣ съ товарищемъ и поручаемъ имъ послать телеграмму въ Ярославль Ректору семинаріи. Телеграмма составлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Шлемъ привѣтъ, благодарность за радушный пріемъ. Многая лѣта. Самарскіе семинаристы“. Въ Юрьевцѣ, уже вечеромъ во время остановки, выходимъ на пароходскую пристань. Мальчишка бросается стрѣлой къ нашимъ путникамъ, съ булкой въ протянутой рукѣ. „Четыре копѣйки! Горячая!“ Затѣмъ оретъ во все горло: „Мягкія булки, горячія!“ Тутъ же нищій застылъ съ протянутой рукой въ ожидающей позѣ: — „Христа ради!“ Маленькія дѣти осаждаютъ бѣдную мать просьбой купить пряникъ. Избалованные дорожнымъ

комфортомъ воспитанники не довольны скуднымъ запасомъ провизіи, которая продается на пароходской пристани: требуютъ себѣ куръ и поросятъ... Баба торговка, разводя руками, съ сожалѣніемъ отвѣчаетъ:— „Бакалея есть, хлѣбъ есть, ягоды есть, а поросятъ нѣтъ“. Авва подаетъ роскошествующимъ примѣръ воздержанія: передаетъ своему спутнику серебряную монету и приказываетъ купить два огурца и фунтъ хлѣба.

Отъ станціи Юрьевецъ и далѣе, до Нижняго, начинается близость великаго дня прославленія преподобнаго Серафима Саровскаго. Болящіе, слѣпые, хромые со всѣхъ концовъ потянулись къ цѣлебному источнику. Которые могутъ — сами идутъ, которые не могутъ — тѣхъ на рукахъ несутъ. По водному пути всѣ *идутъ*: кто имѣетъ средства — платитъ за билетъ, но садятся на пароходъ и тѣ, кто не имѣетъ средствъ: сердобольный капитанъ не прогонитъ съ парохода больного человѣка, привезетъ его въ Нижній „Христовымъ именемъ“. Предъ нами ужасная, разрывающая сердце картина: старуха мать, съ трудомъ переводя дыханіе, несетъ на плечахъ больную дочь: держитъ ее за руки, а тѣло повисло на спинѣ старухи. Донесла свою дорогую, тяжелую ношу до лавочки и бережно опустила ее.

— Несла, несла, на-силу донесла, — говоритъ, глотая слезы, старуха и утирается грязнымъ платкомъ.

О. духовникъ подошелъ къ болящей, разговорилъ, какъ могъ, утѣшилъ ласковымъ словомъ. На ласку священника, какъ къ свѣту солнышка, устремились другіе — немощные и страждущіе: ближе всѣхъ встала женщина съ слабоумной дочерью.

— Благослови, батюшка! „Отецъ“ благословилъ и выслушалъ горькое сѣтованіе принесшей на плечахъ разслабленную.

— У нея — хоть ходить, а мою то вотъ носить надо, силъ нѣтъ... — опять плачетъ старуха.

Тяжелъ ты, крестъ русскаго человѣка! И не скажешь, который легче: тотъ-ли, который надо „на плечахъ нести“, или тотъ, который самъ по землѣ ходитъ... Или, можетъ быть, тотъ, который еще тяжелѣе, но котораго не видно за свѣтлой рясой священника или за изящнымъ костюмомъ интеллигента.

Въ этотъ моментъ всего больше сказался отказъ въ гостеприимствѣ Саровской обители. Не счесть и не описать никакими словами тѣхъ духовныхъ лишеній, которыя получили будущіе пастыри отъ невозможности видѣть лицомъ къ лицу великое, собравшееся у св. источника, всенародное русское горе. Что такое Валаамъ въ сравненіи съ этимъ урокомъ скорби и страданій?! Тамъ—мы почти и не видали подвига, тамъ многое казалось непривычнымъ мірскому взору, многіе труды и усилія оставались неоцѣненными, вызывали, быть можетъ, недоувѣріе, переоцѣнку, а здѣсь... здѣсь развѣ можно устоять предъ сильнѣйшимъ всякой логики впечатлѣніемъ, которое производитъ изсохшій, полуживой человѣкъ, съ язвами на лицѣ, на рукахъ, на всемъ тѣлѣ, съ гнойными ранами, съ нестерпимымъ смраднымъ запахомъ распространяющагося по всему тѣлу гніенія. Развѣ можно устоять предъ непобѣдимой логикой безисходной человѣческой печали, которая находитъ себѣ выраженіе въ горькихъ слезахъ и столахъ?!

Мы во время экскурсіи посѣтили десятки музеевъ, гдѣ собраны были древніе памятники и расположены въ надлежащей системѣ. Мы ѣхали тысячи верстъ для того, чтобы побывать въ этихъ музеяхъ. Но Саровская обитель 19 іюля 1903 года развѣ это не музей тоже, и притомъ рѣдкостный музей—человѣческой печали, собранный съ разныхъ концовъ Русской земли всего на 3—4 дня и отличающійся отъ другихъ тѣмъ, что онъ будетъ „разобранъ“ сразу же, какъ только минетъ извѣстный моментъ. Спѣши сюда, скорѣе спѣши будущій православный пастырь, учись здѣсь терпѣнію, готовься къ своей тяжелой крестной службѣ на этихъ примѣрахъ, на этихъ живыхъ лицахъ.

Тебѣ преподали богословскія науки, научили тебя логически мыслить, правильно, безъ ошибокъ, переводить иностранную рѣчь на русскій языкъ, наполнили твой умъ массою научныхъ свѣдѣній, но... научили-ли тебя страдать вмѣстѣ съ несчастнымъ, плакать вмѣстѣ съ плачущимъ, находить въ душѣ своей неподдѣльное слово утѣшенія тому, кто уже не видитъ отрады въ предѣлахъ этого міра?! Нѣтъ, не только не научили, но и ни разу тебѣ не показали людскихъ страданій, ни разу не заставили твое

сердце сильно биться при безисходномъ несчастіи другого. А, вѣдь, можетъ быть, ты, юноша, и великодушень отъ природы, можетъ быть, ты съумѣлъ бы и алчущаго напитать, и жаждущаго напоить, можетъ быть, въ одной палатѣ, гдѣ на холерѣ практикуется студентъ — медикъ пятаго курса, — можетъ быть, и ты пошелъ бы навстрѣчу смертельной опасности и не задумался бы положить жизнь свою за наслажденіе утѣшить неисцѣльно больного... Пожалѣла, бы потужила бы объ этомъ тогда вѣрующая твоя мать, но и она утѣшилась бы сознаниемъ, что ты, Христовъ работникъ, въ дому Отца Его имѣешь святую обитель. Можетъ быть, если-бы показать тебѣ поле битвы и военный лазаретъ, трепетно забилося бы твое восторженное сердце и, вмѣстѣ съ сестрою милосердія, ты бросился бы помогать несчастнымъ, „отирать кровавыя раны на жестоцѣмъ тѣлѣ“ и не изъ книги только, а изъ самаго сердца своего сказалъ бы въ утѣшеніе Слово Евангелія. И, можетъ быть, цѣлую ночь, до утра, не смыкая глазъ, дѣлалъ бы это святое дѣло и забылъ бы обо всемъ: о радости и счастья міра, о большихъ окладахъ, наградахъ и чинахъ, объ іерархическихъ преимуществахъ.

Дала-ли тебѣ, будущій пастырь, школа твоя испытать это святое чувство небеснаго восторга, когда душа твоя юная, быть можетъ увлекающаяся и грѣшная, прикасалась бы краемъ ризы своей мірамъ инымъ и забывала бы о богатствѣ, о почетѣ и счастья? Ей! если бы нашелся когда-нибудь премудрый педагогъ — схимникъ монастыря или директоръ военнаго лазарета, который бы далъ тебѣ извѣдать это святое счастье, ты не сталъ бы такъ утонченно и меркантильно разсуждать, не пошелъ бы на другую дорогу, а остался на томъ узкомъ и тернистомъ пути, по которому шли твой дѣдъ и отецъ. А если тебя все еще манитъ другой тоже не менѣе тернистый свѣтскій путь, то не потому, что тамъ лучше живется, а потому, что оскудѣло вдохновеніемъ твое родное гнѣздо что и родные твои, и учителя твои, и воспитатели забыли показать тебѣ цѣлое море страданій и слезъ; оттого, что, развивая твой умъ, они не научили тебя проводить скучную, безсонную ночь у постели больного, оттого, что не передали тебѣ

огня святого вдохновенія, не дали тебѣ случая пережить общее увлеченіе добрымъ дѣломъ. Тысячи и тысячи тысячъ разъ не дали тебѣ понять той силы, которая когда-то веда святыхъ мучениковъ ко Христу черезъ кровь и огонь, черезъ пытки и колесованія, чрезъ многолѣтній отшельнической созерцательный подвигъ. И до тѣхъ поръ, пока не будетъ внесена эта струя „живой воды“, при которой незамѣтенъ голодъ и жажда, до тѣхъ поръ не наступитъ время выхода изъ школы самоотверженныхъ пастырей. Жертвовать за вдохновеніе, даже въ обыденной жизни, платить плату за театръ и вино согласны многіе почти всѣ, но кто пожертвуетъ жизнью за избавленіе отъ тоски жизни, отъ неумѣнья отыскать себѣ иную основу, кромѣ скучнаго матеріальнаго благополучія?..

Но гдѣ же — скажутъ — взять этихъ случаевъ войны, этихъ эпидемій, этихъ временныхъ „музеевъ“ для подготовки пастырей? Гдѣ взять? — Я не знаю, но знаетъ объ этомъ лучше меня сопровождавшій насъ на монетномъ дворѣ счетчикъ рабочій, который говорилъ, что будущимъ священникамъ въ Саровѣ должно быть отведено первое мѣсто, — не въ смыслѣ, конечно, лучшихъ помѣщеній, а въ томъ, чтобы во-очію, въ одинъ — два дня видѣть религиозную жизнь Россіи, страдать ея страданіями, молиться съ нею ея общей молитвой. И непременно тутъ, у источника, въ баракахъ, за стѣнами монастыря, гдѣ просится на полотно человѣческое горе, гдѣ льются слезы умиленія и радостной надежды.

Нѣтъ, не объ „обремененіи обители“ тутъ рѣчь, а о новомъ и продолжительномъ возжиганіи огня, который — начинаетъ гаснуть...

Въ группѣ стоитъ „счастливая женщина“. Она получила все отъ жизни: „къ чему стремилась, то и далъ Господь“. Тоже — подходитъ къ духовнику и проситъ благословенія и „книжечки почитать“. „Отець“ передаетъ ей житіе преподобнаго Серафима.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПО СЪВЕРНОЙ РОССИИ.

Дневникъ воспитанниковъ Самарской Духовной Семинаріи за время лѣтней поѣздки 1903 года.

(Окончаніе).

7 июля. Скоро Нижній. Утро открывается зрѣлищемъ печальной катастрофы на пароходѣ „Петръ Первый“. На мѣстѣ затонувшаго судна стоитъ бѣлый баканъ, нѣсколько въ сторону, двѣ громадныя баржи а на берегу — приспособленія для подъема утонувшаго парохода. На разстояніи пятидесяти сажень отъ мѣста катастрофы, на берегу, среди зелени, курится дымокъ, а ниже — почти около самой воды, стоятъ на половину покрытые брезентомъ, двадцать два гроба. Страшное зрѣлище!.. Мѣсто пустынное. Гдѣ-то недалеко рѣчка Линда, извѣстная по рассказамъ Печерскаго, во всю ширь прибрежнаго луга растянулись покосы.

Картина смерти раздражаетъ пассажировъ. Съ озлобленіемъ, съ искрами въ глазахъ, подступаетъ одинъ изъ нихъ къ ни въ чемъ не повинному матросу нашего парохода и готовъ избить его за вину другихъ. Во всю палубу идутъ страшные рассказы о гибели людей, во время катастрофы: о капитанѣ, который предоставилъ на выборъ пассажирамъ утонуть или сгорѣть („бро- сишься съ кормы: ярь — утонешь, до носа не дойдешь — тамъ огонь“), о томъ, какъ ежедневно изъ воды выплываютъ трупы настолько изуродованными, что ихъ невозможно узнать. Перетол- коваются на разные лады газетныя извѣстія, комментируются, дополняются. „Возъ растетъ“... Озлобленіе умѣряется необходи- мостью укладываться и уходить съ парохода.

На горѣ, умытый утренней росой, красуется Нижній Золо- тыя главы храмовъ горять на солнцѣ; среди зеленого фона са- довъ бѣлѣютъ заново отдѣланныя зданія. Долго всматривается безпокойный взоръ бывалаго путника въ эту панораму раскинув- шихся по склону горы роскошныхъ зданій и старается уловить знакомыя черты. По мѣрѣ умственныхъ усилій возрастаетъ без- покойство... Наконецъ, затуманенная думой, проясняется мысль: — это — *Кіевъ на Волгѣ*. Историческая справка подтверждаетъ

догадку. Нижній основанъ однимъ изъ тѣхъ князей, которыхъ загнала сюда неволя. Воспитанные въ Кіевѣ, они всю жизнь свою не могли забыть родного города,—и естественно все, что видѣли знакомаго, старались окрестить родными именами. Они создали Печерскій монастырь, при тѣхъ же топографическихъ условіяхъ, что и Печерская Лавра; маленькую рѣчку, о которой теперь осталось одно только воспоминаніе (на Малой Покровкѣ), назвали Почайной, наконецъ основали городъ на такихъ же холмахъ, какъ и Кіевъ. Зарѣчье Оки и мѣсто ярмарки дополняетъ сходство съ Подоломъ... Такъ и по прошествіи многихъ лѣтъ, все еще памятна тоска по родинѣ, которую испытывали на дикомъ, пустынномъ сѣверѣ князя—переселенцы... Если бы могли они встать изъ могилы, не поѣхали бы они теперь въ Кіевъ: такъ привѣтливъ, такъ красивъ выросъ основанный ими новый городъ. Да и нечего теперь дѣлать въ Кіевѣ: русская жизнь новой волной отливаетъ на востокъ, по Камъ, за Уралъ, въ Сибирь. Туда теперь идутъ, вмѣстѣ съ переселенцами, великорусскія и малорусскія родныя имена. И надо сознаться, что при лучшихъ, чѣмъ во времена князя Юрія, условіяхъ идетъ переселеніе: вотъ — около Сибирской пристани — стоитъ переселенческая барка, вотъ большіе камскіе пароходы, на которыхъ ѣдутъ искать новыхъ земель болѣе состоятельныя семьи. А вотъ и волжскіе пароходы, оттѣненные высокимъ берегомъ — „Кавказъ и Меркурій“, „Самолетъ“, „Общества по Волгѣ“. Развѣ можно ихъ сравнять съ ладьями временъ князя Владиміра?

По выходѣ съ пристани, на Нижнемъ Базарѣ насъ встрѣтилъ квартальный и опросилъ, „кто, куда и сколько?“ Сообщивъ требуемыя свѣдѣнія, дружно взбираемся въ гору „на собственномъ элеваторѣ“. Въ садикѣ на набережной дали себѣ нѣсколько минутъ отдыха, любовались въ бинокль очаровательной окрестностью Зарѣчья и затѣмъ прошли въ соборъ — поклониться гробницѣ Минина. Такъ какъ двери собора и склепа не были заперты, то мы спустились внизъ безъ всякаго разрѣшенія, что вызвало непритворный гнѣвъ соборнаго сторожа, получившаго передъ тѣмъ отъ іереевъ своихъ наставленіе никого не пу-

скать безъ доклада. Рядомъ съ гробницей Минина, предъ которой уже вторично молились въ этотъ разъ Самарскіе экскурсанты, почиваетъ Преосвященный Владиміръ, бывшій ректоръ Самарской духовной семинаріи, учившій отцовъ нынѣшнихъ воспитанниковъ. „Внуки“ встали въ кругъ около могилы дѣда и дружно спѣли ему „вѣчную память“. Затѣмъ перешли къ гробницамъ князей Нижегородскихъ XIV и XV вѣковъ. Сторожъ посвѣтилъ намъ разобратъ ихъ имена: Константинъ Васильевичъ, Іоаннъ Дмитріевичъ, Василій Дмитріевичъ, Андрей Константиновичъ. Въ Кафедральномъ соборѣ доселѣ хранятся святыя иконы ихъ времени. Это все, что уцѣлѣло отъ глубокой древности переходной эпохи отъ Кіевской къ Суздальской Руси.

Поклонившись святынямъ собора, мы прошли въ Духовную семинарію. Здѣсь насъ ожидало то же радушіе и образцовое гостепріимство, что и четыре года тому назадъ. О. ректоръ распорядился встрѣтить насъ еще на пути, а когда мы пришли въ семинарію, уже все было приготовлено для нашей остановки. Воспитанники были предоставлены вниманію г. эконома, а судьбою руководителей озаботился самъ о. ректоръ, при помощи двухъ сыновей своихъ, одинъ изъ которыхъ намъ знакомъ былъ еще по прежней экскурсіи. Тѣмъ и другимъ, съ дороги, предложенъ былъ чай, а затѣмъ всѣ были предоставлены самимъ себѣ до двухъ часовъ. Партія, въ которой былъ пишущій эти строки, прошла вдоль города по Покровской улицѣ и, выйдя на высокую набережную Оки, долго любовалась на открывающійся вдаль необъятный горизонтъ. Остальные занялись осмотромъ города и, по желанію всѣхъ воспитанниковъ, снарядили особую комиссію для покупки подарка о. духовнику.

Послѣ обѣда руководители представили экскурсантовъ о. ректору. Поздоровавшись съ ними и освѣдомившись, что полезнаго извлекли изъ путешествія, о. ректоръ благословилъ каждого изъ нихъ и для всякаго нашелъ внимательное, ласковое слово. Воспитанники благодарили гостепріимнаго хозяина пѣніемъ „многая лѣта“.

День законченъ былъ осмотромъ семинарскихъ зданій. Всю-

ду чистота и порядокъ. На всемъ видна рука опытнаго администратора, которая, начиная съ мелочей внѣшней обстановки и кончая внутренней жизнью учебнаго заведенія, даетъ возможность Нижегородской семинаріи занимать одно изъ первыхъ мѣстъ по своимъ ежегоднымъ выпускамъ лучшихъ студентовъ. Осмотръ закончили общимъ фотографическимъ снимкомъ представителей Самарской и Нижегородской семинарій.

Простившись съ хозяевами, поспѣшили къ пароходу. О. ректоръ удостоилъ экскурсію чести проводить на пристань. Воспитанники имѣли случай еще разъ выразить уваженіе извѣстному педагогу, — чествовали его во время отхода парохода продолжительнымъ пребываніемъ на трапѣ съ непокрытыми головами.

Выѣхали изъ Нижняго подъ звонъ колоколовъ, возвѣщающихъ начало службы наканунѣ праздника Казанской Божіей Матери. Собираемся и мы, съ разрѣшенія командира, помолиться Богу. Мѣстомъ службы была избрана общая каюта второго класса. Вмѣсто колокола посланъ былъ вѣстовщикъ: „Господа, ко всенощной“. Услышавъ о нашемъ добромъ намѣреніи, пришли въ каюту и другіе пассажиры. Было завѣшано зеркало бѣлой скатертью, на столѣ были утверждены св. иконы. Лампады и свѣчи намъ замѣнило заходящее солнце. Отецъ ректоръ всталъ впереди и, помолившись, положилъ обычный началъ: „Слава святѣй, единосущнѣй, животворящей и нераздѣльнѣй Троицѣ“. Хоръ воспитанниковъ отвѣчалъ: „Аминь. Благослови, душе моя, Господа“. Народу стало набираться въ каюту и близлежащій корридоръ все больше и больше; богобоязненные женщины принесли съ собою малыхъ дѣтей; вмѣстѣ съ женами пришли и мужья. Преподаватель литургики исполнялъ обязанности уставщика и канонарха; дѣти его были чтецами. На ектеніи молились о здравіи Преосвященнаго Гурія Самарскаго, хотя пароходъ ѣхалъ въ Нижегородской епархіи; послѣ прошенія „о плавающихъ, путешествующихъ“ была вставлена молитва о благополучномъ возвращеніи. При мысли о недавней Волжской катастрофѣ, крѣпче сжималась рука пассажировъ для крестнаго знаменія, горячѣе и одушевленнѣе становилась молитва. Когда хоръ со всеусердіемъ и одушевленіемъ началъ

пѣть „Заступнице усердная“, большинство богомольцевъ, особенно женщины, преклонили колѣна. Плескъ волнъ сопровождалъ пѣнію молодыхъ голосовъ; золотомъ падали лучи заходящаго солнца и, отражаясь, играли на крестѣ о. ректора, блестяли въ одушевленныхъ взорахъ пѣвчихъ и дѣлали краше ихъ будничныя одежды. Обычно шла всеобщая. По мѣрѣ продолжительности молитвы, возрастало вдохновеніе юношей. Незримыми силами оно передавалось стоявшимъ вмѣстѣ съ нами богомольцамъ. При возгласѣ предстоящаго: „Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ“ блеснулъ и погасъ послѣдній лучъ солнышка. Начинало темнѣть. Одинъ изъ пассажировъ отомкнулъ электрическія кнопки и мягкой, ласкающей свѣтъ разлился по комнатѣ. Засвѣтились одушевленіемъ лица богомольцевъ, еще стройнѣе и проникновеннѣе пѣли пѣвцы конецъ службы. Послѣдняя молитва была Божіей Матери: „Взбранной воеводѣ“.

По окончаніи всеобщей, уже въ виду знаменитаго Керженца и Макарьева Желтоводскаго монастыря, о. ректоръ обратился къ предстоявшимъ съ одушевленнымъ словомъ: „Приближаемся къ столицѣ царства татарскаго. На берегахъ Поволжья, въ предѣлы котораго мы вступаемъ, нѣкогда господствовали воинственные набѣдники татары. Въ населенныхъ пунктахъ высоко поднимались полумѣсяцы, вѣнчавшіе мусульманскія мечети. Много бѣдъ мирному населенію русской земли причиняло своими набѣгами и грабежами постоянно внутри и совнѣ спокойное Казанское царство. Тысячи и даже десятки тысячъ русскихъ христіанъ плѣнниковъ томились въ тяжелой неволѣ у невѣрныхъ. Неоднократныя попытки русскихъ Великихъ князей смирить непокойныхъ сосѣдей закончились полнымъ разгромомъ Казани при Іоаннѣ IV Васильевичѣ Грозномъ. Мѣсто полумѣсяца занялъ крестъ, русскіе невольники были освобождены, инородцы, подчиненные Казани, приняли русское подданство. Обширныя земли татарскаго царства съ разноплеменнымъ населеніемъ вошли въ составъ нашего отечества. Для прикрѣпленія ихъ къ Россіи и объединенія съ нею употреблялась та же сила, которая и вообще способствовала образованію и развитію единого государства, объединившаго въ себѣ многочисленныя славянскія и финскія племена, это — вѣра православная. Она насаждается и въ

новоприсоединенной странѣ. Цѣлое поколѣніе архипастырей—миссіонеровъ трудится здѣсь. Съ просвѣщеніемъ Казанскаго края неразрывно связываются имена святителей Казанскаго Гурія, Варсоноія, Германа и Гермогена. Труды ихъ были изумительны; самоотверженіе чрезвычайное, но и препятствія, которыя они встрѣчали со стороны мусульманскаго фанатизма и преданности вѣрѣ отцовъ, тоже были велики. Самъ Господь приходитъ на помощь своимъ работникамъ. Въ Казани, по особому откровенію, находятъ въ землѣ икону Богоматери. Христіане въ этомъ увидѣли особое проявленіе благоволенія Божія къ нимъ, живущимъ въ странѣ невѣрной. Съ особенной вѣрой предъ этой иконой стали они искать себѣ помощи у Бога по предстательству Богоматери. Многочисленные чудеса стали совершаться по вѣрѣ входящихъ. Молва о нихъ широко разносилась по Поволжью. Нехристіане въ чудесахъ, совершавшихся предъ иконами, должны были видѣть очевидное подтвержденіе истины вѣры православной. Они убѣждались ими и крестились. Благодатная помощь возполняла усилія служителей Церкви, христіанство утверждалось и крѣпло, такъ что чрезъ пятьдесятъ лѣтъ по присоединеніи Казани, въ тяжкое время междуцарствія Казанское ополченіе на ряду съ ополченіями старорусскихъ городовъ идетъ въ Москву, чтобы здѣсь постоять за вѣру православную, за Московскихъ чудотворцевъ, за русскую землю.

Нынѣ на берегахъ Волги, входившихъ въ составъ царства Казанскаго, мы видимъ красующіеся, увѣнчанные крестами храмы Божіи. Только существующіе еще по мѣстамъ мечети мусульманскія напоминаютъ о той борьбѣ, которую пришлось и приходится еще вести христіанству съ магометанствомъ.

Такъ совершалось дѣло Божіе и утверждалась вѣра Христова въ землѣ Казанской. Такъ всюду и всегда совершалось оно и совершается. Люди—работники Божьи, служители Церкви употребляютъ усилія, прилагаютъ стараніе, отдають дѣлу утвержденія на землѣ царства Божія свои таланты, а Господь, когда нужно и потребно, Своею всемогущей силою устрояетъ благой результатъ ихъ дѣятельности.

Помните это и вы, призванные обстоятельствами вашего рожденія и воспитанія, подготавливаемые школьнымъ образованіемъ будущіе тоже Божьи работники. Ваше дѣло будетъ трудиться, трудиться и трудиться, сколько есть силъ и умѣнья, для утвержденія на землѣ царства Божіа. Препятствій не устрашайтесь, плодами своей дѣятельности не смущайтесь. Наше дѣло сѣять и поливать, а благопотребный плодъ возвращать—это дѣло Бога Промыслителя. Одного только нужно бояться, чтобы кому нибудь изъ насъ, отказавшемуся отъ дѣла Божьяго, скрывшему талантъ не пришлось услышать непріятнаго, но праведнаго рѣшенія: возьмите у него талантъ и дайте имѣющему десять талантовъ, ибо всякому имѣющему дастся и приумножится, а у неимѣющаго отнимется и то, что имѣеть; а негоднаго раба выбросьте во тьму внѣшнюю, тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ.“ (Мто. XXV, 28—30).

Послѣ этой рѣчи всталъ предъ столомъ одинъ изъ сопровождавшихъ экскурсію преподавателей, Е. Е. С., и сказалъ слѣдующее. „Къ Вамъ теперь слово, многоуважаемый батюшка, Александръ Константиновичъ! Истекаетъ мѣсяць совмѣстнаго съ Вами нашего путешествія. Мы уже заканчиваемъ его и чувствуемъ себя почти какъ дома. Мысленнымъ взоромъ обозрѣвая недавнее прошлое, мы не можемъ не отмѣтить Вашихъ заботъ и хлопотливыхъ услугъ, какими пользовались мы во время странствованія. Всѣ они клонились къ тому, чтобы, при наименьшихъ затратахъ, устроить поѣздку нашу возможно полезной, удобной и спокойной. Благодаря Вашей неусышной энергіи, Вы достигали желанныхъ успѣховъ. Разнообразно было наше путешествіе, а потому разнообразны и условія его благополучія.—Мы плавали на разныхъ—удобныхъ и неудобныхъ—пароходахъ; ѣздили по различнымъ желѣзнымъ дорогамъ; даже были въ странѣ, гдѣ не только люди и нравы иные, гдѣ и языкъ свой и свои денежные знаки. Въ такой странѣ особенно затруднительно благополучное путешествіе. Не смотря на то, Вы всюду съ честью преодолевали всѣ препятствія и доставляли намъ покой: за Вами мы были, какъ за каменной горой. И многотрудный подвигъ для насъ становился удовольствіемъ.

Движимые чувствомъ искренней благодарности къ Вамъ за

понесенные труды ради нашего благополучія, мы — всѣ Ваши спутники — просимъ Васъ принять и возложить на себя эту золотую цѣпочку для часовъ (при этихъ словахъ завернутая цѣпь открывается). Напоминая о нашихъ чувствахъ, пусть служить она и видимымъ знакомъ нашей крѣпкой связи съ Вами. Пропоемъ-те, г. г., нашему многоуважаемому батюшкѣ Александру Константиновичу многая лѣта!“

Дружно, громко грянулъ хоръ юношей „Многая лѣта“, трижды, съ возрастающимъ одушевленіемъ.

О. духовникъ былъ застигнутъ въ расплохъ: командовавший и повелѣвавший въ самыя критическія минуты путешествія, и не только повелѣвавший, но и настаивавший на своихъ распоряженіяхъ, онъ на этотъ разъ растерялся какъ беспомощное малое дитя, и „началъ оправдываться“.

— „Если я участвовалъ въ путешествіи, то я долженъ былъ это дѣлать, также и беречь ваши деньги. А если сберегъ чтонибудь, то благодарите за это о. ректора: онъ исходатайствовалъ вамъ бесплатную остановку въ Петербургской семинаріи и на Валаамѣ...“ Встрѣчавшій много слушателей на своемъ вѣку пишущій эти строки, не видалъ болѣе внимательной аудиторіи. Не важно было юношамъ, что скажетъ хлопотливый руководитель, а важно сознаніе счастья только что сдѣланнаго добраго дѣла. Не скажешь, кто болѣе доволенъ: ребенокъ, получившій ко дню ангела дорогую игрушку, или мать, которая сдѣлала этотъ подарокъ.

Всенощная служба смѣнилась душевной бесѣдой. Бойкіе, не всегда сговорчивые, часто критически настроенные юноши притихли, сдѣлались мягче, откровеннѣе. На трапѣ парохода группа руководителей и воспитанниковъ дѣлилась впечатлѣніями по поводу только что оконченной молитвы и службы, отправленной не по Типикону. О. ректоръ рассказываетъ старшимъ о петербургскомъ обычаѣ сокращенной „службы въ пути“. Маленькіе воспитанники стараются не проронить ни одного слова...

Смотрю на нихъ и гадаю о будущемъ. Выростутъ большіе эти внимательные слушатели ректорской рѣчи, вспомнятъ паро-

ходскую всенощную въ непривычной, упрощенной обстановкѣ, безъ свѣчей и лампадъ, съ участіемъ одной лишь души вѣрующей, и сами научатъ свою паству „непрестанно молиться“. Некогда крестьянамъ идти въ церковь, самъ придетъ къ нимъ пастырь наканунѣ праздника, отслужитъ всенощную, побесѣдуетъ съ ними въ предпраздничный вечеръ... И всѣ спасутся: и священникъ, который молитвенно достигнетъ райскихъ селеній, и крестьянинъ, который почти вещественно ощутитъ на себѣ благословеніе пастыря.

8 июля утро. Напряженная умственная работа, употребленная на переработку новыхъ впечатлѣній, понизила воспріимчивость до *minimum*'а. Какъ во снѣ, стучитъ пароходская машина, одинъ береговой ландшафтъ смѣняется другимъ, — ничто не удивляетъ, ничто не волнуетъ. Большая часть юношей спятъ, съ нѣкоторыми перерывами, цѣлое утро.

Одинъ за другимъ минуемъ города Косьмодемьянскъ и Чебоксары; въ сторонѣ остается Свіяжскъ, знаменитый своими старинными церквами и монастырями.

Близко Казань. Выше и выше становятся горы по правую сторону Волги. Изъ-за лѣса, за нѣсколько верстъ виднѣется столица бывшаго Казанскаго царства. По мѣрѣ приближенія къ ней, все яснѣе и яснѣе начинаютъ обозначаться очертанія города, пока, наконецъ, его совсѣмъ не закрываетъ пригородная слобода, вблизи которой расположены пароходскія пристани.

Производится обычная процедура съ вещами. На этотъ разъ намъ приказчикъ отводитъ цѣлую половину товарнаго лабаза. Здѣсь складываемъ свои пожитки и отправляемся въ двѣ партіи на конкѣ въ городъ.

Казань сегодня именинница. На лицахъ многихъ обывателей написано „веселіе веліе“; даже самыя зданія стали какъ-то чище и привѣтливѣе.

Нашъ вагонъ остановился на Большой Проломной улицѣ. Оставалось до семинаріи только подняться въ гору. Обычное удивленіе публики насъ сопровождаетъ всюду. На этотъ разъ зазѣвались на насъ мужики толкучаго рынка. Одинъ изъ нихъ

долго смотрѣлъ на нашу группу и наконецъ не воздержался отъ замѣчанія:

— „Куда это вы, на Китай что ли собрались воевать?“

Въ семинарію, въ виду неувѣреннаго отвѣта на наше ходатайство, входили съ нѣкоторымъ смущеніемъ. Открывавшій путь первой группы преподаватель счелъ за лучшее сначала узнать „положеніе дѣлъ“. По счастью о. ректоръ долго искать себя не заставилъ: онъ на семинарскомъ дворѣ занимался вмѣстѣ съ о. экономомъ какими-то хозяйственными соображеніями. Откланялись ему и попросили позволенія остановиться на ночлегъ. О. ректоръ былъ такъ радушенъ, что самъ проводилъ насъ по зданію и показалъ помѣщеніе. Вслѣдъ за первой группой пришла и вторая, уже по готовымъ слѣдамъ.

Мы находились въ самыхъ незавидныхъ условіяхъ относительно остановки. Вмѣстѣ съ нами были въ семинаріи курсисты, учителя церковно-приходскихъ школъ, да, кромѣ того еще, воспитанники Курской семинаріи. Наша компанія поражала своимъ количествомъ. Тѣмъ не менѣе опытный о. экономъ сумѣлъ выйти изъ своего затруднительнаго положенія: не только отвелъ намъ по койкѣ, но и накормилъ ужиномъ.

Ужинали вмѣстѣ обѣ семинаріи Курская и Самарская, руководители за однимъ столомъ съ воспитанниками. Послѣ ужина общими силами пѣли молитву. Хоръ громадный, свыше семидесяти человѣкъ. На первыхъ порахъ все шло хорошо и стройно, не было даже замѣтно разницы мѣстныхъ напѣвовъ. Но вотъ дошли до „Благочестивѣйшаго...“ Уже помянули Святѣйшій Правительствующій Синодъ, Высокопреосвященнѣйшаго Димитрія, Архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго, и далѣе начали пѣть „и Господина нашего“.. На этомъ мѣстѣ наши пѣвцы на моментъ остановились, желая предоставить курскимъ помянуть своего архіерея. Тѣ замедлили. Тогда мы всѣ со всеусердіемъ возгласили „Преосвященнѣйшаго Гурія, Епископа Самарскаго и Ставропольскаго“ и Курскіе семинаристы, не успѣвши очнуться, тоже вмѣстѣ съ нами пропѣли „Преосвященнѣйшаго Гурія, Епископа Самарскаго“.

Послѣ ужина руководившій партіей Курскихъ экскурсантовъ

помощникъ инспектора долго бесѣдовалъ съ нашими руководителями, а воспитанники семинарій—съ о духовникомъ и другъ съ другомъ. Въ оживленной бесѣдѣ молодежи замѣтны были особенности приволжскаго и малороссійскаго акцента. — Оставшійся вечеръ, когда Курскіе ученики уже ушли спать, наши воспитанники, особенно кончающіе курсъ, провели въ обществѣ учителей церковно-приходскихъ школъ, спрашивая ихъ объ условіяхъ учительской жизни. О. духовникъ, не смотря на поздній часъ, отправился на почту и послалъ телеграмму на имя „Самарской Газеты“: „Воспитанники Самарской духовной семинаріи возвратятся 10 іюля вечеромъ на пароходъ „Миссури“. Всѣ здоровы“.

9 іюля — осмотръ Казани. Въ теченіе дня, да еще послѣ тридцатидневнаго утомительнаго путешествія, только и можно было осмотрѣть городъ съ птичьяго полета. Подробности, вопросы исторической жизни и второстепенныя достопримѣчательности были отложены до другого раза, а для будущихъ студентовъ Казанской духовной академіи (которые, несомнѣнно, были въ нашей толпѣ, такъ какъ она состояла преимущественно изъ лучшихъ учениковъ), — до того времени, когда они уже пріѣдутъ сюда послѣ окончанія курса.

Осмотръ начали съ Каѳедрального собора. Здѣсь поклонились мощамъ святителя Гурія и долго разсматривали митру и облаченіе святителя. Затѣмъ посѣтили гробницы почившихъ Казанскихъ Архипастырей — Антонія и Павла.

Очень заинтересовала юношество башня Сюмбеки. Нѣкоторые имѣли смѣлость по ней взобраться на самый верхній ярусъ. Менѣе смѣлые ограничились двумя — тремя пролетами. Предъ башней, на лужайкѣ, подъ тѣнью акацій, обращалъ на себя вниманіе старый татаринъ, пѣвшій священные гимны. Иногда онъ смѣнялъ пѣніе быстрымъ речитативомъ, затѣмъ совсѣмъ умолкалъ и творилъ тайную молитву. Кто знаетъ, быть можетъ это было религиозное воспоминаніе о старой Казани, о цвѣтущемъ бывшемъ когда то здѣсь ханскомъ царствѣ... А вдали открывался несравненный видъ на Волгу, на зарѣчье, на горы, на новый городъ

и новую жизнь, въ которой осталось лишь одно слабое воспоминаніе о старинномъ царствѣ Казанскомъ.

Далѣе мы прошли поклониться св. Варсонофію въ Спасскій монастырь. Здѣсь пробыли всего нѣсколько минутъ; между прочимъ, заходили въ часовню, гдѣ были обрѣтены мощи святителя.

Изъ Кремля всей партіей держали путь въ Казанскій монастырь. Величественные храмы и на другой день праздника хранили праздничный видъ: всюду чистота и убранство, какъ можетъ быть только въ благоустроенномъ женскомъ монастырѣ. Вчера, въ этомъ громадномъ соборѣ, предъ всей Казанью, собравшейся на праздничную позднюю литургію, съ замѣчательнымъ одушевленіемъ и краснорѣчіемъ говорилъ проповѣдь бывшій знаменитый Кіевскій профессоръ, Архіепископъ Димитрій. Разказывали о ней съ такимъ восторгомъ, что, казалось, она все еще не смолкла подъ этими свѣтлыми сводами...

При насъ монахини начали пѣть литургію. Предъ началомъ службы мы приложились къ чудотворному образу Казанской иконы Божіей Матери. Народу за службой было очень мало. Мы были почти единственными богомольцами.

Въ концѣ литургіи перешли къ памятнику Державина, Лобачевского, прошли мимо университета и посѣтили городской музей. На этотъ разъ, послѣ Петербурга и Москвы, насъ трудно уже было удивить диковинными рѣдкостями, сохранившимися отъ временъ древнихъ. Но зато, какъ отраженіе современной жизни, музей далъ намъ полное удовлетвореніе. Мы съ удовольствіемъ разсматривали модели зданій Казанско-Вятскаго края, образцы ремесленныхъ произведеній и кустарныхъ издѣлій.

Въ двѣнадцать часовъ дня корридоръ Казанской семинаріи напоминалъ собою контору какого-нибудь завода или фабрики. Участвовавшіе въ экскурсіи получали „остаточныя суммы“. Касса устроена на окнѣ. Тутъ же разложены серебряныя и мѣдныя деньги. Каждый подходитъ къ окну, ожидаетъ своей очереди, получаетъ нѣсколько монетъ и соображаетъ затѣмъ, какое — самое лучшее — дать имъ назначеніе: Казань — послѣдній городъ, гдѣ можно „протереть глаза“ этимъ деньгамъ.

Вечеромъ на пароходской пристани ожидаемъ парохода. Уже часъ и болѣе ждемъ. Успѣли проводить на камскомъ пароходѣ старшихъ преподавателей, отправившихся въ Елабугу. Отъ нечего дѣлать скупаемъ на пристани гнилые продукты съ убыткомъ для продавца „по пятнадцати копѣекъ отъ фунта“. Продавецъ нахваливаетъ свои товары: „икра какъ брилліантъ: продаемъ пятакъ, покупаемъ двугривенный. Нельзя барыша не взять: на томъ живемъ: хлѣбъ ѣдимъ, да еще и того... и чай пьемъ“.

— Вы куда изволите путь держать?

— Въ Самару.

Дай Господи всего хорошаго!..

Не менѣе успѣшно идетъ торговля и на нижней пристани. Татары, продавцы туфель и проволочныхъ корзинокъ могли на этотъ разъ похвалиться своей выручкой... Уже темнѣетъ. Вечеръ холодный и ясный. На берегу мало-по-малу собирается группа: сидятъ на бревнахъ и мирно разговариваютъ. На песокъ разложены покупки; изъ рукъ въ руки переходятъ только что купленные бездѣлушки: корзины, статуетки изъ гипса. Одинъ заражаетъ другаго покупками.

— Надо и мнѣ идти купить!..

У о. ректора находится незнакомый почитатель. Подходить какой то студентъ и дарить ему статуетку Спасителя.

Мальчуганъ, лѣтъ десяти, босой собираетъ милостыньку.

— Трое братишекъ, мама. Мама параличная, а братишки меньше меня.

— Ты всѣхъ и кормишь?

— Да!

— Ничего, они у тебя не голодаютъ?

— Нѣтъ.

Дали хлѣба и денегъ. Хватить бѣдной семьѣ на двоихъ сутки. Перекрестился мальчуганъ, поклонился и пошелъ домой.

Наши и здѣсь чувствуютъ себя по домашнему: разгуливаютъ по сходнямъ такъ же непринужденно, какъ въ семинарскомъ корридорѣ. Изрѣдка кто-нибудь влѣзетъ на фонарный столбъ посмотреть въ бинокль—не идетъ-ли пароходъ...

Совсѣмъ стемнѣло. При помощи фонаря разыскали вещи въ лабазѣ, перенесли и сложили ихъ на пароходской пристани. На конторкѣ вдругъ выросла цѣлая груда узловъ и чемодановъ.

Съ извѣстіемъ, что пароходъ близко, все ожило на пароходской пристани: шумъ, говоръ, бѣганье взадъ и впередъ. Съ берега пришли Курскіе семинаристы. Съ ними стало еще шумнѣе. На этотъ разъ безпокойство публики увеличивается тѣмъ, что постороннимъ не выдаютъ билетовъ до тѣхъ поръ, пока пока не размѣстятъ двѣ экскурсіи.

Около полуночи послѣдній свистокъ. Слезы, поцѣлуи, поклоны О. духовникъ и агентъ, какъ старинные пріятели, все еще не могутъ наговориться. Чтобы охладить ихъ чувства, на пристани гасятъ электричество. Послѣ Казани на верхней палубѣ, подъ покровомъ темной ночи, организуется хоръ изъ пассажировъ и воспитанниковъ двухъ семинарій.

10 июля. Послѣдній день нашего путешествія. Нѣчто подобное приходилось переживать въ день отпуска: сдача книгъ, счета съ квартирной хозяйкой, полученіе отпускныхъ документовъ...

Наибольшее оживленіе — въ пароходской каютѣ, гдѣ производитъ окончательные расчеты о. духовникъ. Предъ нимъ на столѣ лежитъ экскурсіонная прихода-расходная книга, карандашъ и холщевый мѣшекъ съ деньгами. Разговоры неинтересные и непосвященному малопонятные

У васъ „карманныхъ“ сколько?

— Всего пятнадцать.

Вы ѣдете до какихъ поръ?

— До *.

Проѣздъ стоитъ... въ остаткѣ...

— На фабрику ходили?

— Вычестъ .. Слѣдуетъ получить.

Время отъ времени счетчикъ глубоко заглядываетъ въ мѣшокъ, убираетъ туда лицо вмѣстѣ съ очками, отыскивая для сдачи нужную монету, но съ трудомъ находить: мало уже монетъ осталось. Всѣхъ меньше получаетъ сдачи о. ректоръ: всего тринадцать копѣекъ.

Въ полдень были розданы увольнительные билеты, и для

учениковъ наступаетъ вѣкать. Одинъ за другимъ уѣзжаютъ товарищи — въ Симбирскѣ, въ Хрящевкѣ. Пустѣетъ наша квартира на пароходѣ „Миссури“.

Окончивъ свои дѣла, „отцы“ почили. Организациа распалась. Теперь каждый самъ о себѣ заботится.

Къ вечеру, уже въ виду Жигулей, собираясь вмѣстѣ съ о. ректоромъ на ночлегъ въ семинарію, воспитанники спрашиваютъ о. духовника:

— Что — же вы то, батюшка, насъ не проводите?

— Будетъ ужъ, шутливо отвѣчаетъ имъ „отецъ“, теперь вы сами стали умные.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Прошло пять лѣтъ со времени первой нашей экскурсіи. Съ тѣхъ поръ мысль о необходимости путешествій настолько прочно улеглась въ сознаниі, что уже не нуждается болѣе въ обоснова- ниі и защитѣ. Но это не значитъ, что дѣло паломническихъ и образовательныхъ экскурсій достигло надлежащей высоты. Много еще надъ нимъ предлежитъ поработать.

Намъ, по наслѣдству, достался взглядъ на экскурсіи, какъ на отдыхъ и удовольствіе. Между тѣмъ, это не только не отдыхъ, а — такъ сказать — самое тяжелое учебное время, поскольку оно требуетъ отъ воспитанника непрерывнаго напряженія мысли, а отъ руководителя — постояннаго преподаванія. Экскурсіи — это одинъ изъ типовъ учебныхъ занятій, не предусмотрѣнныхъ старой программой. Отличіе въ томъ, что преподаваніе здѣсь ведется не за каедрой и партами, а „на всякомъ мѣстѣ владычества Божія“: на палубѣ парохода, въ старинномъ храмѣ, въ музеѣ, въ кельѣ схимника, въ фабричной камерѣ, всюду, гдѣ есть возможность видѣть жизнь живую или уже умершую лицомъ къ лицу. Иногда въ этой обширной, „неизмѣримой пространствомъ“ классной комнатѣ требуется объясненіе учителя (напр. въ музеяхъ), а въ большинствѣ — только одно руководство: руководитель, незамѣтно для учениковъ, только *ведетъ* ихъ, а они *сами смотрятъ*. Но вести труднѣе, чѣмъ говорить. руководи-

тель не можетъ идти съ завязанными глазами: онъ долженъ напередъ знать, куда онъ идетъ и какую общую мысль хочетъ выразить ученикамъ тѣмъ или инымъ подборомъ впечатлѣній. Въ классѣ достаточно учителю заранѣе обдумать урокъ, чтобы съ успѣхомъ рассказать его, здѣсь — не только надо обдумать, но и приготовить на цѣлый мѣсяць „картины“, и „модели“, и „реторты“ и еще какія кто знаетъ иллюстраціи. Тамъ, въ классѣ, можетъ быть и не уляжется въ сознаниі воспитанника преподаваемое учителемъ, — что за бѣда — учебникъ есть. Здѣсь — нѣтъ учебника. Надо терпѣливо ждать, пока *самъ* ученикъ восприметъ новый предметъ, и, помогая ему, отвѣчать лишь на тѣ вопросы, которые онъ предложитъ. Въ классѣ на каждый предметъ дается часъ времени, здѣсь быть можетъ иногда нѣсколько минутъ, въ которыя надо успѣть разсмотрѣть предметъ, чтобы потомъ разстаться съ нимъ и запомнить его на цѣлую жизнь.

Гораздо обширнѣе и самая программа предметовъ, преподаваемыхъ въ экскурсіи. Она обнимаетъ собою весь міръ, съ его настоящимъ и прошлымъ, съ самыми тонкими и сложными явленіями душевной жизни, со всѣмъ тѣмъ, что въ теченіе тысячелѣтій измыслилъ человѣческій геній. Уже мы не говоримъ о механикѣ (устройство локомотива и парохода, водопроводъ на Ваалаамѣ), о сельскомъ хозяйствѣ (въ Петровско-Разумовскомъ), о ботаникѣ и зоологіи (въ Петербургѣ), все это только случайно усвоенныя нами части науки (хотя какъ хорошо долженъ быть подготовленъ преподаватель, чтобы ничего не оставить безъ вниманія во время дороги!) Говоримъ о наукахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ нашей школѣ и содѣйствующихъ выработкѣ міросозерцанія воспитанника. Сюда относится прежде всего исторія, которую мы изучали въ различныхъ музеяхъ и на памятникахъ старины, комбинируя видѣнные нами предметы въ одной общей картинѣ жизни того или другого вѣка. Иногда эта картина настолько живо вставала въ нашемъ воображеніи, что заставляла сильнѣе биться патриотически настроенное сердце, (напр. въ че въ Новгородѣ, со всей его обстановкой, съ древними зданіями, съ одеждой и утварью новгородцевъ). Сюда, далѣе, относятъ

ся искусства, возвышающія чловѣка горѣ до высшихъ настроеній (чудное пѣніе Синодалнаго и Невскаго хора, картинныя галлерей, живописныя виды природы и т. д.) Сюда же относится наука изученія страданій людей, которыя мы отчасти видѣли предъ наступленіемъ Саровскихъ торжествъ (какимъ самоотверженнымъ долженъ быть преподаватель этого *практическаго нравственнаго богословія!*) Сюда же, наконецъ, можетъ относиться бесѣда при ногу схимниковъ о духовномъ подвигѣ, слушаніе одушевленной рѣчи о. Іоанна Кронштадтскаго объ исцѣленіи душевныхъ недуговъ.

Приобрѣтенный этимъ запасъ подлежитъ всесторонней разработкѣ на классныхъ урокахъ въ теченіе года; онъ служитъ фундаментомъ при прохожденіи каждой науки, и нѣтъ такого объясненія въ классѣ, которое не опиралось бы на данныхъ экскурсіи.

Таковъ идеаль. Насколько мы, восемь руководителей, приблизились къ нему, о томъ судить не намъ. Судить будутъ тѣ, кто придетъ намъ на смѣну и станетъ продолжать наше дѣло. Но когда эти молодые оцѣнщики наши, опытные и энергичные, поднимутъ вѣсы для того, чтобы взвѣсить принятый нами на себя трудъ и когда увидятъ, что чашка труда будетъ перевѣшивать чашку достигнутаго нами результата, то — вѣримъ мы — любящей и терпѣливой рукой они прибавятъ намъ талантъ и энергію и помянутъ насъ добрымъ словомъ предъ тѣми, кто будетъ тогда подъ ихъ руководствомъ.